

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина»
(ФГБОУ ВО «СГУ им. Питирима Сорокина»)
Ministry of Science and Higher Education
Federal State Budget Educational Institution of Higher Education
“Pitirim Sorokin Syktyvkar State University”
(FSBEI of Higher Education Pitirim Sorokin SyktSU)

Научно-образовательный и методический журнал
Research and Instruction Journal

Человек. Культура. Образование Human. Culture. Education

*Входит в перечень ведущих рецензируемых изданий ВАК
Минобрнауки РФ (Перечень ВАК)*

*On the list of leading peer-reviewed publications of the Higher Attestation Commission
under the Ministry of Education and Science of the Russian Federation
(Higher Attestation Commission List)*

№ 1 (55) 2025

Научно-образовательный и методический журнал «Человек. Культура. Образование»
Учредитель и издатель — федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина»
(167001, Республика Коми, г. Сыктывкар, Октябрьский просп., д. 55)

12+

*Свидетельство о регистрации СМИ ПИ
№ ФС 77-68795 от 17.02.2017 г.
выдано Федеральной службой
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций.
Журнал зарегистрирован в РИИЦ
(регистрационный номер
261-06 от 02.07.2012 г.)
Выходит с 2011 г.*

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

Ардашкин Игорь Борисович, доктор философских наук, профессор Национального исследовательского Томского политехнического университета (Томск, Россия);

Бразговская Елена Евгеньевна, доктор филологических наук, профессор Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета; профессор факультета мировых языков и культур Российской государственной христианской академии (Санкт-Петербург, Россия);

Бурлыкина Майя Ивановна, доктор культурологии, доцент, Председатель Ученого совета Национальной галереи Республики Коми (Сыктывкар, Россия);

Винокурова Ульяна Алексеевна, доктор социологических наук, профессор Арктического государственного института культуры и искусств (Якутск, Россия);

Дагбаева Нина Жамсуевна, доктор педагогических наук, профессор, директор педагогического института Бурятского государственного университета им. Доржи Банзарова (Улан-Удэ, Россия);

Дружинина Мария Вячеславовна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры перевода и прикладной лингвистики Северного (Арктического) федерального университета (Архангельск, Россия);

Жеребцов Игорь Любомирович, доктор исторических наук, ст. научный сотрудник, директор Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН (Сыктывкар, Россия);

Забулоните Аудра Кристина Иосифовна, доктор философских наук, профессор Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, доцент Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия);

Йонкус Далюс, доктор философских наук, профессор Университета Витовта Великого, департамента философии и социальной критики (Каунас, Литва);

Казакова Галина Михайловна, доктор культурологии, профессор, Министерство социальных отношений, замминистра (Челябинск, Россия);

Леонов Иван Владимирович, доктор культурологии, профессор кафедры теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного института культуры (Санкт-Петербург, Россия);

Лю Лэй, профессор, Шаньдунский университет (Китай);

Мангоне Эмилиана, доктор социологии, профессор социологии, культуры и коммуникации университета Салерно (Салерно, Италия);

Мартысюк Павел Григорьевич, доктор культурологии, доктор философских наук, доцент, профессор Экономического университета им. Г. В. Плеханова (Минск, Республика Беларусь);

Мосолова Любовь Михайловна, доктор искусствоведения, профессор кафедры теории и истории культуры Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия);

Новикова Наталья Николаевна, доктор педагогических наук, доцент, профессор Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина (Сыктывкар, Россия);

Сапанжа Ольга Сергеевна, доктор культурологии, профессор Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, директор Института художественного образования (Санкт-Петербург, Россия);

Скотт Тое, доктор философии, профессор Северного университета г. Бодо, член Союза художников Норвегии (Норвегия);

Сотникова Ольга Александровна, доктор педагогических наук, доцент, ректор Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина (Сыктывкар, Россия);

Тульчинский Григорий Львович, доктор философских наук, профессор департамента прикладной политологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» — Санкт-Петербург (Санкт-Петербург, Россия);

Туманян Тигран Гургенович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и культурологии Востока Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия);

Шабаев Юрий Петрович, доктор исторических наук, ст. научный сотрудник, заведующий сектором этнографии Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН (Сыктывкар, Россия);

Шадрина Ирина Михайловна, доктор педагогических наук, доцент, ректор Мурманского арктического государственного университета (Россия, Мурманск);

Шапинская Екатерина Николаевна, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры рекламы, связей с общественностью и социально-гуманитарных проблем Российского государственного университета физической культуры, спорта, молодежи и туризма (Москва, Россия);

Эрдынеева Клавдия Гомбожаповна, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой педагогики Забайкальского государственного университета; заместитель директора по науке Школы педагогики, профессор Департамента педагогики и психологии развития Дальневосточного федерального университета (Чита, Россия).

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Гурленова Людмила Викторовна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии и педагогической антропологии Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина (Россия, Сыктывкар)

ТЕХНИЧЕСКАЯ РЕДАКЦИЯ

Мазур Виктория Васильевна, кандидат географических наук, начальник отдела планирования и организации научно-исследовательской деятельности Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина

Пашкова Марина Михайловна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры английского языка Института иностранных языков Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина

Руденко Людмила Николаевна, руководитель издательского центра Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина

Адрес редакции: 167001, Республика Коми,
г. Сыктывкар, Октябрьский пр-т, д. 55а.

E-mail: pce@syktsu.ru

Периодическое издание

**Научно-образовательный и методический журнал
“Человек. Культура. Образование”**

№ 1 (55) 2025

Редактор *О. В. Габова*
Корректор *Е. М. Насирова*
Верстка и компьютерный макет *А. А. Ергаковой*
Выпускающий редактор *Л. Н. Руденко*

Подписано в печать 28.02.2025. Дата выхода в свет 12.03.2025.
Гарнитура Cambria. Формат 60×84/16.
Усл. п. л. 10,3. Уч.-изд. л. 11,0. Тираж 100 экз.

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в Коми республиканской типографии
167982, Республика Коми, г. Сыктывкар,
ул. Савина, 81
Сайт: komitip.ru

Peer-reviewed research and instruction journal
Founder and publisher — Federal State Budget Educational Institution of Higher
Professional Education “Pitirim Sorokin Syktyvkar State University”
(167001, Komi Republic, Syktyvkar, Oktyabrsky prosp., 55)

12+

PI Media Registration Certificate
No. FS 77-68795 dated 02.17.2017
issued by The Federal Service For
Supervision
Of Communications, Information
Technology, and Mass Media
Journal is registered in the Russian Science
Citation Index
(Registration No. 261-06 of July 7, 2012)
Published since 2011.

EDITORIAL BOARD

Igor B. Ardashkin, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Tomsk Polytechnic University (Russia, Tomsk);

Elena E. Brazgovskaya, Doctor of Philological Sciences, Professor, Perm State Humanitarian Pedagogical University; Russian Christian Humanitarian Academy (Russia, St. Petersburg);

Maiya I. Burlykina, Doctor of Culture-study, Associate Professor, Chair-person of Scientific Board of the National Gallery of the Komi Republic (Russia, Syktyvkar);

Nina Z. Dagbaeva, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Director of the Pedagogical Institute, Banzarov Buryat State University (Russia, Ulan-Ude);

Maria V. Druzhinina, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of Translation and Applied Linguistics Department of Northern (Arctic) Federal University (Arkhangelsk, Russia);

Ulyana A. Vinokurova, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Arctic State Institute of Culture and Arts (Russia, Yakutsk);

Igor L. Zherebtsov, Doctor of Historical Sciences, Senior Research Worker, Director of the Institute of Language, Literature and History, Komi Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Russia, Syktyvkar);

Audra-Kristina I. Zabulonite, Doctor of Philosophical Sciences, Professor of St. Petersburg University; Professor of Herzen State Pedagogical University of Russia (Russia, Saint Petersburg);

Dalius Jonkus, Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Department of Philosophy and Social Critique, Vytautas Magnus University (Lithuania, Kaunas);

Galina M. Kazakova, Doctor of Culture-study, Professor, Ministry of Social Affairs, Deputy Minister (Russia, Chelyabinsk);

Ivan V. Leonov, Doctor of Culture-study, Professor Professor of the Department of Theory and History of Culture of St-Petersburg State Institute of Culture (Russia, Saint Petersburg);

Liu Leyi, Professor, Shandong University (China);

Emiliana Mangone, Doctor of Sociology, Associate Professor, University of Salerno (Italy, Salerno);

Pavel G. Martysyuk, Doctor of Culture-study, Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Professor of Economics University named after G. V. Plekhanov (the Republic of Belarus, Minsk);

Liubov M. Mosolova, Doctor of Art History, Professor of the Department of Theory and History of Culture, Herzen State Pedagogical University of Russia (Russia, Saint Petersburg);

Natalia N. Novikova, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (Russia, Syktyvkar);

Olga S. Sapanzha, Doctor of Culture-study, Professor of Herzen State Pedagogical University, Director of the Institute of Fine Arts Education (Russia, Saint Petersburg);

Thoe Scott, Ph. D, Professor, Nord University; Member of Association of Norwegian Artists (Norway);

Olga A. Sotnikova, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, President of Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (Russia, Syktyvkar);

Gregory L. Tulchinsky, Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Department of Public Administration, Saint Petersburg School of Social Sciences and Area Studies, Higher School of Economics (Russia, Saint Petersburg);

Tigran G. Tumanian, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of the Department of Oriental Philosophy and Cultural Studies, Saint Petersburg State University (Russia, Saint Petersburg);

Yury P. Shabaev, Doctor of Historical Sciences, Senior Research Worker, Head of the Department of Ethnography, Institute of Language, Literature and History, Komi Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Russia, Syktyvkar);

Irina M. Shadrina, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, President of Murmansk Arctic State University (Russia, Murmansk);

Ekaterina N. Shapinskaia, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor of the Department of Advertising, Public Relations and Social and Humanitarian Problems of the Russian State University of Physical Culture, Sports, Youth and Tourism (Moscow, Russia);

Klavdiia G. Erdyneeva, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the Pedagogy Department, Transbaikalian State University; Deputy Director for Science of the School of Pedagogy, Professor of the Department of Pedagogy and Developmental Psychology, Far Eastern Federal University (Russia, Chita).

CHIEF EDITOR

Liudmila V. Gurlenova, Doctor of Philology, Professor,
Head of the Department of Cultural Science and Anthropology of Education,
Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (Russia, Syktyvkar)

TECHNICAL SUPPORT

Viktoriya V. Mazur, Candidate of Geographical Sciences
Head of the Research Organization Planning Office
of Pitirim Sorokin Syktyvkar State University

Marina M. Pashkova, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor
of the English Language Department of the Institute of Foreign Languages,
Pitirim Sorokin Syktyvkar State University

Liudmila N. Rudenko, Head of the Publishing House
of Pitirim Sorokin Syktyvkar State University.

167001, Komi Republic,
Syktyvkar, Oktyabrsky prosp., 55a
E-mail: pce@syktsu.ru

Подписной индекс журнала в интернет-каталоге "Пресса России" — 34110.

Свободная цена

© ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина», 2025.

Subscription reference of the journal in the catalogue "Press of Russia" is 34110.

Flexible pricing

© FSBEI of Higher Education
«Pitirim Sorokin Syktyvkar State University», 2025.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

Обидина Ю. С. Дионисийские практики в структуре древнегреческой культуры: границы культурного и социального.....	10
---	----

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ, ИСКУССТВА

Абукаева Д. Л. Локальная культура усть-цилемских старообрядцев в 1930-е годы XX века.....	25
Ваткова О. А. Фестиваль искусства акварели: опыт классификации.....	39
Иткулов С. З. Литературный нонсенс как основополагающий принцип логоцентрического моделирования синтетической языковой личности.....	50
Романов Н. А. Александр Скрябин и Эрик Сати: два подхода к роли музыки в культуре.....	63
Шушарина Г. А. Репрезентация региональной идентичности в городской монументальной живописи различных исторических периодов	81

ФИЛОСОФИЯ РЕЛИГИИ И РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ

Гурленова Л. В., Орман К. И. Обновленческий раскол в Коми крае в 1920-е гг. (по материалам архивных источников).....	102
---	-----

ОБЩАЯ ПЕДАГОГИКА, ИСТОРИЯ ПЕДАГОГИКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

Архипова И. А., Карбачинская Н. Б., Харитоновна Е. Е. Активизация познавательного интереса обучающихся стереометрии путём введения задач с экономическим и практическим содержанием.....	116
Герасимова М. П., Герасимова М. Н. Непрерывное профессиональное педагогическое образование учительских кадров в 1917–1940 гг.	131
Гух Ж. К., Власкина Е. В. Установление закономерностей в области консонантизма латинского, русского, английского и немецкого языков как способ развития полиязыковой личности будущего учителя иностранных языков.....	144
Иванищева О. Н. Применение чат-ботов при изучении русского языка как родного: проблемы и перспективы.....	162

CONTENT

PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY. PHILOSOPHY OF CULTURE

Obidina Ju. S. Dionysian practices in the structure of ancient Greek culture: the borders of cultural and social.....	10
--	----

THEORY AND HISTORY OF CULTURE, FINE ARTS

Abukaeva D. L. Local Culture of Ust-Tsilma Old Believers in the 1930s of the 20 th century.....	25
Vatkova O. A. Watercolor Festival: experience of classification.....	39
Itkulov S. Z. Literary Nonsense as a Fundamental Principle of Logocentric Modeling of a Synthetic Linguistic Personality.....	50
Romanov N. A. Alexander Scriabin and Eric Satie: two approaches to the role of music in culture.....	63
Shusharina G. A. Representation of Regional Identity in Urban Monumental Painting of Different Historical Periods.....	81

PHILOSOPHY OF RELIGION AND RELIGION STUDIES

Gurlenova L. V., Orman X. I. The Renovationist Schism in the Komi Region in the 1920 s. (based on archival sources).....	102
---	-----

GENERAL EDUCATION SCIENCE, HISTORY OF PEDAGOGY AND EDUCATION

Arkhipova I. A., Karbachinskaya N. B., Kharitonova E. E. Activation of Students' Cognitive Interest in Solid Geometry by Introducing Tasks with Economic and Practical Content.....	116
Gerasimova M. P., Gerasimova M. N. Continuous Professional Pedagogical Education of Teachers in 1917–1940.....	131
Gukh Zh. K., Vlaskina E. V. Establishment of Regularities in the Consonant Systems of Latin, Russian, English and German as a Way of Forming a Multilingual Personality of a Future Foreign Language Teacher.....	144
Ivanishcheva O. N. Using Chatbots in Learning Russian as a Native Language: Problems and Prospects.....	162

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

Исследовательская статья / Article

УДК 130.2/930.85

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2024-4-10>

Дионисийские практики в структуре древнегреческой культуры: границы культурного и социального

Юлия Сергеевна Обидина

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия,
basiley@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1133-5733>

***Аннотация.** В статье рассматривается поклонение Дионису в контексте культурных норм и границ Древней Греции. Несмотря на огромную роль этого культа для всей античной цивилизации, до сих пор в отечественных исследованиях по теории и истории культуры отсутствуют работы, посвященные анализу культурных категорий и границ ритуального пространства самого парадоксального древнегреческого Бога.*

Гипотеза исследования заключается в том, что неконструктивно рассматривать поклонение Дионису исключительно в контексте структуралистских подходов, то есть с бинарных оппозиций: жизнь — смерть, мужское — женское, государственное — частное, греческое — варварское. Поэтому в данной статье Дионис рассмотрен как медиатор между богами,

людьми и животными, что объясняет многие, до сегодняшнего дня спорные элементы его культа в контексте классической древнегреческой культуры.

В качестве методологии были использованы методы интерпретивной и культурной антропологии. Теоретической базой исследования послужили постулаты К. Гирца, феноменология Э. Гуссерля, символическая философия С. Лангер и герменевтика П. Рикера. Использование классических структуралистских подходов позволило рассмотреть культуру как знаковую систему, а общество — как символический порядок.

Результаты исследования заключаются в обосновании роли Диониса как символа объединения сообщества. Участники дионисийских ритуалов (фиас) и гражданский коллектив (полис) рассматривают Диониса в качестве связующего элемента в оргиастическом или гражданском контексте соответственно. Приписываемая Дионису сила объединять людей вместе и разрушать индивидуальность (и тем самым границы) является свидетельством того, что поклонники культа преодолевают свой нечеловеческий статус и через контакт с Дионисом временно получают статус божества, ощущая себя единой общностью, полисом. Участники культа могли переходить в животные и божественные сферы только во время ритуала, впадая в состояние экстаза и одержимости богом, и только на условиях Диониса. Условие одержимости и ее качество зависело в первую очередь от культурных и социальных норм.

Главный вывод таков, что Дионис через своих почитателей изменял социально-сконструированные бинарные системы древнегреческой культуры. Это позволяет уйти от крайностей в понимании данного культа, убрать ярлык маргинальности и варварства с его почитателей, выделить новые векторы изучения древнегреческой культуры и ее значимых элементов.

Ключевые слова: Дионис, дионисийские практики, парадоксы культуры, медиация, древнегреческая культура

Для цитирования: Обидина Ю. С. Дионисийские практики в структуре древнегреческой культуры: границы культурного и социального // Человек. Культура. Образование. 2024. № 4. С. 10–24. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2024-4-10>

Dionysian Practices in the Structure of Ancient Greek Culture: the Borders of Cultural and Social

Julia S. Obidina

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
Nizhny Novgorod, Russia,
basiley@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1133-5733>

Abstract. *This article examines the worship of Dionysus in the context of the cultural norms and boundaries of Ancient Greece. Despite the enormous role of this cult for the entire ancient civilization, there are still no works in domestic research on the theory and history of culture devoted to the analysis of cultural categories and the boundaries of the ritual space of the most paradoxical ancient Greek God.*

The hypothesis of the study is that it is not constructive to consider the worship of Dionysus exclusively in the context of structuralist approaches, that is, from binary oppositions: life-death, male-female, public-private, Greek-barbarian. Therefore, in this article, Dionysus is considered as a mediator between gods, humans and animals, which explains many, still controversial, elements of his cult in the context of classical ancient Greek culture.

The methodology used was the methods of interpretive and cultural anthropology. The theoretical basis of the study was the postulates of K. Geertz, the phenomenology of E. Husserl, the symbolic philosophy of S. Langer and the hermeneutics of P. Ricoeur. The use of classical structuralist approaches made it possible to consider culture as a sign system, and society as a symbolic order.

The results of the study substantiate the role of Dionysus as a symbol of community unification. Participants in Dionysian rituals (fias) and the civil collective (polis) are connected by the fact that Dionysus acts as a connecting element, in an orgiastic or civil context, respectively. The power attributed to Dionysus to unite people together and to destroy individuality (and thus boundaries) is evidence that the cult's worshipers overcome their non-human status and, through contact with Dionysus, temporarily gain the status of a deity, feeling themselves to be a single community, a polis. Participants in the cult could pass into the animal and divine spheres only during the ritual, falling into a state of ecstasy and possession by the god, and only on the terms of Dionysus. The condition of possession and its quality depended, first of all, on cultural and social norms.

The main conclusion is that Dionysus, through his worshipers, changed the socially constructed binary systems of ancient Greek culture. This allows us to move away from extremes in understanding this cult, remove the label of marginality and barbarity from its worshipers, and highlight new vectors for studying ancient Greek culture and its significant elements.

Keywords: *Dionysus, Dionysian practices, paradoxes of culture, mediation, ancient Greek culture*

For citation: Obidina Ju. S. Dionysian practices in the structure of ancient Greek culture: the borders of cultural and social. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education*, 2024; 4: 10–24. (In Russ.) <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2024-4-10>

Введение. Дионис, безусловно, самое великое и одновременно самое таинственное божество Средиземноморского мира. В рамках поклонения Дионису древние греки соприкоснулись с культурными

ми категориями, чуждыми их традициям и культурным нормам. Не случайно Дионис стал идиомой для изучения границ ритуального пространства и поведения индивида в нем. Диониса можно интерпретировать и как метод самовыражения, и как способ саморефлексии посредством растворения границ и посредничества между категориями.

О культе Диониса написано много, однако парадокс заключается в том, что до сегодняшнего дня нет полной картины понимания функций и роли данного бога в древнегреческой культуре [1–4]. Подходы к изучению культа менялись по мере обнаружения новых свидетельств, в первую очередь эпиграфических и археологических, но часто зависели от общих теоретических и методологических подходов и модных тенденций.

Если рассматривать Диониса в предметном поле культурологических дисциплин, то первенство будет принадлежать исследованиям связи дионисийских ритуалов и зарождению театра и драмы в Древней Греции [5]. Однако эти исследования не разделяют гражданские праздники в честь Диониса и мистическое поклонение ему как божеству, дарующему посвященным бессмертие. В то время как гражданское поклонение Дионису представляло собой финансируемые и контролируемые государством празднества, мистическое предстало в виде особой формы практики частного культа, которая требует инициации участника. Игнорирование данных различий привело к тому, что была создана концепция поклонения Дионису, которой в действительности никогда не было. Попытки изучать мистическое поклонение Дионису в отрыве от других мистических практик Древней Греции — Элевсиний и орфизма, также приводили к еще большему непониманию особенностей античной культуры и вытеснению важнейшего божества античного мира на периферию религиозных практик [6].

Еще один важный блок культурологических исследований культа Диониса связан с его ролью в становлении христианских представлений [7]. Ритуальные практики Диониса были важным аспектом становления христианской идентичности в Средиземноморском мире. Здесь большую роль сыграли отечественные исследователи, изучая как метафизическую, так и ритуальную и культурную функцию данного культа [8].

Период господства структуралистских подходов совпал со всплеском гендерных исследований, что привело к появлению большого количества работ о вызовах гендерной бинарности со

стороны Диониса. Будучи богом-мужчиной, он постоянно пересекал границы женской идентичности [9]. Это привело к некоторым перекосам в восприятии ритуальных практик Диониса в контексте античной культуры, так как присутствие женского поклонения в гражданском культе рушило так тщательно возводимое здание традиционной античной культуры. Но гораздо важнее то обстоятельство, что понимание сущности Диониса невозможно лишь с позиций бинарности, его фигура намного сложнее и глубже проникает в пласты античной культуры.

Несмотря на то что источники именуют Диониса чужестранным богом, он, несомненно, имел греческие корни, о чем свидетельствуют археологические данные, датируя его поклонение в Греции началом бронзового века [10, р. 24–25]. Но при этом его постоянно клеймили как иностранца и варварского бога, так как он не вписывался в традиционные религиозные и общественные устои.

Цель статьи — показать, что культ Диониса выполнял функции социальной, культурной и религиозной медиации в Древней Греции. Дионис — посредник не только между мирами живых и мертвых, но и между людьми, животными и богами, и сам может воплощать животное, человека и бога одновременно. При этом он не только посредник между физическими мирами, но еще и пересекает границы культурных и социальных миров. Такой взгляд на культ Диониса еще не получил внимания у исследователей древнегреческой религии и культуры и позволит заложить основу для дальнейшего изучения этого важнейшего культа Средиземноморского мира.

Методы исследования, теоретическая база. Для понимания культурных смыслов, связанных с ролью Диониса и его культа в античной цивилизации, предлагается использовать методы интерпретативной и культурной антропологии. Интерпретативная антропология, включая в себя различные методы, теории и подходы гуманитарного знания, позволяет переосмыслить традиционные эпистемологические проблемы и конкретные исследовательские цели в заданном предметном поле. Структурная антропология, которая строится на бинарных оппозициях, позволяет рассмотреть Диониса как постоянного медиатора между различными состояниями — животным, человеческим, божественным и мирами — живых и мертвых.

Теоретически исследование построено не только на постулатах К. Гирца, но и идеях феноменологии Э. Гуссерля, символической философии С. Лангер и герменевтики П. Рикера. Использо-

ние структуралистских подходов позволяет рассмотреть культуру как знаковую систему, а общество — как символический порядок в рамках дионисийских ритуальных практик. Совместное использование двух этих подходов позволит, с одной стороны, отойти от рассмотрения культа с точки зрения бинарных оппозиций, с другой — представить способы медиации, которые могут разрешить культурные парадоксы, связанные с системой ритуальных и культовых практик Диониса.

Влияние Диониса распространялось на большую часть греческого мира, однако поклонение Дионису сильно менялось во времени и пространстве. Несмотря на то что территориальные рамки исследования будут ограничены в основном материковой и островной Грецией, а хронологические — эпохой архаики и классики, будут использоваться данные и более позднего, эллинистического периода, а также имеющие итальянское происхождение. Это связано с тем, что оргиастические обряды и культовые практики Диониса были частными и включали только инициированных участников, что было общей чертой оргиастических групп в древнегреческом мире. Различные археологические и литературные данные свидетельствуют об этой исключительности.

С этой целью из археологических источников нами были использованы надписи и изображения на вазах [11]. Выбор письменных источников был обусловлен несколькими факторами. Отрывочные и разрозненные сведения о Дионисе и его культе содержатся в различных источниках. Тем не менее мотив, принадлежащий ритуалу, следует отличать от принадлежащего только мифу. В эпоху классики появляются источники, которые позволяют реконструировать собственно культовую практику, опираясь на свидетельства архаической эпохи. Главнейшим из них являются «Вакханки» Еврипида (405 г. до н. э.) [12] — трагедия, которая описывает процесс установления Дионисом своего культа.

Однако культурные и социальные смыслы культовых практик Диониса, описываемые Еврипидом, невозможно раскрыть без обращения к гомеровскому гимну Дионису (VII в. до н. э.) [13, с. 132]. В то же время ретранслятором культурных смыслов культа эллинистического и римского времени становятся «Моралии» Плутарха (I в. н. э.) [14] и сведения, содержащиеся в «Исторической библиотеке» Диодора Сицилийского [15]. Обращение именно к ритуальным практикам Диониса и обусловило выбор источников.

Необходимо понимать, что письменные источники, которыми мы пользуемся, представляют собой описательные тексты, ограниченные древнегреческой культурой. Поэтому мы не реконструируем сам культ и поклонение ему, как это делали многие исследователи, а пытаемся интерпретировать культурные смыслы.

Несмотря на то что Дионис был фактически панэллинским богом, одним из древнейших богов греческого мира, которому поклонялись в каждом греческом городе, поклонение ему практиковалось по-разному, поскольку отсутствовал официально установленный стандарт богослужения, а формы богослужения навязывались политическими или культурными деятелями [16, р. 121–122]. Все это накладывает определенные трудности для исторической реконструкции культа, но открывает простор для изучения его как подлинного феномена античной культуры.

Результаты исследования и их обсуждение. Дионис постоянно находится в переходном состоянии. У него, с одной стороны, очень ярко представлены зооморфные черты, и он как никакой другой греческий бог был тесно связан с дикими животными. По мнению Р. Сифорда, «у бога есть уникальная связь с теми животными, которые не поддаются контролю со стороны людей» [2, р. 23]. Об этом свидетельствуют не только элементы мифа, но и многочисленные изображения на вазах. В мифе он изображался в виде льва [13, 7.40], быка [12, 920; 14, 299b], козла и змеи [5, р. 18]. На вазах Дионис изображался на колеснице, запряженной дикими животными [2, р. 23]. Мозаика из Пеллы, датируемая 400–360 гг. до н. э., показывает бога верхом на пантере и несущим тирс.

С другой стороны, Дионис — человек по своему происхождению, так как он сын смертной женщины, и предстает перед людьми именно в человеческом образе. Из всех греческих божеств именно Дионис чаще всего появляется среди людей, причем делает это различными способами и в различных формах [2, р. 39]. Например, в «Вакханках» он предстает перед жителями Фив в образе незнакомца, заявляя им, что «изменил свой облик с бога на смертного» [12, с. 4]. Собственно в «Вакханках» главная цель Диониса, когда он предстает в образе человека, — раскрыть себя как бога [12, с. 47].

Несмотря на частое и активное взаимодействие как с миром животных, так и с людьми, Дионис в первую очередь — бог, так как он «бог и сын бога» [12, 84]. Уже гомеровский гимн Дионису подчеркивает его происхождение и статус бессмертного божества. Главной чертой его божественности является способность пересе-

каты границы мира людей и животных. Эта функция присуща Дионису, так как он является «дважды рожденным», о чем свидетельствует известный эпитет Диониса — *dimetor*, что буквально означает «две матери», или «дважды рожденный» [15, 62.5]. Критский миф о происхождении бога, в котором Дионис был разорван на части и возвращен к жизни, описывает мотив воскрешения еще четче. Следовательно, Дионис еще и посредник между мирами живых и мертвых.

Таким образом, Дионис — одновременно животное, человек и божество, он находится одновременно во всех сферах и охватывает все границы между ними.

Участники культа, в отличие от бога, могли переходить в животные и божественные сферы только во время ритуала, впадая в состояние экстаза и одержимости богом. Вне ритуального контекста участники были исключительно людьми и не оспаривали эту категорию. Только во время поклонения Дионису и в состоянии одержимости они переходили в животные и божественные сферы.

Таким образом, их отношения с животным и божественным мирами были временными и сконструированными богом. Единственным постоянным компонентом их поклонения Дионису была возможность бессмертия, которого они достигали в загробной жизни в результате поклонения Дионису.

Пересечение границ животного мира во время отправления культа осуществлялось не только с помощью ношения ритуальной одежды и масок, но и через обряды *sparagmos* (спарагамоса) и *omophagia* (омофагии). *Sparagmos* — это ритуальное разрывание плоти животного, а *omophagia* — ритуальное поедание сырой плоти. Эта практика подтверждается как изображениями на вазописи, так и свидетельствами эпиграфики. На афинской амфоре, датированной 475–425 гг. до н. э., изображена менада, разрывающая жертвенное животное. Ее руки подняты над головой, одну половину животного она держит в левой руке, а другую половину — в правой [17]. Надписи также свидетельствуют об обряде *omophagia* в ритуале. Надпись из Милета, датированная 276 г. до н. э., свидетельствует, что, «возможно, мясо действительно в ходе ритуала съедлось сырым, хотя и необязательно с той дикостью, которую оно символизировало» [2, 24].

«Вакханки» Еврипида сообщают о ритуале омофагии как имитации дикого и неистового разрывания плоти, что свидетельствует о нем как о структурированном и устоявшемся элементе культовой

практики. Имитация мифа позволяла участникам культа достичь животного статуса, аналогичного животному состоянию Диониса в мифе. Прикасаясь к животной плоти и потребляя ее, посвященный становился ближе к животному миру и самому Дионису.

Имитация мифа через ритуал спарагмоса позволяла участникам культа приблизиться не только к животному, но и к божественному миру. Спарагмос можно также рассматривать как метафору, которая олицетворяет состояние выхода души из тела во время слияния с богом [5, р. 20]. Это состояние наступает в результате утраты контроля разума в состоянии одержимости. Дионис, будучи разорванным на части в мифе, в свою очередь разрывает чувство контроля у своих поклонников в состоянии одержимости. Таким образом, роль того, кто приносится в жертву, и того, кто совершает жертвоприношение, была циклически инвертирована.

По-видимому, переход границы между человеком и животным был ключевым моментом достижения измененного состояния сознания в ритуале. Ритуал омофагии, несомненно, был сакральным актом, воплощавшим высшую степень отвращения и восторга. Одновременно данный ритуал олицетворял и осквернение [3, р. 32]. Другими словами, парадоксальность данного ритуала заключалась в том, что, выполняя свою священную функцию, он нарушал *общегреческую ритуальную практику*, то есть омофагия одновременно исполняла и нарушала священные обряды. Таким образом, спарагмос и омофагия были ритуально одобренным нарушением границ, движением от человеческого к животному состоянию под контролем бога и метафорой собственных животных ассоциаций Диониса. Кроме того, это было воплощенное в ритуале состояние перехода границы между животным и человеком.

Второй необходимый компонент ритуала, позволявший пересекать границу между мирами, — ритуальное одеяние. Об этом свидетельствует обряд ореибасии, во время которого поклонники надевали на себя шкуры животных, которые передавали им силу Диониса [3, р. 29]. Таким образом, процесс трансформации во время ритуала происходил не только в результате высвобождения психической силы в момент одержимости богом, но и за счет физического контакта с анималистическими атрибутами Диониса. Это подтверждают изображения на греческих вазах, где сделан акцент на физическом контакте животного и участников ритуала: участники одеты в шкуры животных и разрывают сырую плоть. Метонимиче-

ская связь участников культа с животными подчеркивает глубинную силу, которую вызывала эта связь.

Процесс пересечения границ между миром людей и животных был также метафорой пересечения социальных и культурных границ за счет связи с сатирами и подражания им. Существуют свидетельства, что мужчины наряжались сатирами во время Анфестерий и Дионисий, чтобы отпраздновать прибытие Диониса [11, р. 24]. Этот важнейший компонент культа долгое время не получал внимания исследователей, поскольку сатирам в дионисийском мифе уделено гораздо меньше внимания, чем менадам. Не только женщины во время ритуала выступали в качестве мифических менад, но и мужчины, участники гражданского и мистического поклонения Дионису, подражали сатирам [18]. Причем сатиры не только олицетворяют инверсию социального устройства полиса, но также объединяют в своем образе «человечность, животность и божественность» [2, р. 24]. Таким образом, подражание сатирам было способом не просто пересечения границы между животным и человеком и богом, но и одновременного перехода из категории запретного в категорию желательного в социальном и культурном плане.

В сатирах и менадах просматривается «иная» идентичность участников дионисийских культовых практик. В их образах воплощалось бессмертное существо из свиты Диониса, в котором уживались три категории живого существа, слившись в одну: человека, животного и божества [2, р. 24].

Пересечение границ в ходе ритуала было способом приобретения временного бессмертного или божественного статуса. Сутью оргиастического поклонения Дионису было достижение лучшей загробной жизни и бессмертия, что играло важную роль в нарушении границы человеческого и божественного. Об этом свидетельствует надпись на одной из табличек, найденных в погребениях участников дионисийских фиасов на юге Италии, которая гласит: «Ты стал богом, а не смертным» [11, 9].

Таким образом, последователи бога верили, что их преданность Дионису и нахождение в состоянии одержимости позволяли им достичь божественного статуса, либо временно (в мире смертных), либо навсегда (в загробной жизни).

Но одержимость явно была чем-то большим, чем просто «наполненность» Дионисом. Еврипид в «Вакханках», описывая одержимость Дионисом, свидетельствует о присоединении душ не только к Дионису, но и к группе участников культа, *thiasos* (фиасу). Хор воз-

вещает, что участник «присоединяет свою душу к фиасу» [12, с. 75]. То есть одержимость — это не просто приобщение к Дионису, но и единение с участниками ритуала. Одержимость приводит к стиранию границ между человеком, другими участниками культа и самим Дионисом.

Соединяя свои души с Дионисом во время одержимости, участники пересекали эту границу человеческого. Таким образом, Дионис выступает как символ объединения сообщества. В Древней Греции полис был политически и экономически самодостаточным, поэтому «общность могла быть эмоционально самодостаточной и политически значимой. Сила вдохновлять общность, будь то во всем полисе или в небольшой группе, приписывалась, в частности, Дионису» [2, р. 26].

Таким образом, фиас и полис связаны тем, что для того и другого Дионис выступает в качестве связующего элемента, в оргиастическом или гражданском контексте соответственно. Последователи бога через контакт с ним временно становились божественными, ощущая себя единой общностью, полисом.

Дионис мог не только «растворить границы души» [2, р. 33], что коренилось в искажении границ между животным, человеческим и божественным, но и социальные и культурные границы. Поэтому дионисийская одержимость несла потенциал для негативных последствий как в физическом, так и в культурном плане [19]. Чтобы добиться положительных эффектов безумия (катарсического и общественного опыта), нужно быть правильно безумным (пересекать границы на условиях бога). Как пример — смерть Пенфея и Агавы, которая произошла в результате нарушения отношений между людьми и богами и временной приостановкой нормальных гражданских и социальных механизмов [20, р. 258].

Парадокс этих неправильных пересечений границ заключается в абсолютной власти Диониса над своими поклонниками. В случае с Пенфеем Дионис убедил его неправильно пересечь границу. В случае с Агавой и другими фиванскими женщинами Дионис наказывает их за отрицание его божественности. Таким образом, то, что должно было произойти согласно воле Диониса и общественным нормам, часто находилось в состоянии конфликта, но Дионис всегда побеждал.

Являлось ли пересечение границы от человека к животному или божеству просто символическим подражанием мифу в ходе культовой практики или реальными попытками сломать грани-

цы, основанные на статусе, остается открытым вопросом. В любом случае, чтобы сохранить позитивный опыт пересечения границы, участникам ритуала необходимо было пересечь границы в рамках ожиданий, которые исходили от Диониса. В безграничном потенциале пересечения границ, как физических, так и культурных и социальных, заключалась высшая сила Диониса как божества.

Заключение. В отличие от своих поклонников, которые могли лишь временно пересечь границы животного, божественного и человеческого, Дионис постоянно находится в переходном состоянии. Для участников ритуальных практик бога трансграничность достигалась в состоянии одержимости. Куда отклонится чаша весов — к божественному или животному состоянию — зависело от соблюдения правил ритуала. Божественности можно было достичь, если граница была пересечена на условиях Диониса. Если правила ритуала не были соблюдены, то участники опускались до животного состояния, как это произошло с Агавой и Пенфеем в «Вакханках».

В то же время условие одержимости и ее качество не в последнюю очередь зависело от культурных и социальных норм. Поэтому, несмотря на то, что Дионис также существовал в категориях животных и людей, его божественность не оспаривалась участниками ритуала. Вполне возможно, что последние строки «Вакханок» говорят именно о его божественности превыше всего остального. Дионис выступал как духовная идиома культурной и социальной жизни полиса. Несмотря на то что участники ритуалов верили, что потенциальные результаты их действий находятся под контролем Диониса, это в то же время был социальный и культурный контроль.

Как любая культовая практика, результат поклонения Дионису зависел от контекста — если ритуал был проведен по правилам, то результаты ожидалось положительные, если нет, то наоборот. Если в своей повседневной жизни поклонники Диониса были людьми, членами определенной общности, то во время ритуала они символически меняли этот статус либо на статус животного, либо на статус бога. Это делало их сопричастными не только богу, но и гражданскому коллективу.

Парадоксальная фигура Диониса изменила социально сконструированные бинарные системы древнегреческой культуры. Способность Диониса выступать в качестве медиатора позволяла членам гражданского коллектива выйти за пределы своей строго регламентированной роли в обществе. Через поклонение Дионису почитатели бога были способны разрушить границы между собой и

другими, что позволяло им освобождаться от физических, социальных и культурных оков.

Следует подчеркнуть, что данная статья лишь ставит исследовательскую проблему и формирует гипотезу, которая нуждается в дальнейшем изучении с привлечением новых методологических подходов и всего комплекса источников, доступных сегодня исследователям этого самого сложного и многогранного культа античного мира.

Список источников

1. Обидина Ю. С. Культ Диониса в социокультурном пространстве античного полиса: воображаемое, символическое и реальное // *Диалог со временем*. 2013. № 44. С. 280–295.
2. Seaford R. *Dionysos*. London: Routledge, 2006. 158 p.
3. Christodoulou N. *Dionysian Religion: A Study of the Worship of Dionysos in Ancient Greece and Rome*. Patras: Classics, Philology University of Patras, 2014. 97 p.
4. Кузина Н. В. К вопросу о происхождении культа Диониса // *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*. 2013. № 4–1. С. 252–259.
5. Storm W. *After Dionysus: a Theory of the Tragic*. Ithaca, N. Y: Cornell University Press, 1998. 186 p.
6. Варакина Г. В. Мистерия как феномен культуры: история и современность // *Религиоведение*. 2009. № 2. С. 146–151.
7. Иванов В. В. Эллинская религия страдающего бога // *Человек*. 2006. № 6. С. 167–177.
8. Кибальниченко С. А. Вяч. Иванов и С. Н. Трубецкой: два взгляда на преемственность античности и христианства // *Русско-Византийский вестник*. 2020. № 1 (3). С. 324–331.
9. Segal Ch. *Dionysiac poetics and Euripides' Bacchae*. Princeton, N. J.: Princeton University Press, 1982. 364 p.
10. Caballero S. P. *Maenadic Ecstasy in Greece: Fact or Fiction* // *Redefining Dionysos*. Berlin: De Gruyter, 2013. 649 p. Pp. 159–184.
11. Graf F. *The Tablets: An Edition and Translation* // *Ritual Texts for the Afterlife: Orpheus and the Bacchic Gold Tablets*. London: Routledge, 2013. 246 p. Pp. 1–49.
12. Еврипид. *Вакханки* / пер. с древнегреч. И. Анненского // *Еврипид. Трагедии* : в 2 т. М.: Наука, 1999. Т. 2. С. 388–447.
13. *Античные гимны* / под ред. А. А. Тахо-Годи. М.: Изд-во МГУ, 1988. 362 с.
14. Плутарх. *Сочинения* / пер. Т. Г. Сидаша. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. 384 стр. (акм).
15. Диодор Сицилийский. *Историческая библиотека* / пер. О. П. Цыбенко. СПб.: Наука, 2022. Т. 1. 674 с.

16. Faraone C. A. 2013. Gender Differentiation and Role Models in the Worship of Dionysos: The Thracian and Thessalian Pattern // *Redefining Dionysos*. Berlin: DeGruyter, 2013. 649 p. Pp. 120–143.

17. The Beazley Archive URL: <https://web.archive.org/web/20100607172759/http://www.beazley.ox.ac.uk/xdp/ASP> (дата обращения: 21.08.2024).

18. Обидина Ю. С. Роль сатиров в культуре Диониса по данным древнегреческой вазописи // Вестник Марийского государственного университета. Серия: Исторические науки. Юридические науки. 2024. Т. 10. № 1 (37). С. 55–62.

19. Обидина Ю. С. Культ Диониса как фактор формирования межкультурного диалога в античном обществе // Семиозис и культура: стратегии и практики межкультурного диалога. Сыктывкар: Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина, 2023. С. 216–232.

20. Henrichs A. *Between City and Country: Cultic Dimensions of Dionysus in Athens and Attica* // *Cabinet of the Muses* / Ed. M. Griffith and D. J. Mastro-narde. Atlanta: University of California, 1990. P. 257–277

References

1. Obidina Yu. S. The Cult of Dionysus in the Sociocultural Space of the Ancient Polis: Imaginary, Symbolic and Real. *Dialog so vremenem* [Dialogue with Time]. 2013. No 44. Pp. 280–295. (In Russ.)

2. Seaford R. *Dionysos*. London: Routledge, 2006. 158 p.

3. Christodoulou N. *Dionysian Religion: A Study of the Worship of Dionysos in Ancient Greece and Rome*. Patras: Classics, Philology University of Patras, 2014. 97 p.

4. Kuzina N. V. On the Origin of the Cult of Dionysus. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo* [Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky]. 2013. No 4–1. Pp. 252–259. (In Russ.)

5. Storm W. *After Dionysus: a Theory of the Tragic*. Ithaca, N. Y.: Cornell University Press, 1998. 186 r.

6. Varakina G. V. Mystery as a cultural phenomenon: history and modernity. *Religiovedenie* [Religious studies]. 2009. No 2. Pp. 146–151. (In Russ.)

7. Ivanov V. V. Hellenic religion of the suffering god. *Chelovek* [Man]. 2006. No 6. Pp. 167–177. (In Russ.)

8. Kibal'nichenko S.A. Vyach. Ivanov and S.N. Trubetskoy: two views on the continuity of antiquity and Christianity. *Russko-Vizantijskij vestnik* [Russo-Byzantine Bulletin]. 2020. No 1 (3). Pp. 324–331. (In Russ.)

9. Segal Ch. *Dionysiac poetics and Euripides' Bacchae*. Princeton, N. J.: Princeton University Press, 1982. 364 p.

10. Caballero S. P. Maenadic Ecstasy in Greece: Fact or Fiction. *Redefining Dionysos*. Berlin: De Gruyter, 2013. 649 p. Pp. 159–184.

11. Graf F. The Tablets: An Edition and Translation. *Ritual Texts for the Afterlife: Orpheus and the Bacchic Gold Tablets*. London: Routledge, 2013. 246 p. Pp. 1–49.

12. Euripides. *Bacchae* / translated from ancient Greek by I. Annensky. *Euripid. Tragedii : v 2 tt.* [Euripides. Tragedies : in 2 vols.] Moscow: Nauka, 1999. Vol. 2. Pp. 388–447. (In Russ.)

13. *Antichnye gimny* [Ancient Hymns]. Edited by A. A. Takho-Godi. Moscow: Izd-vo MGU, 1988. 362 p. (In Russ.)

14. Plutarh. *Sochineniya*. Plutarch [Works]. Transl. T. G. Sidasha. (Series “ακμη”). SPb.: Izdatel'stvo SPbGU, 2008. 384 p. (In Russ.)

15. *Diodor Sicilijskij. Istoricheskaya biblioteka* [Diodorus Siculus. Historical Library]. Transl. by O. P. Tsybenko. SPb.: Nauka, 2022. Vol. 1. 674 p. (In Russ.)

16. Faraone C. A. Gender Differentiation and Role Models in the Worship of Dionysos: The Thracian and Thessalian Pattern. *Redefining Dionysos*. Berlin: De Gruyter, 2013. 649 p. Pp. 120–143.

17. The Beazley Archive. Available at: <https://web.archive.org/web/20100607172759/http://www.beazley.ox.ac.uk/xdb/ASP> (accessed: 21.08.2024).

18. Obidina Yu. S. The Role of Satyrs in the Cult of Dionysus According to Ancient Greek Vase Painting. *Vestnik Marijskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki* [Bulletin of the Mari State University. Series: Historical Sciences. Legal Sciences]. 2024. Vol. 10. No 1 (37). Pp. 55–62. (In Russ.)

19. Obidina Yu. S. The Cult of Dionysus as a Factor in the Formation of Intercultural Dialogue in Ancient Society. *Semiozis i kul'tura: strategii i praktiki mezhkul'turnogo dialoga Semiosis and Culture* [Strategies and Practices of Intercultural Dialogue]. Syktyvkar: SyktSU, 2023. Pp. 216–232. (In Russ.)

20. Henrichs A. Between City and Country: Cultic Dimensions of Dionysus in Athens and Attica // *Cabinet of the Muses* / Ed. M. Griffith and D. J. Mastronarde. Atlanta: University of California, 1990. P. 257–277

Сведения об авторе

Обидина Юлия Сергеевна, д-р филос. наук, доцент, профессор кафедры социально-политических коммуникаций, Институт международных отношений и мировой истории (ИМОМИ) Национального исследовательского Нижегородского государственного университета (ННГУ) им. Н. И. Лобачевского (603022, Россия, Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23)

Information about the author

Yulia S. Obidina, Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Professor of the SocioPolitical Communications Department of Institute of International Relations and World History of Lobachevsky National Research University of Nizhny Novgorod (23, Gagarin Av., Nizhny Novgorod, 603022, Russia)

Статья поступила в редакцию / The article was submitted	29.08.2024
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing	03.11.2024
Принята к публикации / Accepted for publication	14.11.2024

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ, ИСКУССТВА

Научная статья / Article

УДК 008

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2025-1-25>

Локальная культура усть-цилемских старообрядцев в 1930-е годы XX века

Дарина Леонидовна Абукаева

Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина,
Сыктывкар, Россия,
abukaeva.darina@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается культура 1930-х годов усть-цилемских старообрядцев-беспоповцев как локальная версия их повседневной культуры с позиций «типичного», «специфичного» и «особенного, единичного», где «типичным» является российское беспоповское старообрядчество, «специфичным» — староверская культура коми беспоповского согласия, а «особенным, единичным» — повседневная культура усть-цилемских староверов-беспоповцев. Несмотря на важность усть-цилемского ареала, его культура не привлекала особого внимания советских исследователей, культурологический аспект изучения данного материала разработан недостаточно и сегодня. Целью данного исследования является актуализация локальной культуры усть-цилемских старообрядцев на примере короткого

исторического отрезка — 1930-е годы. Данный период интересен как время кризисного столкновения традиционных старообрядческих ценностей и зарождающейся культуры советской эпохи. Научный анализ обозначенной темы осуществляется с позиций феноменологического, культурологического и сравнительного подходов.

Итоги исследования: определены особенные для локальной культуры усть-цилемских старообрядцев характеристики: 1) «мессианский» характер, выразившийся в проповеднической деятельности старообрядцев на значительной территории Коми края, что позволило сохранить культурные основы старообрядчества, в том числе и в советскую эпоху; 2) упорное публичное или скрытое игнорирование советских нововведений. Это способствовало сохранению в усть-цилемской локальной культуре особенных элементов духовно-обрядовой практики.

Ключевые слова: старообрядчество, Усть-Цильма, усть-цилемские старообрядцы, беспоповское согласие, культура повседневности, локальная культура

Для цитирования: Абукаева Д. Л. Локальная культура усть-цилемских старообрядцев в 1930-е годы XX века // Человек. Культура. Образование. 2025. № 1. С. 25–39. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2025-1-25>

Local culture of Ust-Tsilma Old Believers in the 1930s of the 20th century

Darina L. Abukaeva

Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar, Russia,
abukaeva.darina@mail.ru

Abstract. *The article examines the culture of the 1930s Ust-Tsilemsky Bespopov Old Believers as a local version of their everyday culture from the perspective of “typical”, “specific” and “special, singular”, where “typical” is the Russian Bespopov Old Believers, “specific” is the Old Believer culture of the Komi Bespopov consent, and “special, singular” — the daily culture of Ust-Tsilemsky Bespopovtsy Old Believers. Despite the importance of the Ust-Tsilemsky area, its culture did not attract much attention from Soviet researchers, and the cultural aspect of studying this material has not been sufficiently developed today. The purpose of this study is to actualize the local culture of the Ust-Tsilemsky Old Believers using the example of a short historical period — the 1930s. This period is interesting as a time of crisis cultural clash of traditional Old Believer values and the emerging culture of the Soviet era. The scientific analysis of the designated topic is carried out from the standpoint of phenomenological, cultural and comparative approaches. Research results: the characteristics of the Ust-Tsilemsky Old Believers, which are special for the local culture, have been identified: 1) the “Messianic” character, expressed in*

the preaching activities of the Old Believers in a significant area of the Komi region, which made it possible to preserve the cultural foundations of the Old Believers, including in the Soviet era; 2) persistent public or covert disregard for Soviet innovations. This contributed to the preservation of special elements of spiritual and ceremonial practice in the Ust-Tsilem local culture.

Keywords: *Old Believers, Ust-Tsilma, Ust-Tsilemsky Old Believers, Bespopovskoye accord, culture of everyday life, local culture*

For citation: Abukaeva D. L. Local Culture of Ust-Tsilma Old Believers in the 1930s of the 20th century. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education, 2025; 1: 25–39.* (In Russ.) <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2025-1-25>

Введение. В настоящее время актуальной является проблема сохранения отечественных культурных традиций как фундаментальных основ российской государственности, исторической и культурной преемственности последующими поколениями. В российской культурной мозаике важное место занимают региональные и локальные культуры. В данном контексте локальная культура усть-цилемских старообрядцев 1930-х годов представляет культурный капитал — «духовно-эстетическое и интеллектуальное коллективное и персональное культурное наследие» [1].

Новизна данного исследования заключается во введении в научный оборот архивных материалов 1930-х годов, таких как отчеты и доклады об экономическом состоянии района и процессе коллективизации, а также письменный отчет к отчетному докладу райисполкома на 3-м районном Съезде Советов.

Методы исследования. В работе использовались феноменологический, культурологический и сравнительный подходы. С позиции феноменологического подхода повседневная жизнь старообрядцев Усть-Цильмы рассматривается как уникальное явление, характеризующееся рядом неповторимых качеств, что позволяет классифицировать ее как локальную самобытную культуру. Культурологический подход предполагает рассмотрение культуры усть-цилемских старообрядцев в качестве стержневой в понимании и объяснении регионального самосознания и жизнедеятельности жителей этой территории. Сравнительный подход, в свою очередь, дает возможность выделить типичные, специфичные и особенные характеристики локальной культуры усть-цилемского старообрядчества.

Теоретическая база. Культура повседневности старообрядцев Усть-Цильмы советского периода долгое время была малодоступной для изучения, так как действовал запрет на изучение нижнепечорского староверия, который «был полностью снят только в начале 90-х годов XX века» [2].

Отметим, что со второй половины XX века Усть-Цилемский район начал активно исследоваться историками, филологами и фольклористами, появились работы В. И. Малышева, Ю. В. Гагарина, позже — Т. И. Дроновой, Т. С. Каневой и др. Однако при анализе уникальности повседневности жителей этой территории доминировал историко-фактологический, а не культурологический подход в совокупности предмета, методов и специфики научного изыскания.

Результаты исследования и их обсуждение. Усть-Цилемский район, расположенный в северо-западной части Республики Коми, выделился в июле 1929 года из бывшего Печорского уезда Архангельской губернии. По состоянию на 1931 год он включал 96 населенных пунктов, расположенных по берегам реки Печоры и ее притокам Нерице, Пижме и Цильме [3, с. 146].

Население этого района, расположенного почти у самого полярного круга, в прошлом было полностью старообрядческим. Об этом пишет В. И. Малышев: «...по Пижме и Цильме не имелось ни одной “мирской”, или “православной”, деревни, как принято называть здесь села с “никонианским” населением» [4]. Их не было также по Печоре, в селениях вверх и вниз от Усть-Цильмы.

Староверие зародилось здесь при активном участии выговцев. Выговское общежительство являлось центром самостоятельного течения в беспоповщине — поморского согласия, его авторитет был исключительно высок во всем старообрядчестве [5]. В первой половине XVIII века поморские общины существовали на всей территории России — Москве, Санкт-Петербурге, Поволжье (Ярославль, Керженец, Саратов), Стародубье. Поморцы встречались в Верхокамье, на Урале и в Западной Сибири. В XIX и XX веках в поморское согласие перешел ряд больших федосеевских общин Ленинграда, Псковской, Новгородской областей, Поволжья, Прибалтики. Таким образом, «в советское время поморцы стали самым многочисленным беспоповским согласием» [6].

Бассейн нижней Печоры является самым ранним староверческим беспоповским поморским (даниловским) центром. Усть-Цилемский культурный ареал оказал большое влияние на распространение и утверждение староверия на средней и верхней Печо-

ре. Согласно современному административно-территориальному делению, места компактного проживания староверов по р. Печоре — Усть-Цилемский, Троицко-Печорский, Вуктыльский и Печорский районы [7, с. 9]. В середине XVIII века староверие распространилось также в Усть-Куломском и Удорском районах.

Распространению старообрядчества в Усть-Цилемском районе способствовало несколько причин, основными из которых являлись труднодоступность местности, оторванность от культурных центров, а также близкое соседство с Пустозерском — городом, где казнили известного борца за «старую» веру протопопа Аввакума. В таких условиях старообрядчество находило благоприятную почву для своего развития и существования.

Типичным для устьцилемов, как и для старообрядцев-беспопцев всех регионов, являлась идея об уже совершившемся воцарении Антихриста и вытекающее отсюда убеждение в прервавшейся благодати священства и прекращении церковной иерархии [8]. Однако вместо священства беспоповцы вводят наставничество, избрание в которое проводилось по положениям, изложенным в правилах Кормчей книги [9].

Этноконфессиональная устойчивость усть-цилемских старообрядцев беспоповского согласия объясняется тем, что, несмотря на проживание в условиях иноэтичного окружения (с севера граничили с ненцами, с юга — коми-ижемцами), они крайне ограничивали этнокультурные взаимоотношения с соседями. Вот почему их локальная традиционная культура является маркером данной этноконфессиональной группы.

Важной особенностью усть-цилемской локальной культуры был ее «мессианский» характер: наставники Усть-Цильмы занимались проповеднической деятельностью на территории Коми края. В 1960–1970-е годы Ю. В. Гагарин отмечал: «Начётчики с Пижмы и Усть-Цильмы месяцами жили на средней и верхней Печоре, пропагандируя старообрядчество и занимаясь требоисполнением среди местного населения» [10, с. 169–170]. Пижемские духовники проповедовали на Вашке, где благословляли удорских крестьян в наставническую должность [11, с. 62].

Мировоззрение старообрядцев в 1930-е годы XX века развивалось в непростых условиях, характеризующихся гонениями и антирелигиозной политикой государства. Поэтому традиционная старообрядческая культура выступала не только нравственной ценно-

стью, способствующей сохранению этнокультурной идентичности, но и необходимостью, которая помогала выжить.

Изучение культуры повседневности, понимаемой как «совокупность в той или иной степени регулярно повторяющихся, упорядоченных, регламентированных форм деятельности человека, обеспечивающих удовлетворение материальных и духовных потребностей индивидуума, семьи и общества в целом, но не приводящих к серьезным изменениям материальной и духовной культуры» [12, с. 79], позволяет рассмотреть основные аспекты жизнедеятельности усть-цилемских старообрядцев как фундаментальные основы устойчивости и сохранности их локальной культуры.

В это время старообрядческая идеология по-прежнему занимала господствующее место в мировоззрении местных старообрядцев, несмотря на то что в обществе наметился значительный крен в сторону насаждения светскости и антиклерикальности. Повседневная жизнь староверов Усть-Цилемского района продолжала сохранять свои «особенные» черты. Наиболее ярко они проявлялись в духовных структурах повседневности: семье, воспитании детей, времяпровождении, трудовой культуре.

По-прежнему типичным для того времени было иметь большую семью, в которой соблюдались не только церковные правила, но и нравственные устои, такие как почитание старших, послушание, помощь и т. д. В Усть-Цилемском районе численность детей в семьях иногда доходила до 7–10 человек. Печорский старообрядческий писатель С. А. Носов отмечал: «Ну, однакие были тогда семьи крупные. По восемнадцать человек выйдут на кошенину из одной семьи» [13]. Каждый член семьи, включая детей, знал свои права и обязанности, должен был выполнять порученную работу. Массовому осуждению подвергались те, кто отдыхал днем, за исключением маленьких детей и пожилых людей.

При заключении брака усть-цилемские старообрядцы руководствовались правилами Кормчей, общими и церковного венчания: единое вероисповедание, отсутствие плотского и духовного родства, добровольное согласие на вступление в брак, благословение родителей [14, с. 8–9]. Немаловажным оставалось и мнение односельчан: родители могли передумать, если репутация будущего жениха или невесты была несоответствующей. Время вступления в брак строго обговаривалось. Запрещалось проводить свадебный обряд в посты, поминальные (родительские) недели и на Радонице, в святки, на Масленицу, в церковные праздники и воскресные и

праздничные дни, среды и пятницы. Подходящим для брака временем считались осенний и зимний мясоеды.

Однако в советский период венчание в церкви для устьцилемских староверов не являлось обязательным условием вступления в брак. Атеистическая пропаганда, закрытие церквей, отдаленность и труднодоступность некоторых деревень приводила к тому, что некоторые старообрядцы создавали свои семьи неофициально. Вступление в брак без венчания не осуждалось и деревенским сообществом. Чтобы вступить в брак, достаточно было попросить благословения у родителей, поскольку благословленный родителями брак разрешался у староверов. Половые отношения в благословленном браке считались «Божьим делом» [14, с. 76].

Дети в старообрядческом сообществе также считались Божьим благословением. Женщину в первую беременность старались беречь от тяжелой работы в отличие от последующих беременностей, когда ей приходилось работать до самых родов и зачастую рожать на месте работы: в поле или других местах. Обычно роды принимали в бане, обладающей сакральными смыслами и гигиеническими условиями. Место родов предварительно готовилось самой роженицей или ее родными. Часто для помощи в родах приглашалась повитуха, имеющая знания в области народной медицины, а также определенные религиозные и магические заговоры.

Детей рано начинали приобщать к вере. Как вспоминает А. В. Семенова, «меня с раннего возраста обучали молитвам, молилась с бабушкой и тетей». Воспитание строилось на основе страха Божьего. Например, того, кто стирал одежду или мыл дом в церковные и воскресные дни, пугали тем, что на том свете ему придется эту воду пить. Также с этого возраста ребенка начинали и наказывать, часто с помощью вицы. Считалось, что рукой ребенка можно покалечить, тогда как «вица не вередит, а на ум наставит» [Там же].

Крестили детей наставники в моленных, в домах или на реке. Староверы серьезно относились к крещению, воспринимая его как духовное рождение и обретение Божьей защиты. С 1930-х годов обряд крещения начали проводить не только мужчины-наставники, но и женщины, хотя и с некоторыми исключениями, например, женщине было запрещено чтение Евангелия на службе. Такая замена объяснялась тем, что к концу 1930-х годов многие наставники подверглись репрессиям или находились на нелегальном положении. Поэтому впоследствии стал широко распространен инсти-

тут «наставниц» — женщин, руководящих общинами за отсутствием наставников-мужчин.

Вопреки активной атеистической пропаганде немалое количество старообрядцев, особенно пожилых, продолжало придерживаться старых обрядов, игнорировать культурные мероприятия и негативно воспринимать технические нововведения. Они отказывались нянчить некрещенных внуков, родители которых попадали под влияние атеистической идеологии.

В 1930-е годы повсеместно стала расти роль народного образования. Основной упор в этой области был сосредоточен на ликвидации неграмотности. В районе вводилось всеобщее обучение и создавалась широкая сеть школ повышенного типа [15, с. 113].

В 1929–1930 годах в районе насчитывалось 17 школ первой ступени, где обучалось 769 детей. Действовала также и школа рабочей молодежи [16, с. 155]. Также в это время открылась районная колхозная школа, в которой готовили сельскохозяйственные кадры. Увеличение числа учреждений народного образования было связано с ростом заинтересованности жителей района в обучении.

Согласно архивным данным, количество детсадов и школ в районе с каждым годом существенно росло. Так, в 1930 году насчитывалось шесть детских садов, 25 школ первой ступени и одна школа повышенного типа [15, с. 113]. А уже в 1932 году в районе насчитывалось 19 детских садов, 34 школы первой ступени и три школы повышенного типа [15, с. 113]. К концу 1930-х годов в Усть-Цилемском районе насчитывалось 35 начальных и шесть неполных средних школ [16, с. 155]. В разных деревнях школы функционировали, как правило, в частных домах. Так, в начале 30-х годов в д. Мыза открыли школу в частном доме. В ней обучали грамоте учеников от 12 до 40 лет, поскольку многие из них не умели даже расписываться.

Несмотря на рост образовательных учреждений и высокую заинтересованность жителей района в обучении, имелись также и некоторые трудности: недостаточное качество обучения из-за нехватки школьных зданий и отсутствия местных кадров; низкий процент молодежи, поступающей в средние и высшие учебные заведения; недостаточный охват детей дошкольными учреждениями; отсутствие систематической и широкой культурно-просветительской работы среди крестьянского населения.

Еще один парадокс заключался в том, что посещаемость школ в 1930-е годы стала падать, что объяснялось негативным отношением старообрядцев района к мероприятиям советской власти. Так,

еще в 20-е годы наставники активно препятствовали культурным преобразованиям в деревне. «Нардом» (народный дом), читальня, ликпункт (пункт по ликвидации неграмотности) были объявлены «антихристовыми изобретениями» [10, с. 255].

Наряду с преобразованиями в 1930-е годы происходили жесточайшие процессы раскулачивания. Печорский край становится приютом для многих сотен политических ссыльных и репрессированных жителей из разных регионов Советского государства [16, с. 174]. Решением административной комиссии НКВД в 1923 году Коми область и Печора были определены как регионы для проживания административно высланных [16, с. 93].

В начале 1930-х годов репрессиям подверглись и старообрядцы района. По состоянию на 1932 год в Усть-Цилемском районе имелись следующие категории заключенных, спецпереселенцев и ссыльных: высланные в административном порядке (1 083 человека), спецпереселенцы (1 573 человека), местный «контрреволюционный и антисоветский элемент» (13 человек); местное население составляло 13 038 человек [16, с. 133]. Спецпереселенцы формально не были репрессированы и не лишались свободы, но фактически были таковыми, так как лишались основных гражданских прав, например избирательного права и права на свободу передвижения. Одним из таких поселков в Усть-Цилемском районе стал Новый Бор, в котором отбывали ссылку люди из разных областей России.

В 1930-е годы происходила также коллективизация сельского хозяйства, что приводило к формированию новой организации культуры труда. Влияние коллективизации на традиционную старообрядческую общину было более разрушающим, чем антирелигиозная политика 1930-х годов [17]. Население предупреждали: не записавшиеся в колхоз будут приравнены к кулакам. Люди оказывались перед выбором: «или ты теряешь имущество, отдав колхозу, или теряешь все и жизнь в результате раскулачивания» [16, с. 63–64]. С. А. Носов писал: «Колесница мучения как годового периода на земле. Почему я рвал на себе одежду. Непочитание седьмого дня в недели нарушило в жизни не пользоваться своим трудом более семи лет ни в чем. Особенно ясно с 1925 г. по 1931 г. Все взято и все кончилось тем, что записали на бумагу паевые по цене 60 рублей корова, было их 6, и две лошади рабочие малость подороже, хлев, коридор длина 18 аршин, ширина 13, на нем повесть вмещалась сена до 100 куч, амбар, были и расчистки сенокосные на всего скота с молодняком. Последние взяты как земля государственная, бесплат-

но, но и уплата паевая ни во что же превратилась. Помнится, что 60 процентов подлежали в неделимые фонды; когда пришел получать паевые, то деньги обесценились и получилось, корова и килограмм масла равны. Как это назвать, всякому понятно» [18, с. 340–341].

Коллективизация нарушила экономическую базу старообрядческой сельской общины, в колхозах было труднее соблюдать религиозные и бытовые предписания старообрядческой веры. Требования работать в воскресенье и во время православных праздников делали практически невыполнимыми традиционные ритуальные таинства. В 1930-е годы сокращается размах религиозных празднеств и меняется их содержание. Праздники отмечались больше по традиции, нежели в силу религиозных убеждений. Ослаблению роли религиозных праздников в жизни старообрядцев способствовала также и организация массовых субботников, проводимых в эти дни.

Несмотря на тяжелые трудовые будни, усть-цилемские старообрядцы, а особенно молодежь, все же находили время для отдыха. В те времена повсеместно создавались избы-читальни, которые выступали центром культурной жизни в деревнях. В 1930-х годах в районе насчитывалось девять изб-читален [3, с. 146]. Повсеместно происходило закрытие церквей, помещения отдавались под культурно-просветительские и хозяйственные нужды. В бывших церквях устраивались молодежные вечера. Из 151 функционирующего до революции храма в Коми АССР к 1939 году не осталось ни одного [19, с. 51].

В создаваемых культурно-просветительских учреждениях проводились танцевальные вечера под гармошку, демонстрировались фильмы, организовывались театральные выступления. В 1930 году впервые в Усть-Цилемском районе было показано немое кино в д. Степановской. В 1935 году в Пижемской избе-читальне (клубное учреждение, центр культурно-просветительской работы в деревнях и сёлах СССР) появилось радио. В 1937 году открылась Пижемская сельская библиотека. Культурная жизнь на селе стремительно развивалась.

Значимым праздником среди местных жителей оставалась Усть-Цилемская горка. Это народно-хороводное гуляние, живой памятник древнерусской культуры, который остается актуальным на протяжении нескольких столетий. Однако в советский период наблюдалось уменьшение количества дней горочных гуляний, что связывалось с угасанием интереса молодежи к данному праздни-

ку. Причиной этому являлось активное вовлечение молодых людей в комсомольскую жизнь и ориентирование на социалистические ценности.

Заключение. Таким образом, локальная культура усть-цилемского беспоповского старообрядчества несла в себе как типичные (присущие представителям всего российского беспоповского старообрядчества), так и специфичные (характерные для коми старообрядцев-беспоповцев) и особенные черты.

По сравнению с другими староверческими центрами России особенность усть-цилемской старообрядческой культуры заключалась в проповеднической деятельности наставников не только на территории Усть-Цилемского района, но и в других районах Коми края, что позволяло сохранять и распространять основы старообрядческой веры.

Советская действительность, безусловно, внесла свои коррективы в духовно-обрядовую практику староверов Усть-Цильмы. Однако местные жители старались сохранить древнерусские традиции, порой игнорируя трудности советской эпохи. Так, до наших дней сохранилась Усть-цилемская горка — праздник, способствующий преемственности национального и регионального самосознания, а также сохранению региональной идентичности потомков северного поморского старообрядчества.

Усть-Цилемские старообрядцы сумели сохранить древнерусский дух в непростых условиях советского времени. Повседневная жизнь крестьянина-старообрядца хоть и претерпела изменения, но, как и прежде, строилась на основе религиозных правил, обрядов и нравучений предков. Все это дает основание рассматривать локальную культуру усть-цилемских староверов как культурный феномен с уникальным набором поведенческих стереотипов и артефактов.

Список источников

1. Казакова Г. М. Культурный капитал, культурные индустрии и индустрии культуры: понятийные поиски // Вестн. Том. гос. ун-та. Культурология и искусствоведение. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnyyu-kapital-kulturnye-industrii-i-industrii-kultury-ponyatiynye-poiski> (дата обращения: 01.10.2023).
2. Дронова Т. И. Русские староверы-беспоповцы: конфессиональные традиции в обрядах жизненного цикла (конец XIX — XX в.). URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/dronova/text.pdf> (дата обращения: 30.09.2023).

3. Отчеты и доклад об экономическом состоянии района и коллективизации // Нац. арх. Республики Коми. Р-94. Оп. 1. Ед. хр. 53.

4. Малышев В. И. Усть-Цилемские рукописи XVII–XIX вв. исторического, литературного и бытового содержания. URL: http://www.lib.pushkinskijdom.ru/Portals/3/PDF/TODRL/17_tom/Malyshev/Malyshev.pdf (дата обращения: 29.09.2023).

5. Православная энциклопедия. URL: <https://www.pravenc.ru/text/78246.html> (дата обращения: 15.10.2024).

6. Русская вера: старообрядческий сайт. URL: <https://ruvera.ru/dpc> (дата обращения: 15.10.2024).

7. Дронова Т. И. Действующие староверческие общины в Республике Коми (последняя четверть XX — XXI в.) // Староверие на северо-востоке европейской части России : сб. ст. Сыктывкар, 2006. С. 9–21.

8. Швец А. С. Рождение старообрядчества как феномена русской культуры // Социально-гуманитарные проблемы образования и профессиональной самореализации. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_32731552_83841531.pdf (дата обращения: 12.10.2023).

9. Дронова Т. И. Духовные руководители старообрядческих общин на нижней Печоре: избрание и деятельность (середина XIX — XXI в.) // Этнографическое обозрение. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_30753724_59059121.pdf (дата обращения: 03.10.2023).

10. Гагарин Ю. В. История религии и атеизма народа коми. М.: Наука, 1978. 323 с.

11. Власова В. В. Старообрядческие группы коми: конфессиональные особенности социальной и обрядовой жизни. Сыктывкар: КНЦ УрО РАН, 2010. 172 с.

12. Сатаев Р. М. Использование понятий «жизнеобеспечение», «бытовая культура» и «культура повседневности» применительно к изучению обществ исторического прошлого // Этнографическое обозрение. 2018. № 1. С. 73–82.

13. Записи Н. И. Савушкиной в 1978 г. // АКФ МГУ. ФЭ-12: 4-6-1978. Т. 147. С. 0483. № 15. URL: <https://territory.syktsu.ru/nosovsa/folklore/past-tale/> (дата обращения: 15.10.2024).

14. Дронова Т. И. Представления о супружеских отношениях в культуре староверов-беспоповцев Усть-Цильмы // Томский журнал ЛИНГ и АНТР. 2017. № 2 (16). С. 76–83.

15. Письменный отчет к отчетному докладу райисполкома на 3-м районном Съезде Советов // Нац. арх. Республики Коми. Р-94. Оп. 1. Ед. хр. 175.

16. Рочева Л. К. Усть-Цильма: на заре новой жизни (1917–1939). Сыктывкар: КРТ, 2021. 184 с.

17. Коровушкина-Пярт И. П. Старообрядчество Урала в годы сталинской «революции сверху»: репрессии, протест и выживание. URL: <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/2768/1/pristr-04-09.pdf> (дата обращения: 10.09.2023).

18. Печорский старообрядческий писатель С. А. Носов: видения, письма, записки / подгот. текста, вступ. ст. и примеч. М. В. Мелихова. М.: Памятники исторической мысли, 2005. 422 с.

19. Гагарин Ю. В., Жеребцов Л. Н. Быт и культура села. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1968. 171 с.

References

1. Kazakova G. M. Cultural capital, cultural industries and cultural industries: conceptual searches. *Vestn. Tom. gos. un-ta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie Vestn.* [Tomsk State University. Cultural studies and art history]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnyy-kapital-kulturnye-industrii-i-industrii-kultury-ponyatiynye-poiski> (accessed: 01.10.2023). (In Russ.)

2. Dronova T. I. *Russkie starovery-bespopovcy: konfessional'nye tradicii v obryadah zhiznennogo cikla (konec XIX — XX v.)* [Russian Old Believers-bespopovtsy: confessional traditions in life cycle rituals (late 19th — 20th centuries)]. Available at: <https://www.booksite.ru/fulltext/dronova/text.pdf> (accessed: 30.09.2023) (In Russ.)

3. Reports and a report on the economic condition of the district and collectivization. *Nac. arh. Respubliki Komi* [National Archives. Komi Republic]. P-94. Op. 1. Ed. hr. 53. (In Russ.)

4. Malyshev V. I. *Ust'-Cilemskie rukopisi XVII-XIX vv. istoricheskogo, literaturnogo i bytovogo sodержaniya* [Ust-Tsilemsky manuscripts of the XVII-XIX centuries. historical, literary and everyday content]. Available at: http://www.lib.pushkinskijdom.ru/Portals/3/PDF/TODRL/17_tom/Malyshev/Malyshev.pdf (accessed: 29.09.2023). (In Russ.)

5. *Pravoslavnaya Enciklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Available at: <https://www.pravenc.ru/text/78246.html> (accessed: 15.10.2024). (In Russ.)

6. *Staroobryadcheskij sajt «Russkaya vera»* [The Old Believers' website "Russian Faith"]. Available at: <https://ruvera.ru/dpc> (accessed: 15.10.2024). (In Russ.)

7. Dronova T. I. Active Old Believer communities in the Komi Republic (the last quarter of the XX–XXI centuries). *Staroverie na Severo-Vostoke evropejskoj chasti Rossii: sbornik statej* [Old Believers in the North-East of the European part of Russia]. Syktyvkar, 2006. Pp. 9–21. (In Russ.)

8. Shvets A. S. The birth of Old Believers as a phenomenon of Russian culture. *Social'no-gumanitarnye problemy obrazovaniya i professional'noj samorealizacii* [Socio-humanitarian problems of education and professional self-realization]. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_32731552_83841531.pdf (accessed: 12.10.2023). (In Russ.)

9. Dronova T. I. Spiritual leaders of the Old Believer communities on the Lower Pechora: election and activity (mid-19th — 21st centuries). *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic review]. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_30753724_59059121.pdf (accessed: 03.10.2023). (In Russ.)

10. Gagarin Yu. V. *Istoriya religii i ateizma naroda komi* [History of religion and atheism of the Komi people]. Moscow: Nauka, 1978. 323 p. (In Russ.)

11. Vlasova V. V. *Staroobryadcheskie gruppy komi: konfessional'nye osobennosti social'noj i obryadovoj zhizni* [Old Believer groups of Komi: confessional features of social and ceremonial life]. Syktyvkar: KSC Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2010. 172 p. (In Russ.)

12. Sataev R. M. The use of the concepts of «life support», «everyday culture» and «culture of everyday life» in relation to the study of societies of the historical past. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic review]. 2018. No 1. Pp. 73–82. (In Russ.)

13. Note by N. I. Savushkina in 1978]. *AKF MGU* [AKF MSU]. FE-12: 4-6-1978. Vol. 147. P. 0483. No. 15. Available at: <https://territory.syktsu.ru/nosovsa/folklore/past-tale/> (accessed: 10.15.2024). (In Russ.)

14. Dronova T. I. Ideas about marital relations in the culture of Ust-Tsilma Old Believers-Bespovovites. *Tomskij zhurnal LING i ANTR* [Tomsk Journal of LING and ANTR]. 2017. No 2 (16). Pp. 76–83. (In Russ.)

15. Written report to the report of the district Executive Committee at the 3rd District Congress of Soviets. *Nac. arh. Respubliki Komi* [National Archives. Komi Republic]. P-94. Op. 1. Ed. hr. 175. (In Russ.)

16. Rocheva L. K. *Ust'-Cil'ma: na zare novoj zhizni (1917–1939)* [Ust-Tsilma: at the dawn of a new life (1917–1939)]. Syktyvkar: Komi Book Publishing House, 2021. 184 p. (In Russ.)

17. Korovushkina-Pyart I. P. *Staroobryadchestvo Urala v gody stalinskoj «revolyucii sverhu»: repressii, protest i vyzhivanie* [The Old Believers of the Urals during Stalin's "revolution from above": repression, protest and survival]. Available at: <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/2768/1/pristr-04-09.pdf> (accessed: 10.09.2023). (In Russ.)

18. *Pechorskij staroobryadcheskij pisatel' S. A. Nosov: videniya, pis'ma, zapiski* [Pechora Old Believer writer S. A. Nosov: visions, letters, notes]. Ready. text, introduction and notes by M. V. Melikhov. Moscow: Monuments of Historical Thought, 2005. 422 p. (In Russ.)

19. Gagarin Yu. V., Zhrebtsov L. N. *Byt i kul'tura sela* [Life and culture of the village]. Syktyvkar: Komi Book Publishing House, 1968. 171 p. (In Russ.)

Сведения об авторе

Абукаева Дарина Леонидовна, аспирант Института культуры и искусства, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина (167001, Россия, Сыктывкар, Октябрьский пр., 55)

Information about the author

Abukaeva Darina L., postgraduate student of the Institute of Culture and Art, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (55, Oktyabrsky Ave., Syktyvkar, 167001, Russia)

Статья поступила в редакцию / The article was submitted	09.09.2024
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing	16.01.2025
Принята к публикации / Accepted for publication	15.02.2025

Научная статья / Article

УДК 75:7.079

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2025-1-39>

Фестиваль искусства акварели: опыт классификации

Ольга Анатольевна Ваткова

Профессиональная гимназия по механоэлектротехнике,
Плевен, Болгария,

ovatkova@bk.ru, <http://orcid.org/ORCID:0000-0002-5949-2906>

Аннотация. *Сегодня фестиваль акварели является динамично развивающейся культурной формой художественной жизни во всем мире. Это явление новое, неустоявшееся, поэтому неисследованное. В связи с почти полным отсутствием научных работ, посвященных фестивалю акварели, возникает много вопросов, которые до настоящего времени не становились объектом теоретического анализа. Одним из таких вопросов является классификация акварельных фестивалей. В условиях значительного многообразия фестивалей и других видов культурных событий проблема классификации фестивалей акварели видится актуальной. Автором впервые предлагается решение исследуемой проблемы. Дается авторское определение термина «фестиваль акварели». В результате анализа источников сделаны выводы о том, что, во-первых, отсутствуют работы, посвященные классификации фестивалей акварели, во-вторых, фестивали акварели могут быть классифицированы по аналогии с другими фестивалями. Цель статьи — разработать классификацию фестивалей акварели, определить их виды. Это позволит теоретически объединить все многообразие акварельных фестивалей, состоявшихся в разных странах в XXI веке.*

Методами исследования выступили теоретический анализ литературы, системный подход, метод классификации. Эмпирическими мето-

дами исследования явились: включенное наблюдение, проведенное автором — участником международных фестивалей акварели; анализ образцов полиграфической продукции (каталоги фестивалей, афиши, сертификаты участников и т. д.); анализ сайтов фестивалей и др. Основной вывод исследования заключается в том, что фестивали акварели могут быть разделены на виды по различным признакам: масштабу, возрасту участников, форме проведения, периодичности и т. д. Практическая значимость исследования состоит в том, что, во-первых, его результаты могут быть полезны организаторам и кураторам фестивалей, работникам галерей и педагогам в области искусства, во-вторых, в возможности последующего изучения фестивалей акварели, а также дополнения предыдущих исследований, связанных с классификациями фестивалей или иных культурных событий.

Ключевые слова: фестиваль, фестиваль акварели, классификационный подход, классификация, виды фестивалей, международный фестиваль, триеннале «Дух акварели»

Для цитирования: Ваткова О. А. Фестиваль искусства акварели: опыт классификации // Человек. Культура. Образование. 2025. № 1. С. 39–50. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2025-1-39>

Watercolor Festival: experience of classification

Olga A. Vatkova

Vocational High School of Mechanical and Electrical Engineering — Pleven, Bulgaria, ovatkova@bk.ru, <http://orcid.org/ORCID:0000-0002-5949-2906>

Abstract. *Today, the watercolor festival is a dynamically developing cultural form in artistic life throughout the world. This phenomenon is new, unsettled, and therefore unexplored. Due to the almost complete absence of scientific works devoted to the watercolor festival, many questions arise that have not been the subject of theoretical analysis yet. One of such issues is the classification of watercolor festivals. In the context of a significant diversity of festivals and other types of cultural events, the problem of classifying watercolor festivals seems relevant. The author proposes a solution to the problem under study, which is done for the first time in science. The author's definition of the term «watercolor festival» is given. As a result of the analysis of sources, it was concluded that there are no works devoted to the classification of watercolor festivals. Watercolor festivals can be classified on the basis that other authors have proposed for other festivals. The purpose of the article: to develop a classification of watercolor festivals, to determine their types. This will allow to unite theoretically all the diversity of watercolor festivals that took place in different countries in the 21st century. The research methods were theoretical analysis of literature, a systemic approach, and*

a classification method. The empirical methods of the study were: participant observation conducted by the author — a participant in international watercolor festivals, analysis of samples of printed products (catalogues of festivals, posters, certificates of participants, etc.), analysis of festival websites, etc. The main conclusion of the study is that watercolor festivals can be divided into types according to various criteria: by scale, by age of participants, by form of holding, by frequency, etc. The practical significance of the study is that, firstly, its results may be useful to festival organizers and curators, gallery workers and art educators. Secondly, in the possibility of subsequent study of watercolor festivals, as well as the supplement previous studies related to classifications of festivals or other cultural events.

Keywords: festival, Watercolor Festival, classification approach, classification, types of festivals, international festival, Triennial «Spirit of Watercolor»

For citation: Vatkova O. A. Watercolor Festival: experience of classification. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education*, 2025; 1: 39–50. (In Russ.) <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2025-1-39>

Введение. В XXI веке появляются и начинают быстро развиваться фестивали акварельной живописи. Несмотря на стабильный рост числа акварельных фестивалей, в современной науке все еще отсутствуют теоретические исследования, посвященные их анализу. Возможно, это связано с неопределенностью самой акварели, колеблющейся между живописью и графикой, а также с ее неустоявшимся статусом, в соответствии с которым она в течение долгого времени традиционно воспринимается в качестве «вспомогательного» вида искусства, годного лишь для выполнения предварительных эскизов, но не самостоятельных живописных произведений. Анализ теоретических источников показал неравномерность в исследованиях фестивалей. Ученые разных стран занимаются изучением других видов фестивалей: музыкальных, театральных, хореографических, кинофестивалей и т. д., в то время как акварельные фестивали остаются без внимания со стороны представителей науки. В связи с этим возникает много вопросов, касающихся как самого акварельного фестиваля, так и его отдельных аспектов, также не исследованных. В частности, речь идет о классификации фестивалей акварели, что особенно актуально в условиях многообразия разного рода культурных событий, чье число в мире неуклонно увеличивается, а сами события становятся все более разнообразными.

Таким образом, актуальность настоящего исследования состоит, во-первых, в быстром распространении фестивалей акварели во многих странах мира, во-вторых, в отсутствии научных трудов,

посвященных как самим фестивалям, так и вопросам их классификаций, которые позволили бы объединить все многообразие этого вида явлений, тем самым указав на их существенные признаки.

Классификация выступает одним из систематизирующих действий в процессе упорядочивания явлений окружающего его мира. Данный метод познания лежит в основе любой человеческой деятельности, но особенно важен для науки, так как каждый ученый стремится к открытию закономерностей [1]. В науке известны несколько смыслов термина «классификация»: «Во-первых, под классификацией (а также типологией, группировкой и т. д.) понимается полученная схема, результат проведенной систематизации. Во-вторых, под классификацией понимается процедура классифицирования, процесс ее осуществления. В-третьих, в научной и методической литературе классификацией называют научный подход — один из методов научной и аналитической деятельности» [2, с. 17].

Цель работы — разработать классификацию фестивалей акварели.

Теоретическая значимость. Дано определение термина «фестиваль акварели», приводятся виды акварельных фестивалей.

Научная новизна исследования. Впервые фестиваль акварели рассматривается с точки зрения классификационного подхода. Ставится вопрос о классификациях акварельных фестивалей, предлагается его решение.

Методы исследования, теоретическая база. Для реализации заявленных целей в ходе работы был применен ряд методов. Методами исследования явились теоретический анализ и обобщение научной литературы, метод классификации, включенное наблюдение, анализ печатной полиграфии, сайтов фестивалей, анонсов фестивальных событий в прессе и др. Теоретический анализ литературы позволил определить состояние изученности проблемы классификаций фестивалей акварели и других фестивалей подобного рода. Включенное наблюдение, осуществляемое автором в качестве художника — участника фестивалей акварельной живописи и члена Международного акварельного общества — клон Болгария (IWS Bulgaria), позволило увидеть ситуацию непосредственно «изнутри». Анализ эмпирического материала (каталоги фестивалей, афиши, приглашения, сертификаты участников, сайты фестивалей, публикации в прессе и др.) позволил сделать вывод о разнообразии видов акварельных фестивалей и масштабах их проведения. С помощью метода классификации фестивали акварели были

распределены по группам на основании их сходства по некоторым общим для них признакам.

Результаты исследования и их обсуждение. Теоретический анализ литературы показал, что все многообразие источников, посвященных теме классификации фестивалей, условно можно разделить на три группы. В публикациях первой группы приводятся общие классификации без их привязки к какому-то конкретному виду фестивалей. Во второй группе рассматриваются классификации фестивалей, относящихся к сфере искусства. Классификации третьей группы более дифференцированы. В них входят классификации фестивалей какого-либо одного вида (или подвида) искусства (например, классификации музыкальных фестивалей). Есть работы, в которых классификация фестивалей выступает главным объектом исследования. В то же время в ряде публикаций классификация фестивалей не является основной темой, а лишь упоминается в связи с какой-либо другой проблемой.

Объем статьи не позволяет рассмотреть все имеющиеся в научных публикациях виды фестивалей. Нашу задачу в определенной степени облегчило то обстоятельство, что некоторые виды фестивалей в различных классификациях повторяются, поэтому нет необходимости рассматривать их все.

В то же время публикаций, наиболее близких к нашей теме, не так много. К ним относятся источники, в которых рассматриваются виды фестивалей искусств [3–5], виды музыкальных фестивалей [6–8]; театральных фестивалей [9; 10]. Другие источники, ориентированные на классификации фестивалей других областей (фестивали туристические, гастрономические, военные, научные, библиотечные и др.), привлекались в качестве дополнительного материала.

Анализ классификаций показывает, что некоторые признаки фестивалей являются общими для многих классификаций. Например, фестивали часто делятся по охвату, по возрасту участников, по периодичности и т. д. Разрабатывая классификацию фестивалей акварели, мы предположили, что некоторые виды классификаций, определяемые другими авторами относительно других фестивалей, будут справедливы и для фестивалей акварели.

Определяя термин «фестиваль акварели», содержание и определение которого в доступных источниках отсутствует, автор имеет в виду художественное событие, для которого характерна праздничная атмосфера и массовый характер, разноплановая програм-

ма, включающая разные формы презентации достижений в области акварельной живописи и коммуникацию в системах «художник — художник» и «художник — зритель».

Рассмотрев основные признаки классификаций, выделяемых большинством авторов, предлагаем классификацию фестивалей искусства акварели, созданную нами.

1. По охвату (географии участников) фестивали акварели могут быть международными, национальными и региональными. Примеры международных фестивалей: «Дух акварели» в Варне, Болгария (2016–2023 гг.), фестиваль акварели Urbino In Acquerello в Италии. Среди региональных фестивалей акварели можно отметить дочерний фестиваль Urbino In Acquerello — Fermo In Acquerello — 2023, Италия. Среди стран, которые одновременно проводят фестивали как на национальном уровне, так и на международном, можно отметить Мексику, где состоялись XIV Национальный биеннале акварели в 2022 году и XIV Международный биеннале 2022–2023 годов.

2. Одной из характерных особенностей фестивалей акварели является их периодичность, в зависимости от которой фестивали делятся на ежегодные, биеннале и триеннале. Некоторые фестивали акварели проходят со строгой периодичностью, какие-то — нет. Например, Варненский международный фестиваль «Дух акварели» впервые состоялся в 2016 году, и с того времени он проводится с регулярностью раз в три года, т. е. в режиме триеннале. Некоторые из фестивалей не имеют определенной периодичности и проводятся от случая к случаю или в связи с каким-либо знаменательным событием, обычно это событие из мира искусства акварели.

3. По возрасту участников фестивали акварели могут подразделяться на детские, молодежные и для взрослых участников. Иногда эти виды фестивалей проходят одновременно. Например, традиционно (с 2016 по 2023 г.) одновременно с фестивалем «Дух акварели» в Варне проводится молодежный одноименный фестиваль акварели в Пловдиве.

4. Разнообразные фестивали акварели также можно классифицировать по территориальной принадлежности. Есть фестивали, привязанные к городу, месту или сети разных географических локаций, а также проекты в мобильном формате. Например, фестиваль «Дух акварели», несмотря на свою недолгую девятилетнюю историю, в сознании участников уже воспринимается как «Варненский» фестиваль. Вместе с тем в 2022 году, когда он состоялся в третий раз, покинув Варну, по инициативе организаторов и просьбам

участников-акварелистов он продолжился еще в нескольких городах и выставочных залах Болгарии. В 2023 году он получил свое логическое завершение в г. Софии.

На территориальную принадлежность часто указывает название самого фестиваля. Примеры: Международный фестиваль акварели в г. Фабриано (Fabriano In Acquerello), Италия. Его филиалы: Фестиваль акварели в г. Урбино, (Urbino In Acquerello) и фестиваль акварели в городке Фермо (Fermo In Acquerello).

Фабриано — город с древней историей, город на перекрестке культур. Организаторы фестиваля подчеркивают эти особенности, традиционно ежегодно проводя фестиваль акварели. Организаторы формулируют концепцию фестиваля акварели в городе Урбино, ориентируясь на его природный ландшафт и исторические окрестности. Город Урбино сформировал свой образ благодаря месту рождения великого итальянского художника эпохи Возрождения Рафаэля Санти. Каждую весну Урбино становится увлекательным местом для культурных и творческих встреч, подобно тому как это было в эпоху Возрождения в герцогском Палаццо Дукале. Для фестивалей под открытым небом используют живописное место, подходящее для пленэра. Городские парки, природные ландшафты за городом положительно влияют на качество работы участников во время пленэрной живописи, а также на гостей фестиваля. Достоинством многих открытых пространств выступают живописные пейзажи.

Некоторые фестивали имеют основную площадку и одновременные представительства в других городах. Они характеризуются наличием основных фестивальных событий, привязанных к определенному городу, а затем от него отделяются проекты, охватывающие другие территории. Здесь в очередной раз можно упомянуть Варненский фестиваль-триеннале «Дух акварели», основные мероприятия которого проходят в городе Варна, в городской художественной галерее им. Б. Георгиева, но наряду с основной выставкой проводится ряд выставок еще в нескольких населенных пунктах Болгарии, например в Пловдиве. После того как основные события подходят к концу, выставка становится передвижной. Акварели покидают залы городской художественной галереи и переезжают на определенный срок еще в девять болгарских городов: Плевен, Ямбол, Софию, Кюстендил и др.

5. Целесообразно, по нашему мнению, классифицировать акварельные фестивали по художественному содержанию. В соответ-

ствии с данным признаком фестивали акварели в основном единообразны и односторонни — это демонстрация техники акварельной живописи. Но есть исключения. Например, фестиваль под названием «Вечная молодость» в Албании в Тиране, организованный IWS Albania в 2022 году, сначала планировался как исключительно акварельный. Но часть акварелистов пожелала участвовать не только с акварелями, но и с произведениями, выполненными в других техниках. Так почти в последний момент содержание фестиваля было изменено. Экспозиция, задуманная как выставка акварелей в рамках фестиваля, включала помимо акварелей графику, скульптуру и масляную живопись. О первоначальной идее, заключающейся в том, что фестиваль должен был быть акварельным, напоминал лишь акварельный логотип, который организаторы не успели изменить. Акварельный логотип сохранился на обложке каталога, афише и рекламных буклетах.

6. С точки зрения художественного стиля акварельные фестивали разнообразны. Обычно организаторы не ограничивают участников в выборе стиля живописи. Акварельные работы, задействованные в них, выполнены в разных художественных стилях: реализме, гиперреализме, импрессионизме, арт-деко, абстракционизме, контемпорари.

7. По способу проведения фестивали могут быть проведены онлайн или в реальном времени. В период 2019–2020 годов многие фестивали, проведение которых первоначально планировалось «вживую», из-за пандемии вынужденно были переведены в онлайн-формат.

8. По типу финансирования. Опыт участия в акварельных фестивалях показал, что финансирование акварельных фестивалей в разных странах осуществляется различными путями. Есть фестивали, финансирование которых полностью берет на себя местная администрация. К такому типу относится фестиваль акварели в Пакистане «Жемчужина мира». Есть страны, в которых роль властей в финансировании фестиваля акварели минимальна. Она заключается в основном в косвенном финансировании, то есть в предоставлении безвозмездной аренды выставочного пространства или денежных средств для награждения участников. Чаще всего фестивали осуществляются за счет средств, выделенных организаторами и участниками, а также частично спонсорских взносов.

Смысловые акценты акварельных фестивалей — география участников, их возраст, периодичность проведения и др. — зави-

сят от концепции, которую задают организаторы, кураторы и руководители фестиваля. Важно отметить, что виды фестивалей могут «пересекаться», т. е. один и тот же фестиваль может соответствовать разным критериям. Например, триеннале «Дух акварели» одновременно является международным (по географии участников), проводится в реальном времени (по способу проведения), разностилевым (по стилю живописи), единообразным (по художественному содержанию), без привязки к конкретной территории (по территориальной принадлежности), совмещенный (по возрасту участников) и т. д.

Таким образом, классификационные признаки фестивалей акварели, сформулированные нами, в основном соответствуют уже известным в науке классификационным признакам, разработанным другими авторами по поводу других фестивалей. Их соответствие указывает на то, что фестивали акварельной живописи традиционно развиваются в рамках сложившейся типизации, характерной для фестивалей. Инновационных видов фестивалей акварели, которые бы принципиально отличались от видов фестивалей, уже известных в науке, на настоящий момент не выявлено. Возможная причина этого заключается в том, что фестивали акварели как вид культурных событий еще не утвердились и пока находятся на стадии становления.

Заключение. Фестиваль акварели, начавший свое развитие в первых десятилетиях XXI века, это быстро распространяющаяся культурная форма, продолжающая свое эволюционирование как в странах Европы, так и Азии и Америки, основывающаяся на специфических особенностях акварельной живописи, а также опыте и интуиции организаторов и кураторов. Многообразие фестивалей акварели обосновывает необходимость их классификации, что позволяет более полно выявить особенности каждого из них. Анализ публикаций и электронных ресурсов, связанных с художественными фестивалями и фестивалями искусств, показал, что теоретическая база фестиваля акварели не сформирована, ученые разных стран занимаются исследованием других видов фестивалей: музыкальных, театральных, хореографических и др. Используя существующие общепризнанные подходы к классификациям разного рода фестивалей, в то же время учитывая специфику фестивалей акварели, автор классифицирует их по ряду признаков: по охвату (географии), по возрасту участников, по периодичности, по стилю и др., всего восемь признаков. На наш взгляд, данный перечень открыт

для дополнения. Допускаем, что предложенная классификация может быть усовершенствована в направлении поиска новых, инновационных форм проведения акварельных фестивалей. Возможно использовать и другие основания для проведения классификации акварельных фестивалей, так как данная культурная форма продолжает развиваться и совершенствоваться.

Поднятая нами в статье проблема классификации фестивалей акварели в основном решена. Предложены и описаны признаки, определяющие различие видов фестивалей акварели с указанием примеров.

Список источников

1. Вечорко В. Ю. Виды классификаций в праве // Журнал Белорусского государственного университета. Право. 2023. № 2. С. 3–9.

2. Исаков В. Б. Классификации и классификаторы в науке и аналитике // Юридическая техника. 2024. № 18. С. 17–31.

3. Журик Т. С., Шерстюкова Е. А. Фестивали искусств: проблемы и перспективы // Наука. Культура. Искусство: актуальные проблемы теории и практики : сб. мат. Всеросс. науч.-практ. конф. 8 февраля 2019 г. Белгород: Белгородский государственный институт искусств и культуры, 2019. Т. 1. С. 100–103.

4. Орехова Ю. В. Фестиваль: Азбука организации. Тверь: Золотая буква, 2005. 48 с.

5. Резникова Е. И. Фестиваль искусств как синтетическое художественное пространство : автореф. дис. ... канд. искусствоведения. СПб., 2006. 21 с.

6. Ли Ш. Классификация оперных фестивалей в современной художественной культуре // Вестник Белорусского государственного университета культуры и искусств. 2023. № 2 (48). С. 74–82.

7. Сурминова О. В., Мельникова Ж. В. Джазовые фестивали за рубежом и в России: опыт классификации // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2018. № 4. С. 111–118.

8. Шмелева К. П. Российский музыкальный фестиваль в контексте социокультурной деятельности: история и современность // Традиционные национально-культурные и духовные ценности как фундамент инновационного развития России. 2020. № 2 (18). С. 52–56.

9. Попов Н. В., Садриева А. Н. Организация и проведение театральных фестивалей в условиях сельского социума // Художественное образование: история и современность : материалы III Всеросс. науч.-практ. конф., Нижний Тагил, 27 апреля 2021 г. / отв. ред. И. П. Кузьмина, А. Н. Садриева. Екатеринбург: [б.и.], 2021. С. 144–148.

10. Тан В., Мэн Я. Деятельность современного российского драматического искусства: театральные фестивали, жанры, аудитория // Культура и цивилизация. 2022. Т. 12. № 5-1. С. 208–218.

References

1. Vechorko V. YU. Types of classifications in law. *ZHurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo* [Journal of the Belarusian State University. Law]. 2023. No 2. Pp. 3–9. (In Russ.)
2. Isakov V. B. Classifications and classifiers in science and analytics. *YUridicheskaya tekhnika* [Legal Technique]. 2024. No 18. Pp. 17–31. (In Russ.)
3. ZHurik T. S., SHERstyukova E. A. Arts Festivals: Problems and Prospects. *Nauka. Kul'tura. Iskusstvo: aktual'nye problemy teorii i praktiki : sb. mat. Vseross. nauch.-prakt. konf.: 08 fevralya 2019 g.* [Science. Culture. Art: Current Issues of Theory and Practice: Coll. of Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conf.: February 8, 2019]. Belgorod: Belgorod State Institute of Arts and Culture, 2019. Vol. 1. Pp. 100–103. (In Russ.)
4. Orekhova YU. V. *Festival': Azbuka organizacii* [Festival: ABC of organization]. Tver': Golden letter, 2005. 48 p. (In Russ.)
5. Reznikova E. I. *Festival' iskusstv kak sinteticheskoe hudozhestvennoe prostranstvo : avtoref. dis. ... kand. iskusstvovedeniya* [Arts Festival as a Synthetic Artistic Space : the abstract. diss. ... kand. Art history]. SPb., 2006. 21 p. (In Russ.)
6. Li SH. Classification of opera festivals in modern artistic culture. *Vestnik Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of the Belarusian State University of Culture and Arts]. 2023. No 2 (48). Pp. 74–82. (In Russ.)
7. Surminova O. V., Mel'nikova ZH. V. Jazz festivals abroad and in Russia: classification experience. *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of the Kazan State University of Culture and Arts]. 2018. No 4. Pp. 111–118. (In Russ.)
8. Shmeleva K. P. Russian music festival in the context of socio-cultural activities: history and modernity. *Tradicionnye nacional'no-kul'turnye i duhovnye cennosti kak fundament innovacionnogo razvitiya Rossii.* [Traditional national-cultural and spiritual values as the foundation of innovative development of Russia]. 2020. No 2 (18). Pp. 52–56. (In Russ.)
9. Popov N. V., Sadrieva A.N. Organization and holding of theater festivals in rural society. *Hudozhestvennoe obrazovanie: istoriya i sovremennost' : materialy III Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Nizhnij Tagil, 27 aprelya 2021 goda* [Art education: history and modernity: Proceedings of the III All-Russian scientific and practical conference, Nizhny Tagil, April 27, 2021]. Editors-in-chief I. P. Kuzmina, A. N. Sadrieva. Ekaterinburg: [b.i.], 2021. Pp. 144–148. (In Russ.)
10. Tan V., Men YA. Activities of contemporary Russian dramatic art: theatre festivals, genres, audience. *Kul'tura i civilizaciya* [Culture and Civilization]. 2022. Vol. 12. No 5–1. Pp. 208–218. (In Russ.)

Сведения об авторе

Ваткова Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент, Профессиональная гимназия по механоэлектротехнике (5803, Болгария, Плевен, ул. Св. Климент Охридски, 25)

Information about author

Vatkova A. Olga, PhD, Associate Professor, Vocational school for mechanical and electrical engineering (25, st. St. Kliment Ohridski, Pleven, 5803 Bulgaria)

Статья поступила в редакцию / The article was submitted	18.10.2024
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing	18.01.2025
Принята к публикации / Accepted for publication	20.01.2025

Научная статья / Article

УДК 81-33

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2025-1-50>

**Литературный нонсенс как основополагающий принцип
логоцентрического моделирования синтетической
языковой личности**

Сергей Зуфарович Иткуллов

Верхневолжский государственный агробиотехнологический университет,
Иваново, Россия, italian.sergey79@mail.ru

Аннотация. В статье дается анализ литературного нонсенса с учетом различных положений, высказываемых исследователями, поскольку культура нонсенса представляет собой интересное и малоизученное явление. Однако в исследовательской литературе практически не изучен вопрос о нонсенсе как специфической категории человеческого сознания. Целью данного исследования является рассмотрение типологии «нонсенсного» сознания в контексте формирования и освоения когнитивно-прагматической программы моделирования синтетической языковой личности. Используется компаративистский подход в сравнении культурно-эстетических концептов с целью выявления в них неких общих, универсальных принципов, положений и установок, а также с целью нахождения различий. Высказано мнение о том, что литературный нонсенс, равно как и литературный абсурд, представляет собой самостоятельную категорию человеческого мышления, являющегося проявлением когнитивной функции челове-

ского сознания. Вследствие этого литературный нонсенс становится базовой основой логоцентрической модели синтетической языковой личности, направленной на создание когнитивно-прагматических программ по переработке того, что сформировалось в культурном пространстве. Высказывается точка зрения, что в литературном нонсенсе отчётливо проявляются нестабильность целенаправленного когнитивного прагматизма и возникновение «когнитивных блоков», вследствие чего эффективным методом когнитивного анализа в литературном нонсенсе является категория безумия. Выдвинута гипотеза о том, что в литературном нонсенсе можно выделить два типа разупорядочивания реальности: участие сил, создающих беспорядок, в непрерывной игре без конца и разупорядочивание субъективного сознания и объективной реальности. Вследствие этого безумие в литературном нонсенсе должно быть управляемым, так как попытки столкнуть смысл и бессмыслицу приводят к возникновению в сознании субъекта-логоцентрика «когнитивного блока». В результате иррациональная среда может поглотить сознательное творчество. Делается вывод, что литературный нонсенс является иносмыслом, «игра» в который не должна продолжаться слишком долго, так как в противном случае в пространстве когнитивного сознания субъекта-логоцентрика происходит потеря и распад когнитивного центра.

Результаты данной работы могут быть использованы в рамках литературоведческих, культурологических, социокогнитивных исследований, посвященных изучению литературного нонсенса.

Ключевые слова: нонсенс, субъект-логоцентрик, когнитивно-прагматическая программа, безумие, когнитивный блок

Для цитирования: Иткулов С. З. Литературный нонсенс как основополагающий принцип логоцентрического моделирования синтетической языковой личности // Человек. Культура. Образование. 2025. № 1. С. 50–62. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2025-1-50>

Literary Nonsense as a Fundamental Principle of Logocentric Modeling of a Synthetic Linguistic Personality

Sergey Z. Itkulov

Verkhnevolzhsk State University of Agronomy and Biothechnology,
Ivanovo, Russia, italian.sergey79@mail.ru

Abstract. The article provides an analysis of literary nonsense in relation to the linguistic norm, taking into account various propositions expressed by nonsense researchers. A comparative approach is used in comparing cultural and aesthetic concepts in order to identify some common, universal principles, positions

and attitudes in them, as well as to find differences. The opinion is expressed that literary nonsense, like literary absurdity, is an independent category of human thinking, which is a manifestation of the cognitive function of human consciousness, as a result of which it becomes the basic basis of a logocentric model of a synthetic linguistic personality aimed at creating cognitive-pragmatic programs aimed at processing what has been formed in the cultural space. But, due to the fact that the goal chosen by the logocentric subject may be unstable at any stage of modeling a cognitive-pragmatic program, a certain "cognitive block" forms in the mind of the logocentric subject, forcing them to return to resolving contradictions again and again. The point of view is expressed that the instability of purposeful cognitive pragmatism and the emergence of "cognitive blocks" are clearly manifested in literary nonsense, as a result of which the category of insanity is an effective method of cognitive analysis in literary nonsense. A hypothesis has been put forward that in literary nonsense two examples of the disordering of reality can be distinguished: the participation of forces creating disorder in a continuous game without end and the disordering of subjective consciousness and objective reality, as a result of which madness in literary nonsense must be controlled, since attempts to collide meaning and nonsense again lead to the emergence in consciousness the subject is a logocentric "cognitive block", as a result of which an irrational environment can absorb conscious creativity. It is concluded that literary nonsense is a foreign meaning, the "game" of which should not last too long, since otherwise the loss and disintegration of the cognitive center occurs in the space of the cognitive consciousness of the logocentric subject.

The results of this work can be used in the framework of literary, cultural, sociocognitive studies devoted to the study of literary nonsense.

Keywords: *nonsense, logocentric subject, cognitive-pragmatic program, madness, cognitive block*

For citation: Itkulov S. Z. Literary Nonsense as a Fundamental Principle of Logocentric Modeling of a Synthetic Linguistic Personality. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education*, 2025; 1: 50–62. (In Russ.) <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2025-1-50>

Введение. Литературный нонсенс — одно из наиболее изучаемых в последнее время явлений, вызывающее немало вопросов. В связи с этим интересно рассмотреть литературный нонсенс в контексте программы моделирования синтетической языковой личности на основе когнитивного взаимодействия двух субъектов — субъекта-источника и субъекта-интерпретатора. Научная новизна исследования состоит в когнитивно-ментальном подходе к анализу литературного нонсенса.

Методы исследования. Для успешной реализации данных задач используется компаративистский подход в сравнении культурно-эстетических концептов с целью выявления в них неких общих, универсальных принципов и установок, а также с целью нахождения различий. Разнообразие исходного материала обуславливает применение герменевтической методологии с целью рассмотрения литературного нонсенса с позиций субъективной индивидуальности интерпретатора и объективности культурного контекста.

Основная часть. Исследователи справедливо отмечают, что наиболее острым является вопрос о знаке равенства между нонсенсом и абсурдом. В. Тиггс указывает, что цель абсурда — показать разницу между чисто человеческими ценностями и ценностями чисто логическими, так как противоречие между человеческой системой убеждений, лишённой логики, и крайней логикой, возникающей в результате человеческих неудач, абсурдно. Исследователь делает вывод, что абсурд — это игра между порядком и беспорядком, а нонсенс — это игра, в которой есть только порядок [1, с. 129] И. Ширяева считает, что абсурдистскую литературу можно интерпретировать как систему внутри системы, в то время как литературный нонсенс — это система, направленная против системы. Исследовательница отмечает, что, сталкиваясь с абсурдными проблемами, сознание пытается найти выход из статус-кво и обнаруживает пустоту и бессмысленность происходящего; что касается нонсенса, то она не обостряет конфликт между порядком и хаосом, напротив, он обнаруживает в этом бесконечную игру со смыслом [2, с. 60]. Мы же склонны считать, что абсурд можно рассматривать как «контрсмысл», противостоящий единому здравому смыслу и выдвигающий концепцию активной невозможности существования последнего. Что же касается нонсенса, то это смысл метафизического уровня — такой смысл, который выходит за пределы обычного смысла и создаёт новые смыслы. Таким образом, все эти категории представляют собой самостоятельные категории человеческого мышления, являющегося проявлением когнитивной функции человеческого сознания.

Н. Лейтес сделала наблюдение, что нонсенс порождается несогласованностью начал, которые требуют, чтобы их нормальное существование было полностью последовательным. Природа этой последовательности может быть различной, а не только причинно-следственной, и ее разрушение может иметь различные формы и характеристики [3]. Иначе говоря, нонсенс в равной степени сила

отрицания и утверждения. *Отрицая* реальный мир и *утверждая* свой мир, нонсенс *возрождает* первозданный мир [4, с. 17].

Утверждение принципа жизнотворчества в качестве базовой основы логоцентрической модели синтетической языковой личности (далее — СЯЛ) привело к формированию когнитивно-прагматической программы (КПП) для моделирования СЯЛ [5, с. 150]. Структура логоцентрической модели СЯЛ формируется на основе когнитивного взаимодействия двух субъектов: субъекта-источника и субъекта-интерпретатора [там же, с. 187].

Одним из конкретных источников темы для этой модели является тема субъекта-логоцентрика. Этот тип конструкции основан на фундаментальной универсальной идее о материальной и духовной природе структуры и организации мира и глубоко укоренился в человеческом сознании. Логоцентрический тип определяет основные типологические характеристики субъективного восприятия следующим образом: когнитивное сознание логоцентрика работает по принципам модели жесткого дуализма (прежде всего противопоставлению Добра и Зла) и является векторным по своей природе (от Сущего к Должному); векторная природа когнитивного сознания логоцентрика приводит к абсолютизации двух основных принципов фундаментальной основы построения в пространстве существующей системы знаний; субъект-источник логоцентрического типа осознает, что он сам по себе динамичен. В этом контексте жизненная сила означает, значительную, фундаментальную осознанность, и часто человек должен сосредоточиться на центральной теме духовного воспитания, развития и «очищения» души [6, с. 299–304].

Рассмотрим, как данные особенности проявляются в литературном нонсенсе. Суть нонсенса — в разрушении канона, в преодолении автоматизма мышления и поведения. Д. Коллонезе отмечает, что в любом «нонсенсном» произведении пишется о нереальных явлениях, но эти явления всегда связаны с обычной реальностью [7, с. 260].

Основное содержание нонсенса заключается в том, что в нём идеальный мир является *осмысленным* (и в то же время гармоничным, то есть *Должным*) и противостоит миру обычному, который является *бессмысленным* (и в то же время хаотичным, то есть *Сущим*). Отметим, что обретение *Должного* должно быть реализовано именно в пространстве *Сущего* (в реальности). Когнитивно-прагматические программы основаны на когнитивных намерени-

ях личности и направлены на поиск, освоение и переработку контента, формируемого в культурном пространстве и получившего статус «идеальной», универсальной КПП. Следует отметить, что в сознании логоцентрика цель, которую он выбрал на первом этапе моделирования КПП, рассматривается как нерушимый и непоколебимый когнитивный принцип целеполагания. Абсолютизация принципа когнитивного целеполагания представляет собой вектор, и его направление определяется спецификой моделирования КПП. Однако часто в процессе построения КПП (в динамике развития когнитивного сознания субъекта-источника) логоцентрик «внезапно» начинает осознавать, что целеполагающая когнитивно-прагматическая система идеологических установок отличается от исходной. Другими словами, цель, выбранная логоцентриком, может быть нестабильна на любом этапе моделирования КПП и становится множеством «умозрительных копий» реальной цели. В сознании логоцентрика образуется некий «когнитивный блок», заставляющий снова и снова возвращаться к разрешению противоречий. В тот момент, когда формируется «когнитивный блок», когнитивное движение к цели прекращается, потому что сама цель теряет стабильность и распадается на бесконечные копии [6, с. 307]. Только после преодоления «когнитивного блока» возможно дальнейшее движение. Нестабильность целенаправленного когнитивного прагматизма и возникновение «когнитивных блоков» отчетливо проявляются в литературном нонсенсе. Дело в том, что на определенном этапе развития когнитивного сознания развития субъекта-источника и КПП логоцентрик учитывает качественные характеристики выбранной цели и определяет и представляет систему наиболее эффективного (по его мнению) метода посредством когнитивного анализа. В литературном нонсенсе к такой системе относится категория безумия. По замечанию В. Новикова, в нонсенсе безумию стандарта противопоставляется безумие хаоса [8, с. 213]. Таковы, например, произведения Э. Лира, где можно наблюдать безумного героя в здравомыслящем обществе, которое на самом деле не менее безумно, так что этот герой выступает как единственный мудрец. Когнитивным блоком в данном случае становится невозможность преодоления конфликта между героем и обществом — это противостояние, по сути, становится вечным, тем самым приближаясь к абсурду (контрсмыслу). Здесь следует отметить еще один момент: безумие в нонсенсе условно, и это тоже элемент игры. В данном случае игра также является организационным элементом, поскольку

требует соблюдения определенных правил. Другими словами, безумие в литературном нонсенсе — это одна из форм игры, и эта игра может продолжаться бесконечно.

Однако возможен и другой вариант КПП — когда литературный нонсенс направлен на состояние мира в целом и показывает общество, где все безумны изначально. Бинаризма «Добро — Зло» здесь не существует, потому что сам автор не может определить основные принципы этих категорий. Таковы, например, басни Козьмы Пруткова, которые показывают безумие окружающего мира, где жизнь подчинена строгим, но нелепым законам. Басни Козьмы Пруткова обычно связывают с таким жанром, как пародия. Однако обратим внимание: произведения данного автора читаются с не меньшим интересом и без учета того, что это пародии. В. Новиков отмечает, что эти басни вызывающе нелепы, хотя не пародируют никого из баснописцев. Их суть — в разрушении канона, где самый строгий жанр трансформируется в поэзию нонсенса [9, с. 199]. Авторы как бы подводят к мысли: либо все люди без исключения безумны, либо безумна окружающая их реальность, и странная реакция на неё всех людей, в сущности, адекватна. Следует, однако, заметить, что для нонсенса характерно не столько безумие, сколько «иноумие», то есть управляемое безумие.

Таким образом, для открытия новых смыслов необходимо управляемое безумие — «временное» безумие, которое позволяет автору вернуться в окружающую реальность после «игры». Однако необходимо учитывать, что последствия безумия могут быть самыми негативными. Сумасшествие порождает либо смерть, либо тотальное одиночество, либо абсолютное сумасшествие [10, с. 133].

В литературном нонсенсе сознание логоцентричного субъекта подвергается ярко выраженной дестабилизации из-за появления когнитивных блоков в этом сознании. Суть этого явления заключается в том, что субъект-логоцентрист не способен подавить стремление к собственной неупорядоченности. В то же время субъект-логоцентрист не может окончательно преодолеть это стремление, поскольку эта сила сознания не менее важна, чем противоположное ей стремление к упорядоченности. В литературном нонсенсе можно выделить два примера разупорядочивания реальности: участие сил, создающих беспорядок, в непрерывной игре без конца и разупорядочивание субъективного сознания и объективной реальности. Но преобразование мира путем погружения его в полный хаос

несостоятельно, так как последствия могут быть самыми негативными.

Данное явление можно наблюдать в поэме Л. Кэрролла «Охота на Снарка». «Охота на Снарка» — это экзистенциальная поэма о бытии, стремящемся к небытию. Содержание поэмы таково: некие герои, чьи имена начинаются на букву «Б» (осколки бытия) — Bellman (Балабон), Butcher (Браконьер), Broker (Барахольщик), Bonnet maker (Болванщик), Boots (Билетёр), Barrister (Барабанщик), Beaver (Бобёр), Billiard-Marker (Бильярдный маэстро), Banker (Банкир) и Baker (Булочник), — отправляются на ковчеге за океан ловить Снарка. Однако о Снарке неизвестно ничего, Снарк непредставим и неизобразим, но одну важную деталь мы про него всё же узнаём: Снарк может оказаться Буджумом.

Но и про Буджума неизвестно ничего, кроме того, что встреча с ним станет фатальной. Таким образом, герои устремляются неизвестно за чем и неизвестно куда. Обратим внимание, что ковчег «снарколовов» напоминает знаменитый «Корабль дураков», выражающий идею мореплавания, не имеющую никакой иной цели, кроме самого плавания [11, с. 259].

Интересные мысли о поэме высказывает М. Можейко, предложивший рассматривать поэму как критику классической метафизики в целом, что связано с неискоренимой двойственностью Снарка-Буджума и невозможностью заранее предсказать, какой именно из двух ипостасей обернётся это существо: либо той (Снарк), в которой раскрывается онтологическая перспектива как бытия, фундаментированного бытом, а преследуемая цель открывается субъекту; либо той (Буджум), в которой для самого субъекта не находится места [12].

Снарк и Буджум представляют собой две возможные версии разворачивания процессуальности бытия: либо спасение, либо гибель, причем одна из форм бытия должна неизбежно поглотить другую. Однако, столкнувшись, эти две модели бытия уничтожают друг друга. Таким образом, мы видим, что в пространстве когнитивного сознания субъекта-логоцентрика происходит потеря и распад когнитивного центра.

В нонсенсе основной является антитеза идеального мира как *имеющего смысл* (и одновременно гармонического) и обыденного как *бессмысленного* (и одновременно хаотического) [13, с. 392] Однако если субъект-логоцентрик стремится столкнуть смысл и бессмыслицу, то тем самым он нарушает симметрию — смысл погло-

щается бессмыслицей. В результате в сознании логоцентрика возникает «когнитивный блок». Здесь можно возразить английскому антропологу и философу Грэму Сент-Джону, полагающему, что нонсенс, в отличие от гротеска, не использует приемы искажений или столкновений для того, чтобы обличить худшие стороны действительности [14, с. 15].

Нонсенс можно определить как сознательное творчество, вписанное в иррациональную среду, обладающую своими законами и правилами [4, с. 150]. Однако в литературном нонсенсе может случиться такое явление, когда иррациональная среда начинает поглощать сознательное творчество, — такой процесс, например, можно наблюдать в творчестве Н. В. Гоголя. В художественном мире Гоголя присутствует неизменная бинарность: ремесло — искусство, материя — дух, земля — небо, внешний мир — внутренний мир. Ф. Федоров указывает, что нонсенс, как и символизм, заключается в том, чтобы преодолеть реальность этого мира и уйти из бытия в небытие. Но, в отличие от символизма культуры инобытийной, которая в какой-то степени отвергает контакт с реальностью, нонсенс не отвергает реальность, а превращает ее в игру [15, с. 23].

Заметим, что подобное преобразование может происходить по-разному. Литература нонсенса выявила следующие соотношения реального и ирреального: когда присутствие ирреального автором не осознаётся; когда, осознавая реальность, автор одновременно ощущает и присутствие ирреального; когда автор, не осознавая реальности, полностью находится в реальном мире [16]. Лучше всего находиться целиком в первом или третьем состоянии; второе же состояние опасно тем, что автор может потерять представление о том, где проходит граница между реальным и ирреальным, вследствие чего реальное и ирреальное могут столкнуться и взаимоуничтожиться (заметим, что Гоголь выбрал именно второе состояние).

И. Ширяева справедливо отмечает, что литература нонсенса сочетает в себе хаос и порядок, а также то, что нельзя использовать в одном и том же контексте или ситуации. Нонсенс берёт за основу те представления, которые бытуют в любом обществе, опирается на их рациональное зерно и превращает его в элемент своей интеллектуальной игры, выворачивает наизнанку, показывает глубокое противоречие между общепризнанным восприятием определенных вещей и бесконечным пространством иносмысла [14, с. 23].

Однако следует заметить, что создание иносмыслов в данном случае полностью контролируется сознанием субъекта-логоцентрика. Это ключ к разгадке «охоты на Снарка»: у нее не должно быть конца; достижение цели означает остановку (и возникновение «когнитивного блока»). Но «охота на Снарка» не должна длиться слишком долго, поскольку в этом случае понятие цели начинает дробиться и рассеиваться, так что «охота на Снарка» может стать охотой на самого «охотника»: моделируя пространство иносмыслов, субъект-логоцентрик неизбежно придёт к выводу о том, насколько он правомочен создавать подобное пространство. В итоге субъект-логоцентрик неизбежно придёт к потере когнитивного центра и дезинтеграции в когнитивном пространстве сознания. Результатом разрушительного процесса нейтрализации «когнитивного блока» является глубокая депрессия, глубокий психический кризис, и, как следствие, смерть субъекта-источника (духовная или физическая) [6, с. 316].

Результаты исследования. Литературный нонсенс способствует формированию когнитивно-прагматических программ в сознании субъекта-логоцентрика. Такими программами становятся иносмыслы, порождаемые последним. В качестве метода когнитивного анализа поставленной цели субъект-логоцентрик выбирает категорию безумия. Однако вследствие того, что субъект-логоцентрик не в состоянии преодолеть собственное стремление к неупорядоченности, сознание его дестабилизируется по причине возникновения в последнем «когнитивного блока».

Данное явление возникает по причине того, что субъект-логоцентрик стремится столкнуть смысл и бессмыслицу, в результате чего иррациональная среда может поглотить сознательное творчество. Поэтому игра в нонсенс не должна заканчиваться, но и не должна продолжаться слишком долго — бесконечное создание иносмыслов также неизбежно приведет к возникновению «когнитивного блока». В результате в пространстве когнитивного сознания субъекта-логоцентрика происходит потеря и распад когнитивного центра.

Заключение. Литературный нонсенс является иносмыслом, то есть смыслом, выходящим за пределы обычного смысла, что возможно при погружении субъектом-логоцентриком в стихию безумия. Однако для открытия новых смыслов необходимо управляемое безумие — «временное» безумие, которое позволяет автору вернуться в окружающую реальность после «игры».

Данное исследование является лишь первоначальным этапом решения общей метадисциплинарной проблемы когнитивного анализа творческой личности в контексте моделирования и трансформации базовых подсистем (цели, самоидентификации, оценочного анализа) когнитивно-прагматических программ. Исходя из этого определим перспективные направления для дальнейших исследований. К ним относятся: а) изучение психокогнитивных процессов деструктивного сознания творческой личности; б) изучение психокогнитивных процессов перекодировки и преодоления ложных установок субъекта-логоцентрика в процессе перехода от одного цикла моделирования КПП к другому.

Список источников

1. Tigges W. *An Anatomy of Literary Nonsense*. Amsterdam: Rodopi, 1988. 293 p.
2. Ширяева И. Н. Литературный нонсенс и смежные понятия // *Филологические науки. Вопросы теории и практики* : в 3-х ч. 2016. № 10 (64). Ч. 3. С. 59–62.
3. Лейтес Н. Нонсенс и литература. URL: http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_7_134?ysclid=m043oa36me262498930 (дата обращения: 05.10.2024).
4. Иткуллов С. З. Нонсенс и гротеск как формы смысла в художественной картине мира Н. В. Гоголя : дис. ... канд. культурологии. Шуя, 2009. 166 с.
5. Иванов Д. И. Логоцентрическая модель синтетической языковой личности в пространстве русской рок-культуры. Иваново: Талка, 2015. 524 с.
6. Иванов Д. И., Лакербай Д. Л. Теория субъектности текста и русская поэзия XX века. Иваново: ПресСто, 2017. 336 с.
7. Коллоннезе Д. Нонсенс как форма комизма // *Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма / Российская акад. наук, Ин-т языкознания*; отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2007. 726 с.
8. Новиков В.И. Книга о пародии. М.: Сов. писатель, 1989. 540 с.
9. Новиков В. И. Кто такой Козьма Прутков? // Октябрь. 1984. № 3. С. 196–201.
10. Иванов Д. И. Поэзия Башлачёва: синтез классики андеграунда и элементов постмодернизма // *Потаённая литература : исследования и материалы*. М.: Флинта, 2006. Вып. 5. 208 с.
11. Керлот Х. Э. Словарь символов. М.: PEEL-BOOK, 1994. 608 с.
12. Можейко М. А. Охота на Снарка. URL: https://www.socionic.ru/index.php/o/7263-ohota_na_snarka?format=pdf (дата обращения: 05.10.2024).
13. Минц З. Г. Александр Блок и русские писатели. СПб.: Искусство-СПб., 2000. 784 с.

14. Ширяева И. Н. Литературный нонсенс в русской прозе и поэзии второй половины XX — начала XXI в. : дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. М., 2017. 190 с.

15. Федоров Ф. Нонсенс и нет ему конца // *Komparativistikas almanahs* Nr. 5 (34). *Nonsensa kultūra. Absurds literatūr*. Daugavpils: Daugavpils Universit, tes Akadēmiskais apg,ds iSaule", 2014, 224 lpp. Pp. 15–25.

16. С. Курий. Глупости Чарлза Лютвиджа Доджсона (два сна и одна охота). URL: <http://19v-euro-lit.niv.ru/19v-euro-lit/articles-eng/kurij-gluposti-charlza-lyutvidzha.html> (дата обращения: 05.10.2024).

References

1. Tiggess W. *An Anatomy of Literary Nonsense*. Amsterdam: Rodopi, 1988. 293 p.

2. Shiryayeva I. N. Literary nonsense and related concepts. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki : v 3 t.* [Philological sciences. Questions of theory and practice : in 3 parts.]. Tambov: Gramota Press, 2016. No 10 (64) Part 3. Pp. 59–62. (In Russ.)

3. Lejtes N. *Nonsens i literatura* [Nonsense and literature]. Available at: http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_7_134?ysclid=m0430a36me262498930 (accessed: 05.10.2024).

4. Itkulov S. Z. *Nonsens i grotesk kak formy smysla v hudozhestvennoj kartine mira N. V. Gogolya : diss. ... kandidata kul'turologii* [Nonsense and grotesque as forms of meaning in the artistic picture of the world by N. V. Gogol : diss. ... candidate of Cultural Studies]. Shuya: [s.n.], 2009. 166 p. (In Russ.)

5. Ivanov D. I. *Logocentricheskaya model' sinteticheskoy yazykovoj lichnosti v prostranstve rusckoj rok-kul'tury* [A logocentric model of a synthetic linguistic personality in the space of Russian rock culture]. Ivanovo: Talka Press, 2015. 524 p. (In Russ.)

6. Ivanov D. I., Lakerbaj D. L. *Teoriya sub'ektnosti teksta i russkaya poeziya HKH veka* [The theory of the subjectivity of the text and Russian poetry of the twentieth century]. Ivanovo: PresSto Press, 2017. 336 p. (In Russ.)

7. Kollonneze D. Nonsense as a form of comedy. *Logicheskij analiz yazyka. Yazykovye mekhanizmy komizma* [Logical analysis of the language. The linguistic mechanisms of comedy]. Russian Academy of Sciences, Institute of Linguistics; ed. by N. D. Arutyunova. Moscow: Indrik, 2007. 726 p. (In Russ.)

8. Novikov V. I. *Kniga o parodii* [The book of parody]. Moscow: Soviet writer, 1989. 540 p. (In Russ.)

9. Novikov V. I. Who is Kozma Prutkov? *Oktyabr'* [October]. 1984. No 3. Pp. 196–201. (In Russ.)

10. Ivanov D. I. Bashlachev's poetry: synthesis of underground classics and elements of postmodernism. *Potayonnaya literatura: issledovaniya i materialy* [Hidden Literature: research and materials]. Moscow: Flint, 2006. Issue 5. 208 p. (In Russ.)

11. Kerlot H. E. *Slovar' simvolov* [A dictionary of symbols]. Moscow: PEEL-BOOK Press, 1994. 608 p. (In Russ.)

12. Mozhejko M. A. *Ohota na Snarka* [The Hunting of the Snark]. Available at: https://www.socionic.ru/index.php/o/7263-ohota_na_snarka?format=pdf (accessed: 05.10.2024). (In Russ.)

13. Minc Z. G. *Aleksandr Blok i russkie pisateli* [Alexander Blok and Russian writers]. St. Petersburg: Iskustvo-St. Petersburg Press, 2000. 784 p. (In Russ.)

14. Shiryayeva I. N. *Literaturnyj nonsens v russkoj proze i poezii vtoroj poloviny XX — nachala XXI vekov : dis. ... kand. filol. nauk: 10.01.01* [Literary nonsense in Russian prose and poetry of the second half of the XX — beginning of the XXI centuries: diss. ... candidate of Philological Sciences: 10.01.01]. Moscow: [s.n.], 2017. 190 p. (In Russ.)

15. Fedorov F. Nonsense and there is no end to it. *Komparatīvistikas almanahs Nonsense Culture. The Absurd in Literature*. Daugavpils: Daugavpils University Academic Press iSaule, 2014. No 5 (34). Pp. 15–25. (In Russ.)

16. Kurij S. *Gluposti Charlza Lyutvidzha Dodzhsona (dva sna i odna ohota)* [The Follies of Charles Lutwidge Dodgson (two dreams and one hunt)]. Available at: <http://19v-euro-lit.niv.ru/19v-euro-lit/articles-eng/kurij-gluposti-charlza-lyutvidzha.html> (accessed: 05.10.2024). (In Russ.)

Сведения об авторе

Иткулов Сергей Зуфарович, кандидат культурологии, доцент кафедры агрономии и землеустройства, Верхневолжский агробιοтехнологический университет (153012, Россия, Иваново, ул. Советская, 45)

Information about the author

Itkulov Sergey Z., Candidate of Cultural Studies, Associate Professor of the Department of Agronomy and Land Management, Verkhnevolzhsk State University of Agronomy and Biothechnlogy (45, Sovetskaya str., Ivanovo, 153012, Russia)

Статья поступила в редакцию / The article was submitted	11.10.2024
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing	14.01. 2025
Принята к публикации / Accepted for publication	18.02.2025

Научная статья / Article

УДК 008

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2025-1-63>

**Александр Скрябин и Эрик Сати: два подхода
к роли музыки в культуре**

Никита Александрович Романов

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных
технологий и дизайна, Санкт-Петербург, Россия,
romanov_na@bk.ru

Аннотация. *Статья посвящена анализу идей и музыкального творчества Александра Скрябина и Эрика Сати с целью выявления двух противоположных подходов к функциональному назначению музыки в культуре. Для достижения поставленной цели в статье используются материалы, посвященные изучению их биографий и музыкального творчества. Необходимость изучения музыкального наследия рассматриваемых композиторов в таком ракурсе обусловлена тем, что позволяет не только сопоставить между собой их музыкальные стили и творческие замыслы, но и выявить благодаря этому один из возможных диапазонов предназначения и использования музыки в культуре. По результатам проведенного исследования заключается, что музыка в творчестве Александра Скрябина является не только одним из видов искусства, которое позволяет человеку испытать эстетическое наслаждение, но и средством для качественно нового преобразования человека и культуры. Для организации правильного восприятия задуманных Александром Скрябиным музыкальных композиций «Предварительное действие» и «Мистерия» предполагалось проектирование специального зала (храма), а также использование усиливающих эффект средств, включающих в себя зрительные, обонятельные, осязательные и вкусовые элементы. Напротив, Эрик Сати предлагает и реализовывает идею «меблировочной музыки», которая должна быть комфортной и приятной для восприятия и соответствовать практическим задачам по сопровождению повседневной жизни человека. Её формат предполагает неограниченное количество исполнений одной и той же музыкальной фразы или композиции, а фоновое звучание не требует внимания к себе и не вызывает сильных чувственных переживаний. Результаты исследования предлагается использовать в рамках современных исследований звука, так как музыка как один из способов организации звука является неотъемлемой частью аудиальной культуры. Таким образом, анализ музыкального наследия выдающихся композиторов обладает ценностью в рамках изучения особен-*

ностей аудиальной культуры прошедших эпох, а вместе с этим позволяет лучше понять, какую функцию может выполнять художественным образом организованный звук в культуре.

Ключевые слова: академическая музыка, функции музыки, социология музыки, исследования звука, аудиальная культура, А. Скрябин, Э. Сати

Для цитирования: Романов Н. А. Александр Скрябин и Эрик Сати: два подхода к роли музыки в культуре // Человек. Культура. Образование. 2025. № 1. С. 63–81. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2025-1-63>

Alexander Scriabin and Eric Satie: two approaches to the role of music in culture

Romanov Nikita Aleksandrovich

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design,
Saint-Petersburg, Russia,
romanov_na@bk.ru

Abstract. *The article is devoted to the analysis of the ideas and musical creativity of Alexander Scriabin and Eric Satie in order to identify two opposing approaches to the functional purpose of music in culture. To achieve this goal, the article uses materials devoted to the study of their biographies and musical creativity. The need to study the musical heritage of the considered composers in this perspective is due to the fact that it allows not only to compare their musical styles and creative ideas, but also to identify one of the possible ranges of purpose and use of music in culture. According to the results of the study, music in the work of Alexander Scriabin is not only one of the types of art that allows a person to experience aesthetic pleasure, but also a means for a qualitatively new transformation of man and culture. To organize the correct perception of the musical compositions «Preliminary Action» and «Mystery», conceived by Alexander Scriabin, it was assumed that a special hall (temple) was designed, as well as the use of means to enhance the effect, including visual, olfactory, tactile and gustatory elements. On the contrary, Eric Satie proposes and implements the idea of «furniture music», which should be comfortable and pleasant to perceive and correspond to the practical tasks of accompanying a person's daily life. Its format assumes an unlimited number of performances of the same musical phrase or composition, and the background sound does not require attention to itself and does not cause strong sensual feelings. The results of the study are proposed to be used in the framework of modern sound research, since music as one of the ways of organizing sound is an integral part of auditory culture. Therefore, the analysis of the musical heritage of outstanding composers is valuable for studying the peculiarities of the auditory culture of past eras and at the same time allows us to better understand what function an artistically organized sound can perform in culture.*

Keywords: *art music, music functions, music sociology, sound studies, auditory culture, A. Scriabin, E. Satie*

For citation: Romanov N. A. Alexander Scriabin and Eric Satie: two approaches to the role of music in culture. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education*, 2025; 1: 63–81. (In Russ.) <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2025-1-63>

Введение. Начиная со второй половины XX века акустическая (звуковая) среда становится отдельной областью исследований, привлекающей внимание широкого круга ученых. В 60-е и 70-е годы XX века канадский композитор Реймонд Мюррей Шафер в своих работах уделяет особое внимание теме акустической экологии [1] и «культуре слуха» [2], тем самым обращая внимание ученых на необходимость изучения звукового ландшафта, окружающего человека. На сегодняшний момент анализу звуковой среды и аудидальной культуры посвящено большое количество работ, в которых с помощью междисциплинарных подходов определяется роль звука в культуре. Например, звуковая среда анализируется на предмет того, каким образом она влияет на конструирование культурной действительности [3], разрабатываются и предлагаются методологии звуковых исследований [4], предпринимаются попытки их критического философского осмысления [5], а вместе с этим осмысляется «звуковой поворот» в современной науке и культуре в целом [6]. В связи с этим звук в его различных проявлениях становится центральной проблемой ряда междисциплинарных исследований, а целостное изучение звуковой среды и аудидальной культуры без обращения к одной из её существенных составляющих в виде музыкального искусства является невозможным.

Целью статьи является изучение музыкального творчества Александра Скрябина и Эрика Сати с точки зрения выявления двух противоположных подходов к осмыслению функционального назначения музыки в культуре. Необходимость проведения данного исследования обусловлена тем, что с его помощью можно наглядным образом обозначить одну из возможных амплитуд целенаправленного использования музыки не только на рубеже XIX и XX веков, но и в культуре в целом. В этом отношении рассмотрение вариантов функционального предназначения музыки, являющейся одним из возможных способов «организации звука» [7, с. 14], также позволяет лучше понять, для каких целей антропогенный звук может производиться и использоваться в культуре.

Вместе с этим в контексте социологии музыки с помощью сопоставления творчества выбранных композиторов можно привести пример внутренней дифференциации академической музыки рубежа XIX и XX веков на «легкую развлекательную» и «высокую серьезную» [8, с. 236]. Также примечательным является то, что оба композитора рассматривают свои произведения не в качестве образцов классического академического музыкального искусства, а видят в них потенциал для реализации разных социальных функций, предлагая вместе с этим отличные друг от друга формы взаимодействия слушателя с музыкой. Таким образом, изучение художественных и «внехудожественных моментов» [там же, с. 42], которые определяют контексты функционального применения музыки, является неотъемлемой частью социологии музыки, особенно в тех случаях, когда композиторы сами обозначают возможную социальную функцию сочиненной ими музыки.

В статье основное внимание уделяется «Поэме огня» (симфоническая поэма «Прометей»), незавершенным проектам «Предварительное действие» и «Мистерия» Александра Скрябина, а также концепции «меблировочной музыки» Эрика Сати и его одноименным музыкальным произведениям. В связи с этим предложенная аналитика обуславливается поставленной в работе целью и не претендует на всесторонний сравнительный анализ их творчества. По этой причине необходимо обозначить, что, с одной стороны, рассматриваемые в тексте произведения и идеи двух композиторов действительно важны для понимания характерных особенностей их творчества, с другой стороны, историческое и современное значение музыкального искусства Александра Скрябина и Эрика Сати невозможно определить только с помощью выбранных в данной статье примеров и используемых в ней подходов и методов исследования. Другие образцы их творчества являются разносторонними по жанру, форме и содержанию, а значит, заслуживают отдельного внимания вне обозначенной в данной работе темы. Таким образом, в статье предлагается один из возможных взглядов на музыкальное искусство двух композиторов.

Методы исследования, теоретическая база. Автор статьи руководствуется междисциплинарным подходом, так как он позволяет учитывать, применять, сопоставлять и согласовывать между собой результаты и выводы разных научных направлений. Учет множества точек зрения способствует рассмотрению специфики культуры и её отдельных элементов в виде целостной и раз-

вивающейся системы. Таким образом, в целях определения двух противоположных подходов к осмыслению предназначения художественным образом организованного звука (музыки) в культуре проводится сравнительный анализ основных черт музыкального творчества композиторов Александра Скрябина и Эрика Сати в контексте обозначенной в статье проблематики. Для реализации компаративистского метода используются материалы монографий и статей, посвященных изучению их биографий и творчества, а также вспомогательные источники, раскрывающие существенные аспекты их музыкального искусства в рамках рассматриваемой темы. В связи с этим автор придерживается принципа историзма и синхронизма, рассматривая рецепции их современников, и применяет результаты изучения творчества двух композиторов после их смерти, чтобы обозначить актуальные результаты осмысления их музыкального наследия.

В работе используются монографические работы И. Л. Ванечкиной, Б. М. Галеева, М. Н. Лобановой, В. В. Рубцовой и Е. Г. Польшаевой, а также материалы книг современников Александра Скрябина: Е. В. Гунста, И. А. Вышнеградского, Л. Л. Сабанеева и Б. Ф. Шлёцера. В этих трудах осмысливается творческий путь, публикуются воспоминания современников, а также встречаются цитаты немногочисленных высказываний самого Александра Скрябина. Также в тексте используются оценки творчества композитора К. Д. Бальмонтом, Ф. Л. Лосевым и А. В. Луначарским, а также приводятся рецепции его образа в современной отечественной культуре на примере книги Ю. Ханона и статьи Е. В. Лобанковой. Для анализа музыкальных произведений и идей Эрика Сати автор статьи обращается к работам композитора и теоретика музыки Д. М. Кейджа, исследовательницы его биографии М. Э. Дэвис, воспоминаниям и критическим заметкам его современников А. Онеггера и Ж. Кокто, а также искусствоведческому анализу его музыкального стиля А. Д. Селивановой. Вместе с этим внимание уделяется прозе и письмам Эрика Сати, в которых упоминается концепция «меблировочной музыки» и особенности её музыкальной реализации.

Отправной точкой предлагаемого в статье исследования является положение немецкого философа Освальда Шпенглера, являющегося современником Александра Скрябина и Эрика Сати. Согласно ему, музыка оказывает «волшебное действие» [9, с. 11], так как может отвлечь человека от визуально воспринимаемого внешнего «светомира» [там же, с. 11], а значит, сконцентрировать его внима-

ние на собственном внутреннем духовном мире. В соответствии с этим можно утверждать, что музыка может оказывать сильнейшее и отличное от других видов искусства воздействие на человека, в связи с чем в статье анализируются варианты функционального назначения музыки Александра Скрябина и Эрика Сати в культуре.

Результаты исследования и их обсуждение. Немецкий философ Освальд Шпенглер в начале XX века отмечает, что «только музыка способна разом увести от мира, разрушить неодолимые чары господства света и породить сладкую иллюзию того, что здесь мы прикасаемся к глубинной тайне души» [9, с. 11]. Одним из аспектов данного утверждения является то, что музыка оказывает «волшебное» [там же, с. 11] и сильнейшее воздействие на человека. Тем не менее благотворное влияние музыки на человека осознавалось ещё в Древней Греции, например, в виде получения удовольствия от занятия музыкой [10, с. 630]. Более того, можно предположить, что музыка оказывала влияние на эмоциональное, физическое и духовное состояние человека с ещё более давних времен, когда проблематика её воздействия ещё не артикулировалась в философском или теоретическом контексте, а музыка в самых первых проявлениях уже существовала в культуре. В связи с этим более важным в утверждениях Освальда Шпенглера является то, что именно музыка, в отличие от других видов искусства, позволяет иллюзорно прикоснуться к «глубинной тайне души». Освальд Шпенглер исходит из того, что «человеческое мышление — это глазное мышление, наши понятия выведены из зрения, а вся вообще логика представляет собой воображаемый светомир» [9, с. 11]. Напротив, сила музыки, с его точки зрения, заключается в том, что средства музыкального искусства «находятся за пределами светомира, который уже издавна сделался для нас равнозначным миру вообще» [там же, с. 11].

В связи с этим можно задать ряд вопросов, среди которых такие: по поводу каждого ли музыкального произведения можно утверждать, что оно способно «прикоснуться к глубинной тайне души» или оказывать «волшебное» воздействие; может ли музыка быть для других целей или вовсе «бесцельной», считали ли таким же образом сами композиторы, когда сочиняли музыку, а также множество других. Исходя из этого имеет смысл прояснить, какие тенденции в осмыслении роли музыкального искусства рубежа XIX и XX веков существовали у самих композиторов. Наше внимание будет обращено к композиторам Александру Скрябину и Эрику Сати.

Александр Скрябин как композитор проходит творческий эволюционный путь от подражателя и последователя музыкального стиля Фредерика Шопена до самостоятельного и самобытного творца-«мессии». Уже при жизни, особенно в зрелые и поздние годы творчества, его окружают как настоящие поклонники, так и враждебно настроенные музыкальные деятели, которые отрицательно, а иногда в форме откровенного глумления относятся к его творческим идеям либо просто заявляют о невосприятии его музыки [11, с. 59–60]. После смерти к его идеям и музыкальному наследию обращаются как к источнику вдохновения последователи, например, такие композиторы, как Иван Вышнеградский, который видел в нем «путеводную звезду» [12, с. 75] для своего творчества, и Николай Обухов, являющийся «гениальным продолжателем и завершителем Скрябина» [там же, с. 128].

Вместе с тем его творчество подвергается восторженной оценке со стороны поэзии символистов, среди которых Константин Бальмонт [13, с. 83–90], а со стороны философско-религиозного осмысления его фигура оценивается как «языческая» [14, с. 293]. Помимо этого, его личность проходит процесс встраивания в политический и идеологический ландшафт ранней советской власти, когда народный комиссар просвещения РСФСР Анатолий Луначарский называет Александра Скрябина «героем, погибшем у порога новых времен» [15, с. 11]. В течение XX века в отечественной литературе на свет появляются книги, посвященные его творчеству и биографии, а в середине 90-х годов XX века Александр Скрябин становится героем романа Юрия Ханона [16], в котором облик композитора в значительной степени мистифицируется. К началу XXI века в современной отечественной культуре Александр Скрябин предстаёт как многогранная и противоречивая фигура, в том числе за счет большого количества его противоречивых образов, которые репрезентируются в медиа [17].

В «Поэме огня» (симфоническая поэма «Прометей»), в незаконченном «Предварительном действе», ненаписанной, но часто обсуждаемой Скрябиным в близком кругу «Мистерии» прослеживается лейтмотив преобразования всего человечества посредством восприятия музыкального произведения. В данном случае можно сказать, что речь идет не только о прикосновении «к глубинной тайне души», но и последующем перерождении человека и преобразении культуры с помощью музыки. Отмеченные произведения являются программными, однако их философско-символическое содер-

жание не предполагает строгих повествовательных указаний и тем самым не ограничивает их интерпретацию. Более того, на основании результатов анализа исследований, направленных на выявление и конкретизацию философских идей Александра Скрябина, как правило, делается вывод о том, что четкой системы им выработано не было, а общий вектор его художественных воззрений можно охарактеризовать в виде идеалистического представления о роли музыкального искусства [18, с. 71].

Нельзя утверждать, что музыка до Александра Скрябина не участвовала в задачах по преобразению человека. Например, органные хоралы Иоганна Себастьяна Баха в лютеранских церквях соответствовали целям по преобразованию души и разума верующего человека. Немецкий священник и теолог Мартин Лютер расценивал использование контрапунктической музыки в храмах в качестве средства, которое позволяет частично познать «великую и совершенную мудрость Бога в его чудесном творении — музыке» [19, с. 25].

Тем не менее в отмеченных произведениях Александра Скрябина отчетливо прослеживается мистериальное или «теургическое» [20, с. 94] предназначение, которое выражается в преобразении человека через музыку. В частности, по итогам исполнения задуманной Александром Скрябиным «Мистерии» должны были «наступить мировые катаклизмы и перерождение человечества» [21, с. 327], которые ознаменовали бы наступление новой и неизведанной «фазы человеческого бытия» [18, с. 279]. В одном из дневников композитор Иван Вышнеградский делает заметку об обнаружении мирового духа на пути его развития в цикле эволюции европейской культуры, где Александра Скрябина именует человеком, который становится богом (симфонии, сонаты) [12, с. 135]. С его точки зрения, именно у Александра Скрябина музыкальная гармония обладает магической и завораживающей силой [там же, с. 135]. В этом отношении музыка является основным средством для реализации идей Александра Скрябина по преобразению человечества, где сочиняющий музыку композитор выступает в виде творческого начала, которое благодаря умению определенным образом организовывать звук в состоянии влиять на человека, а значит, и на культуру в целом.

Вместе с этим Александр Скрябин не ограничивается исключительно музыкальным инструментарием в достижении наиболее сильного воздействия на человека. В истории музыки он также известен как один из пионеров светомузыки. Считается, что от рожде-

ния он был синестетом и вместе с этим искусственно развивал идеи музыкально-цветовой синестезии на теоретическом уровне, в связи с чем прибегал к синописи (цветовому слуху) [22] при сочинении своей музыки.

Идея использования художественных средств из инструментария разных видов искусства в целях достижения более сильного и всеобъемлющего эффекта на зрителя не являлась на момент жизни Александра Скрябина передовой. Так, например, уже Рихард Вагнер, критикуя современную ему оперу, выступал за создание музыкальной драмы, которая будет в состоянии объединить все роды искусства в целях «великой драматической цели» [23, с. 120].

В этом отношении Александра Скрябина по справедливости считают одним из тех, кто продолжил развитие идеи синтеза искусства после Рихарда Вагнера [12, с. 55]. Новаторской идеей Александра Скрябина стало использование именно цветового света в виде художественного средства, которое контрапунктически сочетается с мелодией [20, с. 258]. Поиск дополнительных художественных средств, например, в свете и цвете, безусловно связан с замыслом и миссией упомянутых произведений, так как их исполнение должно было вызывать сильнейшее переживание у человека, в том числе благодаря воздействию на разные органы чувств. Тем не менее задуманные им идеи не были реализованы во время его жизни, а премьеры симфонической поэмы «Прометей» из-за трудностей в технической реализации светомузыкальной партии состоялась в классическом формате [24, с. 71]. Также и синопись не была оформлена на теоретическом уровне в виде готовой системы записи цветовой партии [18, с. 312], которую можно было бы использовать на практике таким же образом, как сегодня повсеместно пользуются музыкальной нотацией.

Ещё одним важным параметром, влияющим на качество восприятия музыкального произведения, является пространство его исполнения. Александр Скрябин приходит к мысли о том, что для реализации своих замыслов по исполнению «Предварительного действия» и «Мистерии» необходим особый зал (храм) для «средоточия мистериального действия» [25, с. 171]. Помимо архитектурных параметров зала (храма), предполагается также использование осязательных, обонятельных и вкусовых элементов [26, с. 132]. Это свидетельствует не только о том, что в преобразовании человечества должны участвовать все средства, способные воздействовать на чувственное восприятие человека, но и о том, что окружающая

среда проектируется исходя из исключительной роли музыкальных произведений, предназначенных для духовного перерождения человека. Следует ещё раз отметить, что, несмотря на идею использовать различные средства при исполнении задуманных произведений, «камертоном» и основным средством является музыка. Поэтому другие возможные дополнения в виде зрительных, обонятельных, осязательных и вкусовых элементов всё же должны были бы выполнять аккомпанирующую роль, которая проявляется в усилении эффекта от музыкального произведения, без которого реализация задач по преобразованию человека невозможна.

Эрик Сати во время своей жизни прославился как эпатажирующий публику композитор и эксцентричный музыкант. Его художественный имидж сложно описать лишь одним единственным и устойчивым образом, поскольку представлял он себя в обществе по-разному, а само представление соответствовало художественным целям и задачам его творчества, которые, в свою очередь, трансформировались в течении жизни [27, с. 12]. К себе и своему творчеству он относился иронично [27, с. 10], а его произведения со стороны других композиторов и современников вызывали полярные оценки [28, с. 6]. В музыкальной жизни Франции конца XIX — начала XX века он занимал особое место, не причисляя своё творчество ни к одному из течений в музыке: «Он никогда не позволял себе прибегать ни к сомнительному сладкозвучию, ни к сокрушительной силе» [29, с. 96]. Тем не менее уже спустя десятилетия после смерти его вклад в музыкальное искусство был оценен как своевременный в контексте борьбы «против искусства для «элиты» и «утонченности, доведенной до чрезмерности» [30, с. 33]. Во второй половине XX века его роль в истории музыки была отмечена как «незаменимая» [7, с. 112], так как при ретроспективном взгляде стало очевидно, что Эрик Сати стал одним из предшественников тех принципов, которые сегодня мы можем встретить в современной музыке. В отечественной литературе Эрик Сати становится героем книжного произведения Юрия Ханона, в которой автор помимо мистификации сведений о композиторе также сожалеет о том, что композитора незаслуженно забыли в истории музыки [31, с. 642].

Эриком Сати была придумана концепция «меблировочной музыки» (от фр. *Musique d'ameublement*). В своем письме к Жану Кокто он пишет: «“Меблировочная музыка”, по сути, музыка промышленная. Существует привычка — обычай — делать музыку для об-

стоятельств, при которых музыке нечего делать. Так, например, играют вальсы, оперные фантазии & прочие похожие вещи, написанные для иного применения. Мы же, мы хотим учредить музыку, которая бы делалась для удовлетворения «полезных» нужд. В число этих нужд Искусство не входит. «Музыка для мебелировки» создает вибрацию; у нее нет другой цели, она играет такую же роль, как свет, тепло & комфорт во всех его формах» [28, с. 205]. В продолжении письма он предлагает утрированные лозунги для продвижения данной идеи: «Меблировочная музыка» успешно заменяет марши, польки, танго, гавоты и т. д.» или «На сон грядущий слушайте «меблировочную музыку», иначе вы будете плохо спать» и другие [там же, с. 205].

Важен тот факт, что музыка в её классической (академической) форме предполагает сосредоточение внимания на себе, что предполагает её восприятие человеком посредством целенаправленного прослушивания. В таком случае музыка способна воздействовать на чувственное восприятие слушателя и тем самым вызывать впечатления и переживания. В свою очередь, «меблировочная музыка» не предполагает сосредоточения фокуса внимания на себе, а значит, и прямого воздействия на эмоции слушателей. Напротив, можно сделать вывод о том, что такая музыка должна звучать в фоновом режиме, а значит, играть второстепенную роль в повседневной жизни. Примечательной деталью является тот факт, что о премьеры «меблировочной музыки» было сделано упоминание в самом первом номере французского издания «Vogue» в разделе о декоре дома, где было подмечено, что «музыкальные мотивы повторяются без остановки, и, как говорит Эрик Сати, бессмысленно к ним прислушиваться: нужно жить в их окружении, не обращая на них внимания» [27, с. 148]. То есть художественным образом организованный звук в виде музыки становится элементом аудиальной среды, но при этом не занимает привилегированного места среди других звуков повседневной жизни и не претендует на кардинальные преобразования общества и культуры. Таким образом, музыка сочиняется не для того, чтобы вызывать эмоциональные и духовные переживания у человека, а для удовлетворения практических потребностей повседневной жизни, одной из которых является соблюдение комфорта.

Другим аспектом музыкального стиля Эрика Сати является упрощение музыкальной фактуры. Жан Кокто по этому поводу писал: «В “Сократе” есть такие места, что начинаешь думать: уж

не птица ли сочинила эту музыку? Она слишком проста для слуха, привыкшего к пряным созвучиям. Вот в чем беда. Сати не надевает на свой гений ни нарядного платья, ни украшений» [29, с. 96] Характерным для музыки «Сократа» является «отстранение от чувственности, экспрессии, отречение от переизбытка выразительных средств» [32, с. 160]. Это произведение можно считать наивысшей точкой развития его собственного музыкального стиля, который характеризуется «предельной прозрачностью» [там же, с. 158].

Необходимо отметить, что в предшествующих симфонической драме «Сократ» музыкальных композициях, большая часть из которых сочинена для фортепиано, также избегается чрезмерная выразительность, сильная экспрессия и повышенная чувственность. В том числе по этой причине музыкальный стиль Эрика Сати во многом предвосхитил минимализм в музыке, активное развитие которого можно наблюдать со второй половины XX века.

Ещё одной характерной чертой творчества Эрика Сати является использование принципов повторения музыкального материала, а также сочинения небольших произведений, которые по своей длительности могут не превышать и одной минуты. В этом случае хрестоматийным примером, в котором используется принцип повторяемости (репетиторности) одной и той же мелодии, является фортепианная композиция «Vexations» (с фр. «раздражение» или «досада»). Согласно указаниям Эрика Сати в нотах, она должна исполняться 840 раз подряд. Соблюдение его указаний приводит к многократному исполнению и прослушиванию этой композиции в течение примерно 24 часов [7, с. 106]. То есть при соблюдении авторских указаний в течение целых суток будет исполняться одно и то же произведение, в котором нет ярко выраженных кульминаций, нет классического единоразового исполнения музыкального произведения на концерте, а есть монотонное растворение музыкального звука в пространстве с навязчиво-рутинным повторением одного и того же. Для исполнения пяти коротких инструментальных пьес для камерного ансамбля «меблировочной музыки» (1917–1920) предполагалось рассаживание музыкантов в разных частях комнаты, а сами музыкальные произведения состоят от 8 до 12 тактов, которые можно повторять произвольное количество раз [33, с. 27]. Таким образом, для восприятия музыки не требуется специальное место для исполнения в виде концертного зала или площадки, так как звучащая музыка не предназначена для того, чтобы быть в центре внимания.

В этом отношении можно сказать, что, помимо ироничного отношения к своему творчеству и нескрываемой простоты музыкальных композиций, творческий подход Эрика Сати решительным образом редуцирует роль музыки как одного из видов искусства к прагматичному функциональному назначению, которое выражается в сопровождении повседневности «меблировочной» музыкой. В том числе по этим причинам «меблировочную» музыку считают предшественницей современной фоновой музыки [27, с. 147]. Подобные точки зрения являются небезосновательными, так как сам Эрик Сати предлагал не акцентировать внимание людей на музыке.

Заключение. По результатам проведенного анализа творчества Александра Скрябина и Эрика Сати необходимо отметить, что общим для композиторов является отрицание классических академических традиций и стремление к преодолению кризиса устоявшихся музыкальных форм и эстетических канонов, сложившихся к рубежу XIX и XX веков. Основным различием является то, в каком виде Александр Скрябин и Эрик Сати видят роль своей музыки в культуре. Можно сказать, что именно выбор диаметрально противоположного функционального назначения музыки во многом определяет форму и содержание их музыкальных произведений, что, в свою очередь, влияет на то, в какой степени и для каких целей художественным образом организованный звук в виде музыки «прикасается к тайнам души» человека.

В поздних сочинениях и свидетельствах о творческих замыслах Александра Скрябина можно проследить стремление к использованию музыки в революционных, возвышенных и сакральных целях. Музыка является в таком случае не только искусством, которое позволяет испытать эстетическое наслаждение, но и инструментом для преобразования или качественно новой «настройки» души человека. Она должна быть действенной, пробуждая весь спектр чувственных переживаний именно с целью достижения духовного перерождения человечества. Неоконченное «Предварительное действие» и несочинённая «Мистерия» предполагались им в виде сложных музыкальных композиций, рассчитанных на продолжительное исполнение, в ходе которого человек всецело сконцентрирован на восприятии музыкального произведения. В этом смысле музыка оказывалась в центре внимания, а другие возможные дополнения в виде зрительных, обонятельных, осязательных и вкусовых элементов должны были усиливать её воздействие.

Идеи Александра Скрябина о необходимости создания специального пространства в виде особого зала или храма для восприятия его музыкальных композиций также свидетельствуют о масштабах его художественного замысла. Вместе с этим они демонстрируют тотальность задуманных им музыкальных произведений, исполнение которых подразумевает трансформацию окружающей среды в целях подготовки её к преобразению человека в акте восприятия музыки.

Напротив, «меблировочная музыка» Эрика Сати создана для рутинного использования в пространстве ежедневной повседневности. При сочинении такой музыки он целенаправленно ориентируется на не музыкальные идеи. Функция музыки заключается в обслуживании обыденности, в которой нет места для революционных преобразений и экстатических изменений человека, общества и культуры. Непринужденные, короткие и афористичные музыкальные произведения должны звучать локализовано. Речь идет о конкретных обыденных пространствах, которые не имеют ничего общего ни с элитарными площадками традиционных концертных залов, ни с воображаемыми храмами искусства, которые могли бы объединить всё человечество для духовного перерождения. «Меблировочная музыка» предназначена для неограниченного количества повторений одной и той же музыкальной фразы или композиции в режиме фонового и цикличного прослушивания. Таким образом, музыка не предполагает внимательного прослушивания, а звучит как само собой разумеющееся аудиальное интерьерное сопровождение, не отвлекает человека от его повседневных забот, приятна на слух и не вызывает чрезмерных чувственных переживаний.

Вместе с этим стоит отметить, что развитие идей Александра Скрябина о преобразении человечества в акте прослушивания музыки можно проследить через изучение творческого пути композитора, изобретателя музыкальных инструментов и теоретика музыки Николая Обухова. Его идеи не получили дальнейшего развития после его смерти и на сегодняшний момент во многом забыты. Напротив, тенденции как к минимализму в музыке, так и к использованию музыки в качестве фонового сопровождения обыденной жизни мы встречаем сегодня повсеместно: радио, телевидение, музыка в торговых центрах, стриминговые музыкальные сервисы, аудиовизуальный цифровой контент и так далее. В этом отношении как проекты о кардинальном преобразении человечества че-

рез создание специальным образом сочиненных музыкальных произведений, так и идеи об изменении культуры только с помощью искусства оказываются несостоятельными в современной реальности.

Предложенный в данной статье вариант анализа музыкального творчества Александра Скрябина и Эрика Сати позволяет не только выявить два возможных подхода к осмыслению роли музыки на рубеже XIX и XX веков, но и обозначить варианты отношения к звуку в культуре как таковому. Изучение того, какие авторские принципы реализовывались в музыке и какое предназначение композиторы видели в своих произведениях, позволяет лучше понять возможный статус и роль музыкальных произведений в культуре и целей использования звука человеком. Поэтому изучение музыкального творчества и идей выдающихся композиторов обладает ценностью как в контексте музыковедения, социологии музыки и философии искусства, так и в рамках исследований звука в культуре. Таким образом, результаты анализа музыкального творчества композиторов можно использовать при исследовании характеристик аудиальной культуры предшествующих эпох, а также при изучении форм и видов взаимодействия человека с акустической средой и звуком в целом.

Список источников

1. Schafer R.M. The book of noise / Price Milburn & Co. Ltd. Wellington, 1970. 31 p.
2. Schafe r R. M. Ear cleaning. Notes for an experimental music course / Clark & Cruickshank. Toronto, 1969. 47 p.
3. Лаббель Б. Акустические территории. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 296 с.
4. Шион М. Звук: слушать, слышать, наблюдать. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 312 с.
5. Рясов А. Едва слышный гул. Введение в философию звука. М.: Новое литературное обозрение, 2024. 184 с.
6. Кокс К. Звуковой поток. Звук, искусство и метафизика. М.: Новое литературное обозрение, 2024. 304 с.
7. Кейдж Дж. Тишина : лекции и статьи. Вологда: Полиграф-Книга, 2012. 384 с.
8. Адорно Т. Избранное: социология музыки. М.: Российская политическая энциклопедия, 2008. 448 с.
9. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 2. Всемирно-исторические перспективы / пер. с нем. и примеч. И. И. Маханькова. М.: Мысль, 1998. 606 с.

10. Аристотель. Сочинения : в 4 т. : пер. с древнегреч. / общ. ред. А. И. Доватура. М.: Мысль, 1983. Т. 4. 830 с.
11. Гунст Е. О. А. Н. Скрябин и его творчество. М.: Мысль, 1915. 88 с.
12. Вышнеградский И. Пирамида жизни: Дневник, статьи, письма, воспоминания // Русское музыкальное зарубежье в материалах и документах / сост. и ред. А. Л. Бретаницая; публ. Е. Г. Польшяева. М.: Композитор, 2001. Кн. 2. 320 с.
13. Скрябин А. Н. Поэма Экстаза. М.: Водолей Publishers, 2008. 128 с.
14. Лосев А. Страсть к диалектике: Литературные размышления философа. М.: Советский писатель, 1990. 320 с.
15. Луначарский А. В. О Скрябине: (Вступит. слово на концерте 8 мая 1921 г.) // Культура театра. М., 1921. № 6. С. 7–11.
16. Ханон Ю. Скрябин как лицо. СПб.: Центр Средней Музыки & Лики России, 1995. 680 с.
17. Лобанкова (Ключникова) Е. В. Образ Скрябина в современной отечественной культуре: от романтика к эротическому безумцу // Сайт ФГБОУ ВО «Российская академия музыки имени Гнесиных». URL: <https://gnesin-academy.ru/upload/iblock/ab8/m4byuq8vra6i5aexrsns4dc2cngwnjjhk/LobankovaMF12.pdf> (дата обращения: 18.10.2024).
18. Ванечкина И. Л., Галеев Б. М. «Поэма огня»: Концепция светомузикального синтеза А. Н. Скрябина. Казань: Изд-во Казанской гос. консерватории, 2010. 352 с.
19. Швейцер А. Иоганн Себастьян Бах. М.: Классика-XXI, 2011. 861 с.
20. Лобанова М. Н. Теософ — теург — мистик — маг: Александр Скрябин и его время. СПб.: Петроглиф, 2012. 368 с.
21. Рубцова В. В. Александр Николаевич Скрябин. М.: Музыка, 1989. 447 с.
22. Сабанеев Л. Л. Скрябин и явление цветного слуха в связи со световой симфонией «Прометей» // Проблемы музыкальной науки / Music Scholarship. 2023. № 2. С. 22–30.
23. Вагнер Р. Избранные работы : пер. с нем. / сост. и коммент. И. А. Барсовой и С. А. Ошерова; вступ. ст. А. Ф. Лосева. М.: Искусство, 1978. 695 с.
24. Сабанеев Л. Л. Воспоминания о Скрябине. М.: Классика-XXI, 2004. 392 с.
25. Шлёцер Б. Ф. А. Скрябин. Личность. Мистерия. Берлин: Грани, 1923. Т. 1. 356 с.
26. Польшяева Е. Г. Послание Николая Обухова: реконструкция биографии. М.: Русский путь, 2008. 289 с.
27. Дэвис Мэри Э. Эрик Сати. М.: Ад Маргинем Пресс, 2017. 184 с.
28. Сати Э. Заметки млекопитающего: Проза. Письма. Воспоминания современников / пер. с фр., сост., предисл. и коммент. В. Кислова. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2015. 416 с.
29. Кокто Ж. Портреты-воспоминания : эссе / пер. с франц. В. Кадышева и Н. Мавлевич; сост., предисл. и коммент. В. Кадышева. М.: Известия, 1985. 160 с.
30. Онеггер А. О музыкальном искусстве : пер. с фр. / коммент. В. Н. Александровой, В. И. Быкова. Л.: Музыка, 1979. 264 с.
31. Ханон Ю., Сати Э. Воспоминания задним числом. СПб.: Центр средней музыки & Лики России, 2010. 680 с.

32. Селиванова А. Д. «Сократ» Эрика Сати: Musique d'ameublement или репетитивная музыка? // Научный вестник Московской консерватории. 2011. № 1. С. 152–174.

33. Schoon A. Die Ordnung der Künste vom Bauhaus zum Mountain College. Bielefeld: Transcript Verlag, 2006. 217 s.

References

1. Schafer R. M. *The book of noise*. Price Milburn & Co. Ltd. Wellington, 1970. 31 p.

2. Schafer R.M. *Ear cleaning. Notes for an experimental music course*. Clark & Cruickshank. Toronto, 1969. 47 p.

3. Labbel B. *Akusticheskie territorii* [Acoustic Territories]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2023. 296 p. (In Russ.)

4. Chion M. *Zvuk: slushat', sly'shat', nablyudat'* [Sound: listen, hear, observe]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2021. 312 p. (In Russ.)

5. Ryasov A. *Edva sly'shny'j gul. Vvedenie v filosofiyu zvuka* [A barely audible hum. An introduction to the philosophy of sound]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2024, 184 p. (In Russ.)

6. Cox K. *Zvukovoj potok. Zvuk, iskusstvo i metafizika* [The sound stream. Sound, art and metaphysics]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2024, 304 p. (In Russ.)

7. Cage J. *Tishina. Lekcii i stat'i* [Silence. Lectures and articles]. Vologda: Poligraf-Kniga, 2012. 384 p. (In Russ.)

8. Adorno T. *Izbrannoe: sociologiya muzy'ki* [Favorites: the sociology of music]. Moscow: Rossijskaya politicheskaya e`nciklopediya, 2008. 448 p. (In Russ.)

9. Spengler O. *Zakat Evropy'. Ocherki morfologii mirovoj istorii. T. 2. Vsemirno-istoricheskie perspektivy'* [The decline of Europe. Essays on the morphology of world history. Vol. 2. World historical perspectives]. Translated from German. and note by I. I. Makhankov. Moscow: Mysl', 1998. 663 p. (In Russ.)

10. Aristotle. *Sochineniya : v 4-ch t. : per. s drevnegrech*. [Essays: In four volumes : translated from ancient Greek.]. General editorship by A. I. Dovatura. Moscow: Mysl', 1983. Vol. 4. 830 p. (In Russ.)

11. Gunst E. O. A. N. *Skryabin i ego tvorchestvo* [A. N. Scriabin and his work]. Moscow: Mysl', 1915. 88 p. (In Russ.)

12. Vyshnegradsky I. *The Pyramid of Life: Diary, articles, letters, memoirs. Russkoe muzy'kal'noe zarubezh'e v materialax i dokumentax* [The Pyramid of Life: Diary, articles, letters, memoirs]. Comp. and ed. by A. L. Bretanitsai; publ. by E. G. Poldyaev. Moscow: Izdatel'skij dom «Kompozitor», 2001. Book 2. 320 p. (In Russ.)

13. Scriabin A. N. *Poe'ma E'kstaza* [The Poem of Ecstasy]. Moscow: Vodolej Publishers, 2008. 128 p. (In Russ.)

14. Losev A. *Strast' k dialektike: Literaturny'e razmy'shleniya filosofa* [Passion for Dialectics: Literary Reflections of a philosopher]. Moscow: Sovetskij pisatel', 1990. 320 p. (In Russ.)

15. Lunacharsky A. V. About Scriabin: (Intro. the word at the concert on May 8, 1921). *Kul'tura teatra* [Theater Culture]. Moscow, 1921. No. 6. Pp. 7–11. (In Russ.)

16. Hanon Yu. «*Skryabin kak liczo*» [«Scriabin as a person»]. St. Petersburg: «Centr Srednej Muzyki» & «Liki Rossii», 1995. 680 p. (In Russ.)

17. Lobankova (Klyuchnikova) E. V. The image of Scriabin in modern Russian culture: from romantic to erotic madman. *Sajt FGBOU VO «Rossijskaya akademiya muzyki imeni Gnesinyh»* [Website of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Russian Gnessin Academy of Music”]. Available at: <https://gnesin-academy.ru/upload/iblock/ab8/m4byq8vra6i5aexrsns4dc2cngwnjjhk/LobankovaMF12.pdf> (accessed: 18.10.2024). (In Russ.)

18. Vanechkina I. L., Galeev B. M. «*Poe`ma ognya*»: *Koncepciya svetomuzy`kal`nogo sinteza A. N. Skryabina* [“Poem of Fire”: The concept of light and music synthesis by A. N. Scriabin]. Kazan: Izd-vo Kazanskoj gos. konservatorii, 2010. 352 p. (In Russ.)

19. Schweitzer A. *Iogann Sebast`yan Bax* [Johann Sebastian Bach]. Moscow: Klassika-XXI, 2011. 861 p.

20. Lobanova M. N. *Teosof — teurg — mistik — mag: Aleksandr Skryabin i ego vremya* [Theosophist — theurgist — mystic — magician: Alexander Scriabin and his time]. St. Petersburg: Petroglif, 2012. 468 p. (In Russ.)

21. Rubczova V. V. *Aleksandr Nikolaevich Skryabin* [Alexander Nikolaevich Scriabin]. Moscow: Muzy`ka, 1989. 447 p. (In Russ.)

22. Sabaneev L. L. Scryabin and the Phenomenon of Color Hearing in Connection with the Light Symphony “Prometheus”. *Problemy muzykal`noj nauki* [Music Scholarship]. 2023. No 2. Pp. 22–30. (In Russ.)

23. Wagner R. *Izbranny`e raboty` : per. s nem* [Favorite works : translated from German.]. Comp. and commentary by I. A. Barsova and S. A. Osherov; introductory article by A. F. Losev. Moscow: Iskusstvo, 1978. 695 p. (In Russ.)

24. Sabaneev L. L. *Vospominaniya o Skryabine* [Memories of Scriabin]. Moscow: Klassika-XXI, 2004. 392 p. (In Russ.)

25. Schletzer B. F. A. *Skryabin. Lichnost`. Misteriya*. [A. Scriabin. Personality. Mystery]. Berlin: Grani, 1923. Vol. 1. 356 p. (In Russ.)

26. Poldyaeva E. G. *Poslanie Nikolaya Obukhova: rekonstrukciya biografii* [The message of Nikolai Obukhov: reconstruction of biography]. Moscow: Russkij put`, 2008. 289 p. (In Russ.)

27. Davis Mary E. *E`rik Sati* [Erik Satie]. Moscow: Ad Marginem Press, 2017. 184 p. (In Russ.)

28. Satie E. *Zametki mlekopitayushhego: Proza. Pis`ma. Vospominaniya sovremennikov* [Notes of a mammal: Prose. Letters. Memoirs of contemporaries]. Translated by S. fr., comp., preface. and V. Kislov's comment St. Petersburg: Izdatel`stvo Ivana Limbaxa, 2015. 416 p. (In Russ.)

29. Cocteau J. *Portrety`-vospominaniya : e`sse* [Portraits-memoirs : Essays]. Translated from French by V. Kadyshv and N. Mavlevich; comp., preface. and V. Kadyshv's comment. Moscow: Izvestiya, 1985. 160 p. (In Russ.)

30. Honegger A. *O muzy`kal`nom iskusstve : per. s fr.* [About the musical art : translated from French]. Commentary by V. N. Alexandrova, V. I. Bykov. Leningrad: Muzy`ka, 1979. 264 p. (In Russ.)

31. Hanon Yu., Sati E. *Vospominaniya zadnim chislom* [Flashbacks in hindsight]. St. Petersburg: Centr srednej muzyki & Liki Rossii, 2010. 680 p. (In Russ.)

32. Selivanova A. D. "Socrates" by Eric Satie: Musique d'ameublement or repetition music? *Nauchnyj vestnik Moskovskoj konservatorii* [Scientific Bulletin of the Moscow Conservatory]. 2011. No 1. Pp. 152–174. (In Russ.)

33. Schoon A. *Die Ordnung der Künste vom Bauhaus zum Mountain College*. Bielefeld: Transcript Verlag, 2006. 217 s.

Сведения об авторе

Романов Никита Александрович, кандидат культурологии, преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна (Россия, 191186, Санкт-Петербург, ул. Большая Морская, 18)

Information about author

Romanov Nikita Aleksandrovich, Candidate of Cultural Studies, Lecturer, Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design (18, Bolshaya Morskaya street, Saint-Petersburg, 191186, Russia)

Статья поступила в редакцию / The article was submitted	21.10.2024
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing	29.12.2024
Принята к публикации / Accepted for publication	23.01.2025

Научная статья / Article

УДК 304.2

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2025-1-81>

Репрезентация региональной идентичности в городской монументальной живописи различных исторических периодов

Галина Алексеевна Шушарина

Комсомольский-на-Амуре государственный университет,

Комсомольск-на-Амуре, Россия,

Galinalmk@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5741-1914>

Аннотация. Цель исследования — вычлнить и описать магистральные образы, мотивы, сюжеты, относящиеся к региональной идентичности дальневосточного города, репрезентированные в его монументальной жи-

вописи. Теоретико-методологическая база исследования представлена конструктивистским подходом, а также современными отечественными и зарубежными концепциями идентичности. Кроме того, в качестве основного задействован культурологический подход. Тезаурус методов, применяемых для исследования представленной в статье проблемы, составили общенаучные методы, а также историко-сравнительный, структурно-функциональный и герменевтический методы. Материалом исследования послужили примеры монументальной живописи дальневосточного города, созданные в различные исторические периоды. Комсомольск-на-Амуре был построен в 30-е годы прошлого столетия как символ новой страны, его региональная идентичность изменялась с течением времени. Научная новизна исследования заключается в том, что, во-первых, проблематизирована региональная идентичность дальневосточного города, которая исследована недостаточно, во-вторых, региональная идентичность Комсомольска-на-Амуре впервые актуализируется в контексте анализа экспонентов монументальной живописи.

В результате исследования установлены содержательные аспекты символизации региональной значимости и определены основные составляющие конструкта региональной идентичности в городском пространстве. В истории города можно выделить несколько хронотопов, в рамках которых происходило конструирование региональной идентичности, а именно советский хронотоп и хронотоп современности. Каждый из указанных хронотопов отражен в образцах городской монументальной живописи. Анализ эмпирического материала показал, что магистральными сюжетами панно в Комсомольске-на-Амуре в советском хронотопе являются труд, знания, подвиги и свершения, спортивные и научные достижения, в хронотопе современности — природно-ландшафтная уникальность региона и промышленная мощь города. В разные исторические периоды научно-технические успехи и природная уникальность являются одними из значимых составляющих дальневосточной региональной идентичности. Исследование выявило также следующие составляющие конструкта региональной идентичности в советском хронотопе: единство поколений и людей разных профессий в достижении целей государства, историческая память. В отличие от советского хронотопа в хронотопе современности монументальная живопись города политически не маркирована.

Ключевые слова: *идентичность, региональная идентичность, культура, монументальная живопись, городской текст, Дальний Восток, Комсомольск-на-Амуре, хронотоп, стрит-арт, идеологема*

Для цитирования: Шушарина Г. А. Репрезентация региональной идентичности в городской монументальной живописи различных исторических периодов // Человек. Культура. Образование. 2025. № 1. С. 81–101. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2025-1-81>

Representation of Regional Identity in Urban Monumental Painting of Different Historical Periods

Galina A. Shusharina

Komsomolsk-na-Amure state university, Komsomolsk-on-Amur, Russia,
Galinalmk@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5741-1914>

Abstract. *The aim of the study is to identify and describe the main images, motifs and plots related to the regional identity of the Far Eastern city, represented in its monumental and decorative appearance. The theoretical and methodological basis of the study is represented by the constructivist approach, as well as modern domestic and foreign concepts of identity. In addition, the cultural approach is involved as the main approach. The thesaurus of methods used for the research of the problem posed in the article was composed of general scientific methods, as well as historical-comparative, structural-functional and hermeneutical methods. Examples of monumental painting of the Far Eastern city, created in different historical periods, served as the material of the research. Komsomolsk-on-Amur was built in the 1930s as a symbol of a new country, its regional identity changed over time. The scientific novelty of the study lies in the fact that, firstly, the regional identity of the Far Eastern city, which has been insufficiently researched, is problematized; secondly, for the first time, the regional identity of Komsomolsk-on-Amur is actualized in the context of the analysis of monumental painting exhibitors.*

As a result of the study, the substantive aspects of the symbolization of regional significance are established and the main components of the construct of regional identity in the urban space are identified. In the history of the city we can distinguish several chronotopes within which the construction of regional identity took place, namely the Soviet chronotope and the chronotope of modernity. Each of these chronotopes is reflected in the samples of urban monumental painting. The analysis of empirical material has shown that the main subjects of panels in Komsomolsk-on-Amur in the Soviet chronotope are labor, knowledge, feats and achievements, sports and scientific achievements, in the chronotope of modernity — natural and landscape uniqueness of the region and industrial power of the city. In different historical periods, scientific and technological achievements and natural uniqueness are among the significant components of the Far Eastern regional identity. The study also revealed the following components of the construct of regional identity in the Soviet chronotope: unity of generations and people of different professions in achieving the goals of the state; historical memory. Unlike the Soviet chronotope, in the chronotope of modernity the monumental painting of the city is not politically labeled.

Keywords: *identity, regional identity, culture, monumental and decorative painting, urban text, Far East, Komsomolsk-on-Amur, chronotope, street art, ideologeme*

For citation: Shusharina G. A. Representation of Regional Identity in Urban Monumental Painting of Different Historical Periods. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education*, 2025; 1: 81–101. (In Russ.) <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2025-1-81>

Введение. Актуальность исследований идентичности обусловлена объективной реальностью, в которой в настоящее время фиксируются тектонические изменения, связанные с одновременно наблюдаемыми интегративными и дезинтеграционными тенденциями в мире. Происходящие события в мире показывают зависимость указанных тенденций от социокультурного контекста. Цель настоящего исследования состоит в том, чтобы вычлениить и описать магистральные образы, мотивы, сюжеты, относящиеся к региональной идентичности дальневосточного города, репрезентированные в его монументальной живописи.

Теоретико-методологическая база исследования представлена конструктивистским подходом, а также современными отечественными и зарубежными концепциями идентичности. В качестве ведущего методологического подхода к исследованию выбран культурологический подход, в рамках которого изучается эволюция региональной идентичности через систему идеологем и образа жизни определённого исторического периода.

В статье используются общенаучные методы, а именно методы сравнения, анализа, синтеза. Историко-сравнительный и структурно-функциональный методы способствовали более глубокому анализу поставленной в статье проблемы. Кроме того, нами задействован герменевтический метод, поскольку городская монументальная живопись, транслирующая региональную идентичность, может трактоваться как культурный текст.

Материалом исследования послужили примеры монументальной живописи дальневосточного города, созданные в различные исторические периоды.

Научная новизна исследования заключается в том, что, во-первых, проблематизирована региональная идентичность дальневосточного города, которая, в отличие от городов Центральной России и Сибири, исследована недостаточно, во-вторых, впервые региональная идентичность Комсомольска-на-Амуре актуализируется в контексте анализа экспонентов монументальной живописи.

Теоретическая база исследования. Понятие «региональная идентичность» имеет длительную традицию изучения в оте-

чественном и зарубежном социально-гуманитарном знании. Большинство ученых согласны, что географическая среда обитания человека, место, в котором он родился, и место, где он длительное время проживает, оказывает значительное влияние на культурное пространство и связанную с ним ментальность [1, с. 22–33, 24], а также на процесс присвоения определённой идентичности [2].

В современной зарубежной науке можно выделить жесткие и мягкие концепции идентичности. Жесткие концепции идентичности базируются на неизменном наборе качеств и свойств, задающиеся «естественным образом» и объединяющие людей в регион. Мягкие концепции идентичности сложились в рамках конструктивистского подхода к ее интерпретации, предполагающего изменчивый и динамический характер идентичности [3, с. 90–103].

В настоящей статье объектом исследования является региональная идентичность, под которой понимается динамический конструкт, включающий в себя знания об особенностях географического расположения региона, его природно-климатической специфике, региональной истории, политике и культуре, а также «переживаемые и осознаваемые людьми ценности определенной системы локальной общности» [4]. Кроме того, в региональную идентичность входят представления жителей региона, не связанные с точными знаниями о нем, но формирующие чувство любви к малой родине.

Исследователи выделяют несколько свойств региональной идентичности, среди которых наиболее значимыми для настоящего исследования являются следующие:

1. Идентичность может как генерироваться самой общностью, так и приписываться общности извне [5, с. 233].

2. Постоянное обновление региональной идентичности в силу актуализации знаний, непосредственно связанных с конструктом идентичности, у социума [6]. Будучи конструктом, региональная идентичность подвержена изменениям, которые способны упрочить ее, найти новые смыслы, обогащающие ее содержание.

3. Региональная идентичность часто носит скрытый характер, предполагающий её извлечение с помощью различных исследовательских методик [7, с. 39, 43], одной из которых является исследование источников самого широкого спектра.

Результаты и обсуждение. На наш взгляд, одним из ярких примеров формирования идентичности является кейс Комсомольска-на-Амуре. Город был построен в 30-е годы прошлого столетия как символ новой страны, в котором было бы сосредоточено все самое

передовое, технологически инновационное и прогрессивное. На месте непроходимой тайги должен был вырасти новый город, население которого высоконравственно, патриотично, готово к доблестному труду и самопожертвованию для преобразования страны в социалистическое государство будущего. Дальний Восток называли «чудесным», «загадочным», «необыкновенным» краем [8, с. 3].

Город Комсомольск-на-Амуре, созданный вопреки природе и находящийся в постоянной борьбе стихии и культуры, можно считать победой разума и человеческих возможностей над стихией [9]. Такого рода представления, как правило, формировались средствами массовой информации сознательно [10]. Город юности, Город на заре постепенно и уверенно приобрел номинации промышленной столицы Дальнего Востока, форпоста России на ее дальневосточных рубежах. Идеологема нового города нуждалась в формальном подкреплении — в формировании региональной идентичности в социокультурном пространстве города, закреплённом понятием «хронотоп». В данной статье вслед за М. М. Бахтиным мы понимаем под хронотопом существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений, которая обязательно включает ценностный аспект и выполняет смыслопродуцирующую функцию [11].

В истории города можно выделить несколько хронотопов, в рамках которых происходило конструирование региональной идентичности, а именно советский хронотоп и хронотоп современности. Каждый из указанных хронотопов отражен в образцах городской монументальной живописи. Как справедливо отметила Н. Ю. Костюрина, Комсомольск не противостоит времени, а воплощает его [9].

Проблема региональной идентичности актуализируется в исследованиях городской среды, одной из составляющей которой является городской текст. Понятие городского текста берет свое начало от исследований литературных образов Петербурга П. Анциферовым. С тех пор количество исследований, посвященных городу и его текстам, только растет, что объясняется концентрацией в городе всех аспектов человеческой деятельности. При этом важно отметить постепенное смещение научного интереса от исследований столичных городских текстов к провинциальным. В настоящем исследовании понятие городского текста трактуется в логике представителей тартуско-московской семиотической школы, то есть как «семантически организованная последовательность знаков» [12], в число которых входят городские историко-культурные, ландшафтные, топографические и другие реалии. На этом основа-

нии выделим экспоненты монументальной живописи города в элемент городского текста.

Необходимость изучения предметно-пространственной организации городской среды, частью которой является монументальная живопись, объясняется ее влиянием на формирование социума, его ценностной системы, установок и норм. Искусство через систему художественных образов не только выражало современные смыслы народного мировоззрения, но и сохраняло и передавало духовные ценности будущим поколениям, «одновременно выступая как объект культуры знаковой природы и как своеобразный текст художественной культуры и искусства, воплотивший в себе основные смыслы культуры» [13].

Кроме практической цели, городские мозаичные панно выполняли агитационную и идеологическую функцию, играя роль своеобразного политического плаката, отражающего политические, экономические и социальные особенности той эпохи, в которую он создавался [14]. Кроме функций городские панно и плакат объединяет массовость адресата, а также доступность изображаемой информации для декодирования и однозначного понимания, ее лаконичность и использование различных стратегий для получения эмоционального отклика у аудитории, что достигается за счет визуального канала.

Монументальная живопись советского хронотопа

Отличительной чертой этого периода в формировании городского облика является использование мозаики на фасадах жилых домов, образовательных и культурных учреждений, административных зданий. Большая часть из них выполнена в классической технике смальтовой мозаики — цветного непрозрачного стекла с добавлением оксидов металлов. Кроме смальты художники использовали другие материалы и техники. Расцвет мозаичного советского искусства пришёлся на 60–70-е годы прошлого века. Прежде всего необходимо упомянуть практическое значение подобных изображений. Исследователи считают, что декор, который крепился к стенам специальным раствором, не только делал дома привлекательнее, но и обеспечивал дополнительное утепление. Помимо этого, отпадала необходимость в частых ремонтах стен. Смальтовая стеклянная мозаика — долговечное покрытие, что подтверждается современным удовлетворительным состоянием панно, несмотря на то что многие панно созданы в середине прошлого столетия.

Комсомольские художники стали первыми в Хабаровском крае, создавшими монументальные произведения на фасадах и тор-

цах различных городских зданий. Е. В. Короленко, А.В. Машенко, Н. Н. Муравлёв, А. И. Абросимов, Г. С. Ли Гирсу, Н. С. Ивлева, В. П. Лановенко, В. Л. Шкраба украсили гостиницы, речной вокзал, кинотеатр, аэропорт, дома культуры. Их работы отличались проблемностью, фокусированием внимания на главных жизненных ценностях периода советской истории в жизни города и страны, применением крупных экспрессивных, символических форм.

Советский хронотоп создавался образцами смальтовой мозаики, посвящённой различной тематике, где особое внимание уделялось отражению роли советских политических организаций в достижении поставленных государством целей. На фасаде городского Дома молодежи присутствует изготовленное из смальты в 1967 году мозаичное панно «Слава комсомолу» художника З. С. Дарбиняна, посвященное истории комсомола — Всесоюзного Ленинского коммунистического союза молодёжи, проводника политики и идеологии Коммунистической партии Советского Союза в молодёжной среде (рис. 1). По призыву этой организации в 30-годы XX века в далеком таежном крае на берегу Амура высадились первые строители города — представители комсомольской организации из разных республик, городов и сел Советского Союза.

Рис. 1. Мозаичное панно «Слава комсомолу», г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Мира, 2¹

¹ Источник фотографии: официальный сайт органов местного самоуправления. URL: <https://www.kmscity.ru/activity/sectors/culture/heritage/memorial/43180/> (дата обращения: 04.07.2024).

На административных зданиях городских заводов художники изображали в смальте сплоченные ряды жителей города, вставших под красные знамена для охраны рубежей Родины, а также для героического труда на фабриках и заводах молодого города (см. рис. 2).

**Рис. 2. Мозаичное панно на здании
ПАО «Амурский судостроительный завод»,
г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Аллея Труда, 1¹**

В советский период истории России идентичность комсомольчан формировалась в контексте города-труженика, города трудовых подвигов и свершений. Волевые образы рабочих на панно являются свидетельством знаменитых всесоюзных строек XX века, символом уважения к человеку труда (см. рис. 3).

Авторы визуализируют указанную идею с помощью изображения рабочих — мужчин и женщин с орудиями труда, а также целых поколений на фоне возведенных ими фабрик и заводов. Индустриальная атрибутика, орудия труда стали эмблемами первого рабочего государства и Комсомольска-на-Амуре как одного из символов страны в XX столетии. В таких произведениях наблюдается уход от следования конкретному жанру искусства, например портрет-

¹ Источник фотографии: новостной портал Комсомольска-на-Амуре и Хабаровска DVhab.ru. URL: <https://www.dvnovosti.ru/khab/2023/04/14/154346/> (дата обращения: 08.08.2024).

Рис. 3. Панно на зданиях жилых домов, г. Комсомольск-на-Амуре, Магистральное шоссе, 29/4 и 17/1

ному или пейзажу. Смешение жанров делает картину многоплановой, схожей с рассказом о трудовых буднях жителей города разных поколений. Метафоричность изобразительного плана плаката имеет высокий воздействующий потенциал, поскольку на рис. 4 можно фиксировать одновременно несколько смысловых пластов, а именно возведение города в труднодоступном месте, окруженном тайгой. Кроме того, присутствие на панно представителей различных профессий, разных возрастов, в том числе детей, указывает на богатый научно-производственный потенциал города, его пер-

¹ Источник фотографии: новостной портал Комсомольска-на-Амуре и Хабаровска DVhab.ru. URL: <https://www.komsomolsk.dvhab.ru> (дата обращения: 04.08.2024).

спективы, а также поддерживает его имидж как Город юности. Образ железной дороги на панно — символ устремления в прогрессивное будущее страны. Фабрики и заводы на заднем плане выражают успех социалистического государства в настоящем. Подобные образы, представленные на рис. 4, апеллируют к эмоциональной сфере получателя информации.

Помимо указанного, в качестве смыслообразующего элемента панно выступает цветовой код. На анализируемом рисунке представлены два цвета — синий и зеленый. Оба цвета передают связь с природой и ее позитивными образами. Синий цвет, как цвет неба и моря, символизирует высоту и глубину, метафорически отражая высоту идей и стремлений жителей города и страны, глубину достигнутых результатов. Зеленый цвет олицетворяет природу. С данным цветом связаны такие ассоциации, как победа весны над зимой, «надежда, возрождение, преданность, мир, стабильность и др.» [15, с. 110]. Проецируя эти символы на город, можем утверждать, что зеленый цвет на панно — это цвет жизни и молодости, радостного и счастливого будущего города.

Исследователи отмечали, что в СССР мобилизационная модель развития общества породила особую модель научной популяризации, в основе которой лежала идея тотального просвещения [16, с. 112], формирующая у населения страны стремление к освоению новых знаний, осознанию значимой роли науки как источника прогресса и благополучия. Комсомольск-на-Амуре являлся моделью нового города, в котором [9] формировался человек грамотный и

Рис. 4. Панно на здании жилого дома, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Дикопольцева, 32/2¹

¹ Источник фотографии: там же. URL: <https://www.dvnovosti.ru/khab/2023/04/14/154346/> (дата обращения: 08.08.2024)

начитанный, развитый в культурном плане, ориентированный на позитивное отношение к научно-техническому развитию [17]. Поэтому тема *знания* присутствует на городских панно.

Так, на фасаде одного из учебных корпусов Комсомольского-на-Амуре государственного университета размещена мозаика «Наука» авторов А. А. Карих, А. С. Орехова, центральным образом которой является изображенная в синих и охристо-жёлтых цветах женщина Наука (рис. 5). В одной руке она держит колосок, символизирующий благополучие, в другой — луч света как символ новой жизни. Предметы слева и справа от центрального образа также выполняют символическую функцию. Машиностроительные конструкции в левой части панно подчеркивают значимость и ведущую роль техники в современном мире, вертикальные линии дерева, напоминающего каркас башенного крана, символизируют стремление к новым вершинам. Мощные руки и ноги женщины Науки напоминают стиль социального реализма, в котором художники преумножали образ тяжёлых бытовых условий [18].

Рис. 5. Мозаика «Наука» на здании Комсомольского-на-Амуре государственного университета, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Ленина, 27¹

Металлическое панно на тему знания присутствует в городе также на здании городской библиотеки. Центральным образом

¹ Источник фотографии: сайт Комсомольского-на-Амуре государственного университета. URL: <https://www.knastu.ru> (дата обращения: 04.08.2024).

данного панно является, как и в ранее описанной композиции, женщина с открытой книгой, что символизирует важность получения знаний. Окружение женщины составляют прямоугольные доски, иллюстрирующие сюжеты, связанные с процессом постижения знаний. Все элементы панно объединяет лента с надписью: «Книга — источник знаний». Панно было установлено в 1973 году. Одними из авторов композиции являются А. А. Карих, А. С. Орехов (рис. 6).

**Рис. 6. Панно «Книга — источник знаний»
на фасаде Городской централизованной библиотеки
им. Н. Островского, г. Комсомольск-на-Амуре,
ул. Сидоренко, 1/2¹**

Большое внимание советское государство уделяло пропаганде спорта и развитию физической культуры, что также отражено в декоративном облике города (рис. 7). Для строительства новой страны нужны были крепкие и здоровые рабочие, крестьяне, солдаты, поэтому к спорту государственная система приучала граждан с самых малых лет.

Таким образом, магистральными сюжетами панно в Комсомольске-на-Амуре в советском хронотопе выявлены труд, знания, подвиги и свершения, спортивные и научные достижения, единство жителей, историческая память.

¹ Источник фотографии: сайт Городской централизованной библиотеки им. Н. Островского. URL: <https://www.kmslib.ru> (дата обращения: 04.08.2024).

Рис. 7. Панно на здании Дворца культуры судостроителей,
г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Аллея Труда, 22¹

Монуменральная живопись хронотопа современности

В настоящее время монументальная живопись на улицах города представлена в форме экспонентов стрит-арта. Ученые утверждают, что основной особенностью современного городского уличного искусства является воплощение определённой идеи социального, философского, политического, экологического характера, привлекающей внимание жителей, при этом уровень мастерства художника, его стиль не представляются значимыми.

Уличное искусство представляет собой культурный замысел и одновременно продукт культуры, воплощающийся в определенном социокультурном пространстве-времени и постоянно производимый и воспроизводимый в социальных практиках людей [19, с. 4]. Образы, запечатленные в городском пространстве, так или иначе подразумевают социально-коммуникативный характер их восприятия, в том числе и через воспоминания, которые может вызвать изображенный объект [20].

¹ Источник фотографии: официальный сайт органов местного самоуправления. URL: <https://www.kmscity.ru> (дата обращения: 04.08.2024).

В Комсомольске-на-Амуре стрит-арт привлечен для формирования чувства сопричастности региону, осознанию его уникальности. Современный облик города не отличается массовым присутствием экспонентов монументальной живописи. Их количество ограничено. В отличие от советского хронотопа в хронотопе современности монументальная живопись политически не маркирована и содержит образы, отражающие прежде всего природную уникальность региона. Так, на рис. 8 изображен символ дальневосточной фауны — амурский тигр, самый большой и сильный хищник, обитающий в лесах Хабаровского края. Автором панно выступил художник Дмитрий Комолов.

Рис. 8. Панно на здании жилого дома, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Сидоренко, 1¹

В Комсомольске-на-Амуре реализуется проект «Таежные рисунки» команды «Планета Тайга», в рамках которого волонтеры и художники-добровольцы разрисовывают шкафы с телефонным оборудованием на центральных улицах видами природных достопримечательностей. Основной тематикой проекта является дальневосточная тайга, представляющая ценность края. Автором изображения на рис. 9 выступил Сергей Подласов.

¹ Источник фотографии: новостной портал Dvnovosti. URL: <https://www.dvnovosti.ru/komsomolsk/2017/06/02/67294/> (дата обращения: 04.08.2024).

Рис. 9. Шкаф с телефонным оборудованием на центральных улицах, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 48¹

В культурной политике руководства страны, края и города укрепляется идеологема: Комсомольск-на-Амуре — промышленная столица региона, связанная с тем, что в городе функционируют современные заводы, производящие продукцию для оборонно-промышленного комплекса Российской Федерации. На фасадах жилых домов города Д. Кололовым изображены произведённые в городе корветы и самолеты (рис. 10):

Таким образом, магистральными сюжетами панно в Комсомольске-на-Амуре в хронотопе современности являются природно-ландшафтная уникальность региона и промышленная мощь города.

Выводы. Вопросы о том, в чем заключается дальневосточная региональная идентичность, каким образом городская монументальная живопись ее выражает, остаются недостаточно изученными в социогуманитарном знании, что делает данное исследование актуальным и определяет его новизну.

Анализ эмпирического материала показал, что магистральными сюжетами панно в Комсомольске-на-Амуре в советском хронотопе являются труд, знания, подвиги и свершения, спортивные и научные достижения, в хронотопе современности — природно-ландшафтная уникальность региона и промышленная мощь горо-

¹ Источник фотографии: РамблерНовости. URL: https://news.rambler.ru/other/42783023/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 04.08.2024).

Рис. 10. Панно на зданиях жилых домов, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Бульвар Юности, 16 и ул. Гагарина, 2/2

да. В разные исторические периоды научно-технические достижения являются одними из значимых составляющих дальневосточной региональной идентичности. Кроме того, в уличном искусстве разных хронотопов культивируется та сторона региональной идентичности, которая соотносится с природно-ландшафтными компонентами региона, но различно интерпретируемыми. В советский период истории города природа является маркером трудностей, с которыми столкнулись первостроители города, вынужденные возводить заводы и фабрики в непроходимой тайге. В совре-

¹ Источник фотографий: новостной портал Dvnovosti. URL: <https://www.dvnovosti.ru/komsomolsk/> (дата обращения: 04.08.2024).

менном городском пространстве тайга и ее фауна маркируются как характеристика аутентичности и уникальности региона. Исследование позволяет установить также следующие составляющие конструкта региональной идентичности в советском хронотопе: единство поколений, единство города и страны, единение людей разных профессий для достижения целей государства; историческая память через подчеркивание городских трудовых свершений и героических подвигов в драматические исторические периоды города и страны. В отличие от советского хронотопа в хронотопе современности монументальная живопись города политически не маркирована.

Список источников

1. Губанов Н. И., Губанов Н. Н. Менталитет: сущность и функционирование в обществе // Вопросы философии. 2013. № 2. С. 22–33.
2. Aslam W., Wehner L., Koga K., van der Westhuizen J., Thies C.G., de Sá Guimarães F. Misplaced states and the politics of regional identity: towards a theoretical framework // Cambridge Review of International Affairs. 2020. Pp. 505–526. DOI: 10.1080/09557571.2020.1723061.
3. Лубский А. В., Лубский Р. А. Этатизм и патернализм как культурные маркеры цивилизационной идентичности в России // Гуманитарий Юга России. 2013. № 3. С. 90–103.
4. Еремина Е. В. Понятие региональной идентичности и специфика ее формирования в современной России // Социально-гуманитарные знания. 2012. № 5. С. 276–287.
5. Эрдынеев Б. Ю. Имидж региона в системе региональной идентичности // Вестник ТОГУ. 2012. № 1 (24). С. 231–236.
6. Legro J. W. The transformation of policy ideas // American Journal of Political Science. 2000. No 44 (3). Pp. 419–432.
7. Смирнягин Л. В. О региональной идентичности // Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран. 2007. Вып. 17. С. 21–49.
8. Стесин А. С. Завтра исполняется 7 лет г. Комсомольску. Чудесный город на Амуре // Комсомольская правда. 1939. 11 июня. С. 3.
9. Костюрина Н. Ю. Новый город как модель советской культуры (на материале г. Комсомольска-на-Амуре 1930-1950-х гг.). Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2005. 189 с.
10. Савенкова В. Н. Социокультурный анализ «городских текстов» г. Комсомольска-на-Амуре // Русский язык и литература в мультикультурном пространстве: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Комсомольск-на-Амуре, 30–31 марта 2017 г.). Комсомольск-на-Амуре, 2017. Ч. 2. С. 83–89.

11. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики: исследования разных лет. М., 1975. 502 с.
12. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970. 383 с.
13. Лапшина Н. В. Социально-философские основы мозаики как семиотического элемента культуры : дис. ... канд. филос. наук. М., 2004. 167 с.
14. Павлина С. Ю. Политический плакат как поликодовый текст // Политическая лингвистика. 2019. № 2 (74). С. 100–106. DOI 10.26170/pl19-02-11.
15. Гвоздарев Ю. А. Рассказы о русской фразеологии. М.: Просвещение, 1988. 192 с.
16. Пинаева Д. А. Пропаганда или просвещение: некоторые аспекты историко-политического анализа советской системы распространения знаний (на примере деятельности Всесоюзного общества «Знание») // Социальные коммуникации и эволюция обществ : матер. V Междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск: Новосибирский гос. техн. ун-т, 2016. С. 106–114.
17. Рагозин С. А. НОМО SOVETICUS в условиях трансформации современного российского общества // Современное общество: вопросы теории, методологии, методы социальных исследований. 2015. Т. 1. С. 226–240.
18. Сохацкая Д. Г. Символический код как компонент дизайн-кода культурного пространства города Комсомольска-на-Амуре // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2020. № 8 (48). С. 52–57.
19. Паламарчук М. Л. Город как социокультурный феномен : автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. Архангельск, 2009. 21 с.
20. Швиндт У. С. Стрит-арт: подходы к изучению феномена в социальных и гуманитарных науках // Журнал социологии и социальной антропологии. 2020. № 23 (1). С. 125–158. doi.org/10.31119/jssa.2020.23.1.5.

References

1. Gubanov N. I., Gubanov, N. N. Mentality: essence and functioning in society. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy]. 2013. No 2. Pp. 22–33. (In Russ.)
2. Aslam, W., Wehner, L., Koga, K., van der Westhuizen, J., Thies, C. G., de Sá Guimarães, F. Misplaced states and the politics of regional identity: towards a theoretical framework. *Cambridge Review of International Affairs*. 2020. Pp. 505–526. DOI: 10.1080/09557571.2020.1723061.
3. Lubsy A. V., Lubsy R. A. Etatism and paternalism as cultural markers of civilizational identity in Russia. *Gumanitarij Yuga Rossii* [Humanitarian of the South of Russia]. 2013. No 3. Pp. 90–103. (In Russ.)
4. Eremina E. V. The concept of regional identity and the specifics of its formation in modern Russia. *Social'no-gumanitarnye znaniya* [Socio-humanitarian knowledge]. 2012. No 5. Pp. 276–287. (In Russ.)

5. Erdyneev B. Yu. Image of the region in the system of regional identity. *Vestnik TOGU* [Bulletin of PNU]. 2012. No 1 (24). Pp. 231–236. (In Russ.)

6. Legro J. W. The transformation of policy ideas. *American Journal of Political Science*. 2000. No 44 (3). Pp. 419–432.

7. Smirnyagin L. V. About regional identity. *Voprosy ekonomicheskoy i politicheskoy geografii zarubezhnyh stran*. [Issues of economic and political geography of foreign countries]. 2007. No 17. Pp. 21–49. (In Russ.)

8. Stesin A. C. Tomorrow is the 7th anniversary of Komsomolsk. Wonderful city on the Amur. *Komsomol'skaya pravda* [Komsomolskaya Pravda]. 1939. June 11. P. 3. (In Russ.)

9. Kostyurina N. Y. *Novyj gorod kak model' sovetskoj kul'tury (na materiale g. Komsomol'ska-na-Amure 1930–1950-h gg.)* [New city as a model of Soviet culture (on the material of Komsomolsk-on-Amur 1930–1950s)]. Vladivostok: Izd. v. Dalnevost. un-ta, 2005. 189 p. (In Russ.)

10. Savenkova V. N. Sociocultural analysis of «urban texts» of Komsomolsk-on-Amur. *Russkij yazyk i literatura v mul'tikul'turnom prostranstve : materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. (Komsomol'sk-na-Amure, 30–31 marta 2017 g.)*. [Russian language and literature in multicultural space : proceedings of the All-Russian scientific and practical conference (Komsomolsk-on-Amur, March 30–31, 2017)]. Komsomolsk-on-Amur, 2017. Part 2. Pp. 83–89. (In Russ.)

11. Bakhtin M. M. *Voprosy literatury i estetiki: issledovaniya raznyh let* [Questions of Literature and Aesthetics: Studies of different years]. Moscow, 1975. 502 p. (In Russ.)

12. Lotman Yu. M. *Struktura hudozhestvennogo teksta* [The structure of the artistic text]. Moscow: Art. 1970. 383 p. (In Russ.)

13. Lapshina N. V. *Social'no-filosofskie osnovy mozaiki kak semioticheskogo elementa kul'tury : dissertaciya ... kand. filos. nauk* [Socio-philosophical foundations of mosaic as a semiotic element of culture : dissertation ... candidate of philosophical sciences]. Moscow, 2004. 167p. (In Russ.)

14. Pavlina S. Yu. Political poster as a polycode text. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics]. 2019. No 2 (74). Pp. 100–106. doi: 10.26170/pl19-02-11. (In Russ.)

15. Gvozdev Y. A. *Rasskazy o russkoj frazeologii* [Stories about Russian phraseology]. Moscow: Prosveshchenie, 1988. 192 p. (In Russ.)

16. Pinaeva D. A. Propaganda or enlightenment: some aspects of the historical and political analysis of the Soviet system of knowledge dissemination (on the example of the All-Union society «Znanie»). *Social'nye kommunikacii i evolyuciya obshchestv : mater. V Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Social communications and evolution of societies : proceedings of V International scientific and practical conference]. Novosibirsk : Novosibirsk State Technical University, 2016. Pp. 106–114. (In Russ.)

17. Ragozin S. A. HOMO SOVETICUS in the transformation of modern Russian society. *Sovremennoe obshchestvo: voprosy teorii, metodologii, metody*

social'nyh issledovanij [Modern Society: issues of theory, methodology, methods of social research]. 2015. No 1. Pp. 226–240. (In Russ.)

18. Sokhatskaya D. G. Symbolic code as a component of the design code of the cultural space of the city of Komsomolsk-on-Amur. *Uchenye zapiski Komsomol'skogo-na-Amure gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [Scientific Notes of Komsomolsk-na-Amure State Technical University]. 2020. No 8 (48). Pp. 52–57. (In Russ.)

19. Palamarchuk M. L. *Gorod kak sociokul'turnyj fenomen : avtoref. dis. ... kand. philos. nauk: 09.00.11* [The city as a sociocultural phenomenon : author. dis. ... Candidate of Philosophy Sciences: 09.00.11]. Arkhangelsk, 2009. 21 p. (In Russ.)

20. Shvindt U. S. Street art: approaches to the study of the phenomenon in the social and humanities. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology]. 2020. No 23 (1). Pp. 125–158. doi.org/10.31119/jssa.2020.23.1.5. (In Russ.)

Сведения об авторе

Шушарина Галина Алексеевна, канд. филол. наук, доцент, Комсомольский-на-Амуре государственный университет (681013, Россия, Комсомольск-на-Амуре, ул. Ленина, 27)

Information about the author

Galina A. Shusharina, Canditate of Philology, Associate professor, Komsomolsk-na-Amure State University (27, St. Lenin, Komsomolsk-on-Amur, 681013, Russia)

Статья поступила в редакцию / The article was submitted	21.10.2024
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing	10.01.2025
Принята к публикации / Accepted for publication	10.01.2025

ФИЛОСОФИЯ РЕЛИГИИ И РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ

Научная статья / Article

УДК 281.93

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2025-1-102>

Обновленческий раскол в Коми крае в 1920-е гг. (по материалам архивных источников)

Гурленова Людмила Викторовна¹, Орман Ксения Игоревна²,

¹Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина,
Сыктывкар, Россия

²независимый исследователь

¹ORCID: 0000-0003-1216-7644, GurlenovaLV@syktsu.ru

²xeniajob@yandex.ru

Аннотация. Обновленческий раскол 1920-х годов был общероссийским движением, но на территориях страны проявился в разной степени активности. История его формирования и развития в Коми крае имела свои особенности, к которым относятся нежелание большинства мирян включаться в церковный конфликт, их приверженность традиционным формам жизни, пассивность реакции на раскол самого духовенства, сохраняющийся авторитет церкви. В таких условиях обновленцы, даже при содействии им местной власти, не смогли найти успешной тактики для своего утверждения. К исследованию привлечен массив документов, выявленных в Национальном архиве Республики Коми (171 единица), относящихся к религиозной политике местных органов власти. Подавляющее большинство до-

кументов на данный момент не публиковалось. В настоящей статье приводятся 18 из них, напрямую касающихся темы обновленческого движения.

Целью исследования является изучение политики местных органов власти в отношении религии на материале архивных документов. Материал исследования – документы, представляющие историю обновленческого раскола на территории Коми края: постановления различных органов власти, информационные сводки обкома РКП(б), ОГПУ, других органов, выписки из протоколов заседаний, информационные письма, докладные записки и др.

Методы, использовавшиеся при написании работы: сравнительно-исторический, системный.

Архивные документы свидетельствуют, что обновленческое движение в Коми крае в 1920-е годы прожило более короткую и менее активную жизнь, чем в ряде других регионов. Обновленческий раскол обозначился в конце 1923 года, смог временно укрепиться благодаря поддержке представителей местной власти, тем не менее к 1928 году произошло значительное его ослабление. Временем существования обновленчества в Коми крае можно назвать период с 1923 по конец 1920-х годов.

Ключевые слова: церковный раскол, движение обновленчества, русская православная церковь в Коми крае

Для цитирования Гурленова Л. В., Орман К. И. Обновленческий раскол в Коми крае в 1920-е гг. (по материалам архивных источников) // Человек. Культура. Образование. 2025. № 1. С. 102–115. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2025-1-102>

The Renovatoinist Schism in the Komi Region in the 1920s. (based on archival sources)

Ludmila V. Gurlenova¹, Xenia I. Orman²

¹Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar, Russia

²Independent researcher

¹ORCID: 0000-0003-1216-7644, GurlenovaLV@syktsu.ru

²xeniajoob@yandex.ru

Abstract. *The Renovatoinist schism of the 1920s was an all-Russian movement, but it manifested itself in varying degrees of activity across the country. The history of its formation and development in the Komi region had its own characteristics, which include the reluctance of most laymen to join the church conflict, their commitment to traditional forms of life, the passivity of the clergy's own reaction to the schism, and the continuing authority of the church. In such conditions, the Renovatoinists, even with the assistance of local authorities, were unable to find a successful tactic for their assertion. The study involved an array of documents found in the National Archives of the Komi Republic (171 units) related to the reli-*

gious policy of local authorities. The overwhelming majority of documents have not been published to date. This article presents 18 of them, directly related to the topic of the Renovationist movement.

The purpose of the study is to study the policy of local authorities in relation to religion based on the material of archival documents. The material of the research is the documents presenting the history of the renovationist schism in the Komi region: resolutions of various authorities, information summaries of the regional committee of the Russian Communist Party (Bolsheviks), the OGPU, other bodies, extracts from the minutes of meetings, information letters, memoranda, etc.

Methods used in writing the work: comparative-historical, system method.

Archival documents show that the Renovationist movement in the Komi region in the 1920s lived a shorter and less active life than in a number of other regions. The Renovationist schism emerged at the end of 1923 and was able to temporarily strengthen thanks to the support of local government representatives; however, by 1928 it had weakened significantly. The period from 1923 to the end of the 1920s can be called the time of existence of Renovationism in the Komi region.

Keywords: church schism, renovationist movement, Russian Orthodox Church in the Komi region.

For citation: Gurlenova L. V., Orman X. I. The Renovationist Schism in the Komi Region in the 1920 s. (based on archival sources). *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education*, 2025; 1: 102–115. (In Russ.) <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2025-1-102>

Введение. Политика, проводимая советским государством в области религии в первые годы установления нового государства, сегодня является актуальным предметом научного обсуждения. Это определило цель данного исследования — изучение характера отношений региональной власти с религиозными организациями: РПЦ и обновленческими группами. Конкретные условия Коми края (малая заселенность территории, оторванность от центра, неразвитость коммуникаций и др.) обусловили специфику проявления общей тенденции. Исследование этого аспекта, привлечение к анализу архивных документов составляют научную новизну и значимость проведенной работы.

Документальной базой для исследования послужили государственные нормативные документы, находящиеся в открытом доступе, а также документы местного уровня, обнаруженные в фондах Национального архива Республики Коми¹: постановления ор-

¹ Фонды Коми Республиканского комитета Коммунистической партии РСФСР (1921–1991 гг.) (документы Ф. П-1) и Материалы Коми облисполкома за 1922–36–41 годы (документ Ф. Р-3).

ганов местной власти и организаций, соглашения, госинфосводки, сводки обкома РКП(б), доклады комиссий и др., в том числе немалое количество документов относится к ведению Коми ОЧК / ОГПУ, которые были одними из основных государственных органов, курировавших вопросы антирелигиозной политики. Исследователи относят к ним и VIII «церковный» отдел Народного комиссариата юстиции¹, материалы которого в используемых нами документах не обнаружены. Выявленный массив источников содержит обширное количество информации по рассматриваемому вопросу, что позволяет оценить их как достаточную для настоящего исследования доказательную базу. При работе с источниками были выявлены ранее не опубликованные документы, которые впервые используются в настоящей работе.

Методы исследования, теоретическая база. Характерно, что к изучению указанной темы сегодня обращаются ученые разных научных специальностей; это делает возможным получить результаты многокурсного анализа материала. В исследованиях применяется философско-религиоведческий и теологический подходы — в трудах Д. А. Головушкина [1; 2], А. В. Мазырина [3], П. А. Ефремова [4], М. В. Шилкиной [5], используется методология политических наук — в работах А. А. Микерина [6], исторических наук — в публикациях Ю. А. Бирюковой [7], Л. Б. Захаровой [8], М. С. Диривянкиной [9], Н. В. Кияшко [10], Е. Л. Черновой [11], З. Ш. Мавлютовой [12], социологических, филологических и других научных областей. Это способствует расширению исследовательского поля, получению новых результатов. Ряд названных ученых проводят исследования на базе местных архивных материалов (Ю. А. Бирюкова, Н. В. Кияшко, З. Ш. Мавлютова, др.).

В целом история обновленческого раскола нашла отражение в многочисленных научных публикациях, относящихся к советскому периоду, постсоветской эпохе, к среде эмиграции и к новейшему пе-

¹ 8 мая 1918 г. ... в НКЮ был образован Отдел по проведению в жизнь декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». В документах он обычно назывался VIII или Ликвидационным отделом... В дальнейшем, в связи с внутренней реорганизацией и изменением порядка нумерации отделов в соответствии с Положением о НКЮ от 20 ноября 1921 г., VIII отдел был переименован в V Отдел култов // Православная Энциклопедия / под ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. URL: <https://www.pravenc.ru/text/2581697.html> (дата обращения: 15.01.2025). В публикациях поэтому нередко обозначают: VIII (V) отдел.

риоду. Это исследования, проводившиеся на основе разных идеологических и методологических установок. Уже с 1920-х годов появляются систематизирующие обзоры истории изучения раскола, среди которых особый интерес для настоящего исследования представляют те, которые содержатся в докторских диссертациях, защищенных в последние годы [1; 2¹]. Выявляя разные методологические стратегии в области религиоведческих исследований, в том числе в теме раскола, Д. А. Головушкин выделяет как наиболее успешный сегодня принцип интегрализма, позволяющий рассмотреть историю возникновения и развития, смыслы, структуру и функции религиозного православного обновленчества [3, с. 98]. На основании подобного подхода стали возможны выводы о наличии различных социокультурных модификаций обновленчества, при которых общее переплетается с частным [1, с. 18].

В работах об обновленческом расколе в этом русле сформировалась мысль о полезности изучения региональных архивов для обнаружения местных особенностей истории церковного раскола. Выявленные и использованные исследователями документы расширили представления о многообразии форм обновленчества. Ю. А. Бирюкова в кандидатской диссертации по отечественной истории «Советская власть и православные общины Дона в 1920–1930-х гг.: характер отношений на местах» пишет, что интерес для исследователя сегодня представляют механизм распространения обновленчества на местах, средства и способы завоевания епархиальных управлений и приходов, отношения к нему населения и мотивы и формы участия в расколе [7, с. 11]. Появились исследования топографического аспекта обновленчества [11]. Представленные труды подтверждают актуальность и обоснованность методологической направленности настоящего исследования.

Смысл обновленчества в современных исследованиях продолжает пониматься по-разному: как внутрицерковное разделение, начавшееся в условиях первой русской революции и ставшее причиной раскола в церкви; как продуманный план партийной власти по уничтожению РПЦ, замедлявшей модернизацию страны. М. С. Дирвянкина, например, так описывает предполагаемый сценарий

¹ А. В. Мазырин, отмечает, что обзорные труды по истории раскола стали публиковаться за рубежом уже в 1920–1930-е годы; комментируя вопрос объективности исследований прошлых периодов не только советских авторов, но и зарубежных, в том числе из среды эмигрантов, он отмечает наличие в них обличительного характера (с. 7).

этого плана: успешная деятельность обновленческих ячеек должна была спровоцировать расчленение церкви, лишить ее единого руководства и прихожан, в результате чего остатки церковных объединений должны были окончательно исчезнуть [9, с. 62]. Л. Б. Захарова пишет, что власть создала особые условия для деятельности обновленцев, образовав в их пользу новое Высшее Церковное Управление, обновленческую группу «Живая церковь» и разрешив миссионерскую деятельность только представителям обновленческой церкви [8, с. 53]. Обновленчество расценивается и как явление, возникшее в начале XX века и прошедшее эволюцию: обновленческий комплекс начала XX века, периода революции 1917 года и советской эпохи; делается вывод, что обновленчество 1920-х годов имело свои собственные цели и задачи [1, с. 12, 13; др.].

Результаты исследования и их обсуждение. Основу излагаемых ниже наблюдений составили архивные материалы, обнаруженные в фондах Национального архива Республики Коми, большинство из них используются впервые.

Вопрос о расколе церкви и о том, на чью сторону встанет духовенство, обозначился летом 1922 года (в центре обновленчество организационно оформилось в мае 1922 года). Коми край был отдаленной территорией с неразвитыми коммуникациями, поэтому вся информация об изменениях в государстве, в том числе в области религии, доходила с опозданием. Но, тем не менее, уже в начале августа 1922 года ОГПУ подготовлена предварительная сводка об отношении духовенства (о населении речь еще не идет) к отречению Тихона, в которой сообщается о равнодушии к этому вопросу всех (включая черное духовенство), кроме духовенства, называемого в сводке прогрессивным; заявляется, что оно планирует «устроить съезд на эту тему»¹.

Осенью 1922 года в Москву отправляется сводка ОГПУ, в которой содержатся сведения о предпринимаемых попытках местных органов власти вести пропаганду в пользу обновленцев: сообщается о начале работы с духовенством по разъяснению идей реформы церкви, о выдвижении кандидатов для учреждения в Усть-Сысольске отделения прогрессивного духовенства, о безуспешности посеять раскол между духовенством; сводку завершает вывод о

¹ Национальный архив Республики Коми. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 115. Л. 38, 38 об (далее — НА РК).

том, что общая политическая ситуация Области остается неизменной¹.

31 декабря 1922 года подготовлена сводка ОГПУ, в которой речь идет о результатах пропаганды по вопросу о церковном расколе. Население и духовенство в ней характеризуется как пассивное («духовенство Области Коми не проявляет никакой работы по оживлению церковной жизни., расколы церкви или отречение патриарха очень мало интересуют их»), отмечается, что агитация и волнения на почве религиозности замечаются в единичных случаях; журнал «Живая церковь» оценивается как не играющий ожидаемой роли в развитии событий, делается вывод о сохранении авторитета церкви и в связи с этим о том, что активные единицы скорее тянутся к духовенству, чем к агитаторам².

К январю 1923 года относится госинфосводка № 3, констатирующая отсутствие изменений в отношении населения к расколу. В ней отмечается, что «антисоветские элементы широкого влияния на массу не имеют, контрреволюционных организаций и антисоветских групп на территории Области не наблюдается», а духовенство среди массы пользуется прежним авторитетом³. Через месяц констатируется, что антирелигиозную пропаганду парторганизация вести не в силах, так как слабо развита (госинфосводка № 7)⁴, а духовенство сохраняет прежний авторитет среди общей массы крестьян (госинфосводка № 9)⁵. История разделения церквей на территории Коми края с самого начала приняла затяжной характер, объясняемый целым рядом причин, прежде всего устойчивостью традиционной жизни.

Отметим, что ситуация в южных регионах страны развивалась по-другому. Н. В. Кияшко пишет, что обновленчество в Кубанской епархии было одним из главных форпостов раскола в стране, события развивались стремительно, «к концу 1923 г. Кубано-Черноморское епархиальное управление с помощью власти устранило лидеров антиобновленческого движения и захватило подавляющее большинство приходов», «согласно информационной сводке VI отделения СО ОГПУ, к началу 1924 г. на Кубани находилось 488 обновленческих и 57 патриарших общин» [10, с. 101–102].

¹ НА РК. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 115. Л. 64–64 об.

² НА РК. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 116. Л. 94.

³ НА РК. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 205. Л. 9.

⁴ НА РК. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 205. Л. 21.

⁵ НА РК. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 205. Л. 25.

Организация публичного обсуждения вопроса о расколе церкви в Коми крае относится только к началу осени 1923 года. Инициатором выступало все духовенство города Сыктывкара. 3 сентября 1923 года состоялся съезд духовенства благочиния, на котором произошло организационное разделение тихоновцев и обновленцев. В госинфосводке № 34 сообщалось о создании обновленческой церкви, которая отошла в подчинение местному церковному управлению, избранному на том же съезде¹.

Обновленческое духовенство стремилось активизировать самоорганизацию, заявить о себе как авторитетной силе. Однако ОГПУ в очередной раз констатирует неуспешность его действий; в сводке ОГПУ № 42 от 6 декабря 1923 года сообщается, что обновленческое духовенство «утвердило дату собрания, но явка была чрезвычайно низкой». Делается вывод, что большого влияния прогрессивное духовенство не имеет². Численность обновленцев к этому времени оставалась низкой: на конец 1923 года в Сысольском уезде было зарегистрировано всего 1902 человека³, большинство духовенства края были приверженцами традиционной церкви.

Ю. А. Бирюкова представляет схожую по результатам ситуацию на Дону, объясняя ее местными особенностями: на события в Северо-Кавказском регионе влиял особый социальный слой — казачество. Противостояние тихоновцев и обновленцев развивалось непросто, но тихоновцы были организованны и активны, в юрисдикции обновленцев оставались многие общины, и они численно росли [7, с. 4, 9].

По-другому развивались события в Тюменской губернии. З. Ш. Мавлютова отмечает, что уже «во второй половине 1922 — начале 1923 г. обновленческое движение на территории Тюменской губернии заняло ключевые позиции». К 1926 году обновленцы распространили свое влияние на «инородцев», которые имели в Обдорске самостоятельный приход; в состав церковно-приходского совета вошли представители русского и коми-зырянского населения, хантов и ненцев [12, с. 119].

Документы Национального архива Республики Коми свидетельствуют, что общие собрания духовенства собирались редко и они порой заканчивались выяснением отношений. В начале декабря 1923 года прошло собрание в Троицком соборе, на котором

¹ НА РК. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 205. Л. 61.

² НА РК. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 205. Л. 87.

³ НА РК. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 205. Л. 72.

было принято ходатайство об открытии Стефановского собора, решено отстаивать его законными способами — писать коллективные ходатайства и устраивать сбор подписей. В сводке ОГПУ сообщается, что в процессе обсуждения случился спор между обновленцами и тихоновцами. После скандала обновленцы покинули собор¹. В сентябре 1925 года в сводке сообщается об очередном конфликте между тихоновцами и обновленцами, прежде всего по поводу перехода к обновленцам свечного завода в Архангельске, местные тихоновцы объявили бойкот этому заводу².

На протяжении 1924–1925 годов картина по Коми краю не изменялась: большинство духовенства оставались тихоновцами. Но в целом отношение населения к обновленцам несколько улучшилось³.

17 марта 1925 года прошло самое успешное собрание обновленцев края. На нем был принят устав обновленческой церкви, прочитано воззвание Ленинградского отделения «Живой церкви». Собрание постановило просить у властей организовать союз священнослужителей края⁴.

Обновленцы стремились и далее активизировать действия по укреплению и развитию своей церкви. Так, в 1925 году в Ижмо-Печорский уезд был отправлен миссионер от обновленцев, тихоновцы стали вести переписку о запрете работы миссионера⁵. В свою очередь, обновленцы обращались с жалобами на тихоновцев в ячейки ВКП(б)⁶.

В 1927 году представители обновленческой церкви проводили молебны в честь десятилетия Октябрьской революции, демонстрируя таким образом лояльность власти. Службы проводились в Сысольском уезде и Ибской волости, «но людей присутствовало мало»⁷. Влияние обновленцев продолжало ослабевать⁸.

¹ НА РК. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 205. Л. 90–91.

² НА РК. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 431. Л. 87.

³ НА РК. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 276. Л. 81.

⁴ НА РК. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 430. Л. 77.

⁵ НА РК. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 431. Л. 87.

⁶ НА РК. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 523. Л. 114.

⁷ НА РК. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 606. Л. 109.

⁸ Л. Б. Захарова представляет подобное развитие событий на материале истории Самарской епархии: если в 1925 году Самарская обновленческая епархия насчитывала в своем ведении 190 храмов, то через два года только шесть храмов, в том числе три — в Самаре [8, с. 56].

В архиве находится показательное письмо от 28 декабря 1928 года, написанное Епархиальным управлением в Областной исполнительный комитет АО Коми о несправедливом отношении органов власти к лояльному существующей власти обновленческому духовенству.

В письме подчеркивается, что обновленческая церковь является доброжелателем, просит помнить об этом и помогать в развитии и прочих вещах, связанных с налогами, послаблением для своих общин и правом обучения детей¹.

Письмо свидетельствует о том, что обновленчество перестало быть объектом интереса власти, а к 1930 году стало терять последователей из числа духовенства. В Докладной записке Коми областного отдела ГПУ о политическом состоянии Коми области от декабря 1930 года, посвященной ситуации в Коми крае в связи со статьей Сталина об исправлении перегибов по отношению к церкви, приводятся сведения о количестве церквей: функционирует сергианских — 74, обновленческих — 24; из-за проигрыша у обновленцев появляется мысль, что необходимо «убрать грызню и объединить церковь»². Таким образом, к 1930 году стало очевидно, что внутрицерковный раскол в Коми крае в 1920-е годы завершил активную часть своей истории.

Выводы и дальнейшие перспективы исследования. Архивные документы свидетельствуют, что обновленческое движение в Коми крае в 1920-е годы не сумело реализовать себя как авторитетное движение. В течение 1922 — первой половины 1923 года обновленчество медленно и малоуспешно формировалось как возможная новая сила, которая могла бы противостоять канонической церкви. В отчетных документах многократно повторяется вывод о пассивности и равнодушии духовенства и населения к вопросу о расколе, о сохраняющемся авторитете церкви, об отсутствии большого влияния обновленцев на ситуацию. На протяжении 1923 года стремление обновленчества заявить о себе как авторитетной силе оставалось малоуспешным, несмотря на поддержку местных властей. Состоявшееся в 1925 году собрание обновленцев края побудило обновленческое движение искать новые формы привлечения к себе населения, но оно не смогло противостоять патриаршей церкви, которую поддерживало большинство населения. Если в целом обновленцы перестали пользоваться поддержкой власти в начале 1930-х

¹ НА РК. Ф. Р-3. Оп.1. Д. 2338. Л. 183–183 об.

² НА РК. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 807. Л. 55–57.

годов, то в Коми крае уже в 1928 году обновленческая церковь заявила в своем письме в Облисполком Автономной области Коми о несправедливом отношении к ней органов власти (эта ситуация требует дополнительного рассмотрения на материале архивных документов).

Таким образом, к концу 1920-х годов обновленческое движение уже не имело возможности претендовать на роль главной религиозной силы, лишилось поддержки местных властей, а в 1930-х годах попало под репрессии так же, как и тихоновское.

Причинами, по которым органы власти Коми края достаточно рано перестали поддерживать обновленческое движение, по нашему мнению, являются отсутствие успешной стратегии обновленческого движения, большая традиционность и приверженность старым устоям населения, пассивное отношение к церковному конфликту.

В привлеченных к настоящему исследованию документах содержится большое количество аспектов религиозной жизни духовенства и населения края, которые могут стать предметом самостоятельного изучения.

Список источников

1. Головушкин Д. А. Феномен обновленчества в русском православии первой половины XX века : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. СПб., 2020. 61 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/fenomen-obnovlenchestva-v-russkom-pravoslavii-pervoi-poloviny-xx-veka/read> (дата обращения: 02.12.2024).

2. Мазырин А. В. Обновленческий раскол в Русской Церкви и Православный Восток: специфика взаимоотношений неканонической организации с Константинопольской Патриархией и другими Поместными Церквами : автореф. дис. ... д-ра теологии. М., 2023. 37 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/obnovlencheskii-raskol-v-russkoi-tserkvi-i-pravoslavnyi-vostok-spetsifika-vzaimootnoshenii/read> (дата обращения: 12.12. 2024).

3. Головушкин Д. А. Методологические стратегии исследования русского православного обновленчества первой половины XX века // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2023. № 1. С. 98–108. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodologicheskie-strategii-issledovaniya-russkogo-pravoslavnogo-obnovlenchestva-pervoy-poloviny-xx-veka> (дата обращения: 02.12.2024).

4. Ефремов П. А. Обновленчество в 1917–1923 гг. По воспоминаниям очевидцев // Вестник Омской православной духовной семинарии. 2019. № 2 (7). С. 103–110. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obnovlenchestvo-v-1917-1923-gg-po-vozpominaniyam-ochevidtsev> (дата обращения: 01.12.2024).

5. Шилкина М. В. Подходы к изучению «Обновленчества» в церковной и светской литературе // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2011. № 17 (79). С. 174–180. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/podhody-k-izucheniyu-obnovlenchestva-v-tserkovnoy-i-svetской-literature-1> (дата обращения: 01.12.2024).

6. Микерин А. А. Государственная политика в отношении церкви и религии в первые годы советской власти // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2022. № 1 (13). С. 69–73. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennaya-politika-v-otnoshenii-tserkvi-i-religii-v-pervye-gody-sovetsкой-vlasti> (дата обращения: 03.12.2024).

7. Бирюкова Ю. А. Советская власть и православные общины Дона в 1920–1930-х гг.: характер отношений на местах : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д, 2012. 30 с. URL: <https://cheloveknauka.com/v/403140/a?#?page=1> (дата обращения: 02.12.2024).

8. Захарова Л. Б. Обновленческий раскол 1920-х гг. в Русской православной церкви // Известия вузов. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2013. № 1 (25). С. 52–58. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obnovlencheskiy-raskol-1920-h-gg-v-russкой-pravoslavnoy-tserkvi> (дата обращения: 04.12.2024).

9. Диривянкина М. С. Большевики и Русская Православная Церковь в начале 1920-х гг.: принципы взаимоотношений // Хризостом. 2023. № 3. С. 58–67. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bolshevik-i-russкая-pravoslavnaя-tserkov-v-nachale-1920-h-gg-printsipy-vzaimootnosheniy> (дата обращения: 01.12.2024).

10. Кияшко Н. В. Политика советского государства и обновленческий раскол на Кубани (1922–1923 гг.) // Вестник ПСТГУ. Серия 2: История. История РПЦ. 2022. № 108. С. 88–104. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politika-sovetsкого-gosudarstva-i-obnovlencheskiy-raskol-na-kubani-1922-1923-gg> (дата обращения: 01.12.2024).

11. Чернова Е. Л. Распространение обновленчества в Москве в 1920-е годы: топографический аспект // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2012. № 6 (86). С. 135–144. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rasprostranenie-obnovlenchestva-v-moskve-v-1920-e-gody-topograficheskiy-aspekt-1> (дата обращения: 01.11.2024).

12. Мавлютова З. Ш. Движение обновленчества в Тюменском крае в 1920-е гг. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2008. № 8. С. 115–120. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dvizhenie-obnovlenchestva-v-tyumenskom-krae-v-1920-e-gg> (дата обращения: 04.12.2024).

References

1. Golovushkin D. A. *Fenomen obnovenchestva v russkom pravoslavii pervoy poloviny XX veka : avtoref. dis. ... dokt. filos. nauk* [The Phenomenon of Renovationism in Russian Orthodoxy in the First Half of the 20th Century : Abstract of a Ph. D. in Philosophy]. SPb., 2020. 61 p. Available at: <https://www.disserscat>.

com/content/fenomen-obnovlenchestva-v-russkom-pravoslavii-pervoi-poloviny-xx-veka/read (accessed: 02.12.2024). (In Russ.)

2. Mazyrin A. V. *Obnovlencheskij raskol v Russkoj Cerkvi i Pravoslavnyj Vostok: specifika vzaimootnoshenij nekanonicheskoy organizacii s Konstantinopol'skoj Patriarhiej i drugimi Pomestnymi Cerkvami* : avtoref. dis. ... doktora teologii [The Renovationist Schism in the Russian Church and the Orthodox East: the specifics of the relationship of a non-canonical organization with the Patriarchate of Constantinople and other Local Churches : author's abstract. diss. ... doctor of theology]. Moscow, 2023. 37 p. Available at: <https://www.dissercat.com/content/obnovlencheskii-raskol-v-russkoi-tserkvi-i-pravoslavnyi-vostok-spetsifikavzaimootnoshenii/read> (accessed: 12.12.2024). (In Russ.)

3. Golovushkin D. A. Methodological strategies for studying Russian Orthodox Renovationism in the first half of the 20th century. *Vestnik LGU im. A. S. Pushkina* [Bulletin of Leningrad State University named after A. S. Pushkin]. 2023. No 1. Pp. 98–108. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodologicheskie-strategii-issledovaniya-russkogo-pravoslavnogo-obnovlenchestva-pervoy-poloviny-xx-veka> (accessed: 02.12.2024). (In Russ.)

4. Efremov P. A. Renovationism in 1917–1923. According to eyewitnesses. *Vestnik Omskoj Pravoslavnoj Duhovnoj Seminarii* [Bulletin of the Omsk Orthodox Theological Seminary]. 2019. No 2 (7). Pp. 103–110. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/obnovlenchestvo-v-1917-1923-gg-po-vozpominaniyam-ochevidtsev> (accessed: 01.12.2024). (In Russ.)

5. SHilkina M. V. Approaches to the study of “Renovationism” in church and secular literature. *Vestnik RGGU. Seriya: Literaturovedenie. YAzykoznanie. Kul'turologiya* [Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: Literary Studies. Linguistics. Cultural studies]. 2011. No 17 (79). Pp. 174–180. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/podhody-k-izucheniyu-obnovlenchestva-v-tserkovnoy-i-svetskoy-literature-1> (accessed: 01.12.2024). (In Russ.)

6. Mikerin A. A. State policy towards the church and religion in the early years of Soviet power. *Uchenye zapiski Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii* [Scientific notes of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. 2022. No 1 (13). Pp. 69–73. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennaya-politika-v-otnoshenii-tserkvi-i-religii-v-pervye-gody-sovetskoy-vlasti> (accessed: 03.12.2024). (In Russ.)

7. Biryukova YU. A. *Sovetskaya vlast' i pravoslavnye obshchiny Dona v 1920-1930-h gg.: karakter otnoshenij na mestah* : avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [Soviet power and Orthodox communities of the Don in the 1920-1930s: the nature of local relations : author's abstract of diss. ... candidate of historical sciences]. Rostov-na-Donu, 2012. 30 p. Available at: <https://cheloveknauka.com/v/403140/a?#?page=1> (accessed: 02.12.2024). (In Russ.)

8. Zaharova L. B. The Renovationist Schism of the 1920s in the Russian Orthodox Church. *Izvestiya vuzov. Povolzhskij region. Gumanitarnye nauki* [News of Universities. Volga Region. Humanities]. 2013. No 1 (25). Pp. 52–58. Available at:

<https://cyberleninka.ru/article/n/obnovlencheskiy-raskol-1920-h-gg-v-russkoy-pravoslavnoy-tserkvi> (accessed: 04.12.2024). (In Russ.)

9. Dirivyankina M. S. The Bolsheviks and the Russian Orthodox Church in the Early 1920s: Principles of Relationships. *Hzristom* [Chrysostom]. 2023. No 3. Pp. 58–67. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/bolsheviki-i-russkaya-pravoslavnaya-tserkov-v-nachale-1920-h-gg-printsipy-vzaimootnosheniy> (accessed: 01.12.2024). (In Russ.)

10. Kiyashko N. V. The policy of the Soviet state and the renovationist schism in Kuban (1922–1923). *Vestnik PSTGU. Seriya 2: Istoriya. Istoriya RPC* [PSTGU Bulletin. Series 2: History. History of the Russian Orthodox Church]. 2022. No 108. Pp. 88–104. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/politika-sovetskogo-gosudarstva-i-obnovlencheskiy-raskol-na-kubani-1922-1923-gg> (accessed: 01.12.2024). (In Russ.)

11. Chernova E. L. The Spread of Renovationism in Moscow in the 1920s: Topographic Aspect. *Vestnik RGGU. Seriya: Literaturovedenie. YAzykoznanie. Kul'turologiya* [Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: Literary Studies. Linguistics. Culturology]. 2012. No 6 (86). Pp. 135–144. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/rasprostranenie-obnovlenchestva-v-moskve-v-1920-e-gody-topograficheskii-aspekt-1> (accessed: 01.11.2024). (In Russ.)

12. Mavlyutova Z. SH. The Renovationist movement in the Tyumen region in the 1920s. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography]. 2008. No 8. Pp. 115–120. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/dvizhenie-obnovlenchestva-v-tyumenskom-krae-v-1920-e-gg> (accessed: 04.12.2024). (In Russ.)

Сведения об авторах

Гурленова Людмила Викторовна, доктор филологических наук, профессор, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина (167001, Россия, Сыктывкар, Октябрьский пр-т, 55)

Орман Ксения Игоревна, независимый исследователь (Россия, Сыктывкар)

Information about the authors

Liudmila V. Gurlenova, Doctor of Philology, Professor, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (55, Oktyabrsky Prospekt, Syktyvkar, 167001, Russia)

Xenia I. Orman, Independent researcher (Syktyvkar, Russia)

Статья поступила в редакцию / The article was submitted	30.01.2025
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing	20.02.2025
Принята к публикации / Accepted for publication	25.02.2025

ОБЩАЯ ПЕДАГОГИКА, ИСТОРИЯ ПЕДАГОГИКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

Научная статья / Article

УДК 372.851

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2025-1-116>

Активизация познавательного интереса обучающихся стереометрии путем введения задач с экономическим и практическим содержанием

**Ирина Анатольевна Архипова¹,
Наталья Борисовна Карбачинская²,
Елена Евгеньевна Харитоновна³**

^{1,2,3} Российский государственный университет правосудия, Москва, Россия,
² eshkovi@rambler.ru

***Аннотация.** В основе занятий по математическим дисциплинам лежат академические знания, теория. Между тем современные обучающиеся нередко интересуются, где им в обычной жизни может пригодиться то, что они изучают. Разрешить проблему помогают практико-ориентированные задачи. В статье предложен краткий обзор различных определений задач этого типа, упоминается о большом количестве их классификаций, актуальности и полезности использования на всех этапах обучения: от начальной школы до высшей ступени обучения. Основное внимание в работе уделяется конкретной задаче, содержанием которой являются экономические вопросы, ориентированные на практический подход. Предлагается разбор задачи с подробным решением, в котором используются теоретические*

© Архипова И. А., Карбачинская Н. Б., Харитоновна Е. Е., 2025

знания по стереометрии, в частности тема «Цилиндр», а также методы прикидки и оценки, анализ и контроль полученных данных. В этой задаче разбирается проблемная ситуация выбора наиболее дешёвого из трёх предложенных вариантов постройки бассейна на садовом участке. В условии задачи представлены все необходимые расценки в формате таблицы, а в начале решения приведены схемы бассейна (вид сверху и в разрезе). В процессе решения проведён поэтапный расчёт стоимости работы, необходимых материалов и их доставки с учётом разноуровневых размеров бассейна. Вся информация собирается в обобщающую таблицу, по результатам которой делается вывод и, соответственно, даётся ответ на поставленный в условии задачи вопрос. После решения приводятся рекомендации о том, как эту задачу можно адаптировать: упростить для категории обучающихся со слабой подготовкой и усложнить для тех, кто хорошо подготовлен и заинтересован в качественных знаниях.

Ключевые слова: стереометрия, цилиндр, задачи с экономическим и практическим содержанием, практико-ориентированные задачи, радиус, площадь, объём, бассейн, оптимизация

Для цитирования: Архипова И. А., Карбачинская Н. Б., Харитонова Е. Е. Активизация познавательного интереса обучающихся стереометрии путем введения задач с экономическим и практическим содержанием // Человек. Культура. Образование. 2025. № 1. С. 116–131. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2025-1-116>

Activation of Students' Cognitive Interest in Solid Geometry by Introducing Tasks with Economic and Practical Content

Irina A. Arkhipova¹, Natalia B. Karbachinskaya²,
Elena E. Kharitonova³

¹⁻³ Russian State University of Justice, Moscow, Russia,
² eshkovi@rambler.ru

Abstract. Activation of students' cognitive interest in solid geometry by introducing tasks with economic and practical content is often needed. In mathematical disciplines, academic knowledge and theory are typically taught, but modern students often wonder where they can apply what they are learning in their everyday lives. Practical tasks can help in this case. The article provides a brief overview of various definitions of tasks of this type, mentioning numerous classifications, the relevance, and usefulness of their use at all stages of education, from elementary steps to higher education. The main focus of the work is on a specific task with economic and practical content, along with a detailed solution that utilizes theoretical knowledge of solid geometry, particularly from the cylinder topic, as well as estimation methods, data analysis, and control. This task presents a problem scenario of

choosing the most cost-effective option among three proposed designs for a pool in a backyard. The task includes all necessary cost estimates in table format, along with pool diagrams (top view and cross-section) at the beginning of the solution. A step-by-step calculation of work costs, necessary materials, and their delivery considering the different sizes of the pool is carried out during the solution process. All information is summarized in a table, leading to a conclusion and an answer to the question posed in the task. Recommendations on how to adapt (simplify) this task for a group of students with poor preparation and make it more difficult for those who are well prepared and interested in quality knowledge are provided after the solution.

Keywords: *solid geometry, cylinder, tasks with economic and practical content, practical tasks, radius, area, volume, pool, optimization*

For citation: Arkhipova I. A., Karbachinskaya N. B., Kharitonova E. E. Activation of Students' Cognitive Interest in Solid Geometry by Introducing Tasks with Economic and Practical Content. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education*, 2025; 1: 116–131. (In Russ.) <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2025-1-116>

Введение. Всем педагогам очевидна польза применения практико-ориентированных задач, так как работа с ними «развивает умение осмысливать содержание понятий и применять полученные знания на практике, анализировать, сравнивать, обобщать результаты, делать соответствующие выводы, расширяет кругозор учащихся» [1, с. 39]. Список пользы от включения в обучение таких задач можно продолжить и, на наш взгляд, в него стоит добавить следующий актуальный и веский аргумент: перед нами современные, «продвинуто-прокачанные» обучающиеся, и многие из них, особенно закончивших среднюю школу, часто задают вопросы о необходимости изучения некоторых образовательных предметов, отдельных разделов, тем. «Где в жизни мне пригодятся логарифмы? Я собираюсь стать юристом, и зачем мне знать значение $\sin 135^\circ$? Для чего мне учить формулу боковой поверхности цилиндра?» — подобные вопросы слышат многие учителя и преподаватели математических дисциплин, работающие не только в сфере гуманитарного профиля. Малополезными являются рассуждения о развитии мыслительной деятельности, логики, получении навыков построения аргументированных ответов, гармонично развитой личности и т. п. Учитывая «сложный» возраст и иные приоритеты, мы не можем не понимать, что многие из них просто не желают принять

аргументацию педагога. В этом случае задачи с экономическим и практическим содержанием могут помочь заинтересовать аудиторию или хотя бы её часть.

Задачи этого типа сейчас активно добавляются в различные проверочные работы: МЦКО, ВПР, ОГЭ, ЕГЭ и т. п. Много задач с экономическим и практическим содержанием появляется в учебниках. В статье предлагается материал для проведения занятия, закрепляющего информацию после изучения темы «Цилиндр» в стереометрии, основанный на использовании полученных знаний в конкретной практической ситуации. Этот материал в зависимости от уровня обучающихся и пожеланий педагога можно использовать на уроках различных типов в виде приёмов деловой или ролевой игры, соревнования, мозговой атаки и других.

Методы исследования. Теоретическая база. В педагогической литературе выделяют четыре основных подхода к определению понятия «практико-ориентированные задачи»: задачи, реализующие профессиональную направленность обучения; задачи прикладного характера; задачи, нацеленные на формирование надпредметных умений и навыков; задачи повседневной жизни, в решении которых нужно применить математический аппарат [2]. Мы в своей статье ориентируемся на последнее определение, то есть на задачи, «которые хотя бы косвенно могут пригодиться в реальной жизни» [3, с. 181]. В том числе и в связи с этим чаще будем называть их задачами с экономическим и практическим содержанием. Стоит упомянуть, что существуют и разные классификации самих задач, и в «каждой из них практико-ориентированные задачи занимают своё место» [4, с. 189].

На современном этапе, в том числе и в связи с появлением новых концепций и компетенций, учитывающих активные изменения в рыночной экономике, появляется все больше педагогических и методических разработок, посвященных рассматриваемой теме на всех ступенях обучения, начиная с начальной школы и заканчивая высшим образованием [2; 4–7].

Мы использовали теоретические и эмпирические методы исследования: изучение педагогической литературы по данному и смежным направлениям, сбор и обработку информации, анализ работ коллег, подготовку и апробацию своих методических разработок, полученных в течение преподавательской деятельности.

Результаты исследования и их обсуждение. Перед тем как предоставить материал, сразу оговоримся, что задача адаптирована для школьной программы и некоторые сложные нюансы строительства опускаются, однако в конце работы приводятся вопросы, которые можно добавить в условие, если позволяет время, уровень и заинтересованность обучающихся. Также рекомендуется заранее приготовить информацию о лексическом значении строительных терминов: армирование, опалубка, гидроизоляция, погонный метр, кубометр и т. п. Можно перед началом работы над решением задачи ознакомиться с заранее подготовленными презентациями, которые посвящены различным видам работ.

Задача: Михаил Михайлович решил у себя на садовом участке для внуков обустроить круглый железобетонный бассейн радиусом 1,5 метра и глубиной 1 метр. Михаил Михайлович пенсионер, поэтому физическую работу он выполнять не может и рассматривает три варианта:

1) обратиться в фирму А, где предлагают сделать всю работу «под ключ», включая покупку и доставку материалов. Цена бассейна в этом случае будет 400 000 рублей;

2) обратиться в фирму В, где выполняют только работу, а покупку и доставку материалов надо организовывать самому. За выполнение всей работы фирма просит 200 000 рублей;

3) обратиться в строительную бригаду, которая выполняет все виды работ своими инструментами по прайс-листу (табл. 1), но при этом покупкой и доставкой материалов бригада не занимается.

Михаил Михайлович всегда покупает материалы на близлежащем строительном рынке, где цены наиболее приемлемы. Предварительно посетив рынок, а также изучив другие строительные затраты, Михаил Михайлович составил список необходимых материалов с указанием их стоимости и стоимости доставки (табл. 2). Также учтём, что Михаил Михайлович хорошо учился в школе и в настоящее время крайне щепетилен в вопросах экономии, а поэтому тщательно рассчитывает стоимость строительства будущего бассейна.

Если считать, что результат работы будет качественным во всех трёх вариантах, во сколько Михаилу Михайловичу обойдётся самый экономный проект обустройства бассейна?

Таблица 1

Цены за работу по обустройству бассейна

<i>№</i>	<i>Наименование работы</i>	<i>Цена</i>
1	Рытьё котлована	1 200 рублей за 1 м ³
2	Вывоз грунта с участка с погрузкой	8 000 рублей за 8 м ³ (одна машина)
3	Устройство основания для бетонной чаши	1 000 рублей за м ²
4	Армирование	1 000 рублей за м ²
5	Сооружение и демонтаж опалубки	4500 рублей за м ² (по измерениям готового бассейна)
6	Бетонирование	500 рублей за м ³
7	Гидроизоляция	300 рублей за м ² в один слой
8	Выравнивание стен и дна чаши бассейна	600 рублей за м ²
9	Отделка пленкой ПВХ	1 200 рублей за м ² (по измерениям готового бассейна)

Таблица 2

Цены за материалы и доставку

<i>№</i>	<i>Название материала</i>	<i>Цена</i>	<i>Доставка</i>
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>
1	Бетон	3500 рублей за 1 м ³	4 900 рублей до 7 м ³ (одна машина)
2	Щебень	1800 рублей за 1 м ³	2500 рублей за 1–5 м ³
3	Песок	900 рублей за 1 м ³	2500 рублей за 1–5 м ³
4	Железобетонная арматура, d = 14мм, длина — 2,9 м	300 рублей — штука	1500 рублей за 50–200 штук
5	Сетка армирующая 1м*25м (рулон)	2800 рублей за рулон	1500 рублей от 1 до 20 рулонов
6	Доска для опалубки	13 500 рублей за м ³	1500 рублей до 5 м ³
7	Обмазочная гидроизоляция	2 600 рублей за банку весом 3кг (расход покрытия в один слой 600–700 г на м ²)	2000 рублей
8	Штукатурка	460 рублей за упаковку 25 кг (средний расход сухой штукатурки на слой в 20 мм 14–16кг на м ²)	

Окончание табл. 2

1	2	3	4
9	ПВХ-пленка	3400 рублей за м ² , продажа в рулонах 1,65×10м	2000 рублей
10.	Дополнительные (мелкие) расходы	15 000	

На рисунках изображены схемы бассейна: рис. 1 — вид сверху, рис. 2 — вид в разрезе.

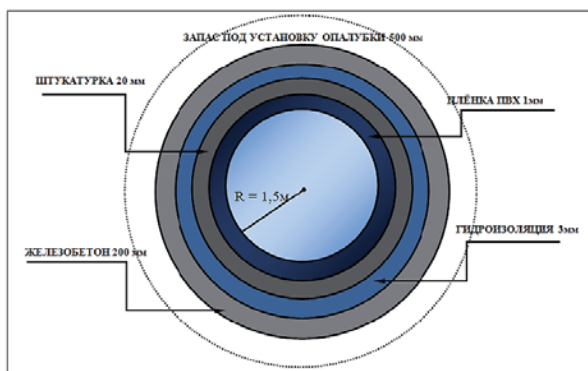

Рис. 1. Схема бассейна (вид сверху)

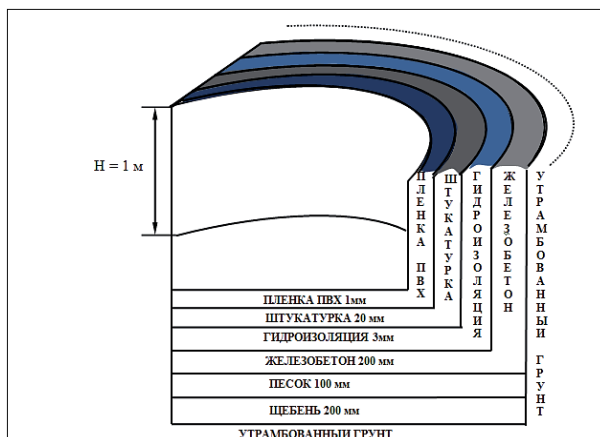

Рис. 2. Схема бассейна (вид в разрезе)

Решение. Учитывая толщину различных покрытий, радиус и глубину самого бассейна, рассчитаем радиусы и глубины всех слоёв различных покрытий чаши. Для удобства оформления задачи будем считать, что r — радиус внутреннего кольца какого-либо покрытия, а R — внешнего. Аналогично внутренняя глубина — h , внешняя глубина — H . Здесь же укажем, что для установки опалубки радиус котлована должен быть увеличен на 50 см, впоследствии эта разница плотно заполняется ранее извлечённым грунтом.

$$\begin{aligned}
 H_{\text{покрытия щебнем}} &= 1000+1+20+3+200+100+200 = 1524 \text{ мм}; \\
 h_{\text{покрытия щебнем}} &= H_{\text{покрытия песком}} = 1524 - 200 = 1324 \text{ мм}; \\
 h_{\text{покрытия песком}} &= H_{\text{бетонного покрытия}} = 1324 - 100 = 1224 \text{ мм}; \\
 h_{\text{бетонного покрытия}} &= H_{\text{гидроизоляции}} = 1224 - 200 = 1024 \text{ мм}; \\
 h_{\text{гидроизоляции}} &= H_{\text{покрытия штукатуркой}} = 1024 - 3 = 1021 \text{ мм}; \\
 h_{\text{покрытия штукатуркой}} &= H_{\text{покрытия плёнкой}} = 1021 - 20 = 1001 \text{ мм}; \\
 h_{\text{покрытия плёнкой}} &= H_{\text{бассейна}} = 1001 - 1 = 1000 \text{ мм}; \\
 R_{\text{котлована запасом под опалубку}} &= R_{\text{бетонного покрытия}} = 1500+1+20+3+200+500 = 2224 \text{ мм}; \\
 r_{\text{котлована без учёта опалубки}} &= R_{\text{бетонного покрытия}} = 2224 - 500 = 1724 \text{ мм}; \\
 r_{\text{бетонного покрытия}} &= R_{\text{гидроизоляции}} = 1724 - 200 = 1524 \text{ мм}; \\
 r_{\text{гидроизоляции}} &= R_{\text{покрытия штукатуркой}} = 1524 - 3 \text{ мм} = 1521 \text{ мм}; \\
 r_{\text{покрытия штукатуркой}} &= R_{\text{покрытия плёнкой}} = 1521 - 20 \text{ мм} = 1501 \text{ мм}; \\
 r_{\text{покрытия плёнкой}} &= R_{\text{бассейна}} = 1501 - 1 = 1500 \text{ мм}.
 \end{aligned}$$

Для наглядности отразим расчёты на схематичном изображении бассейна в разрезе (рис. 3).

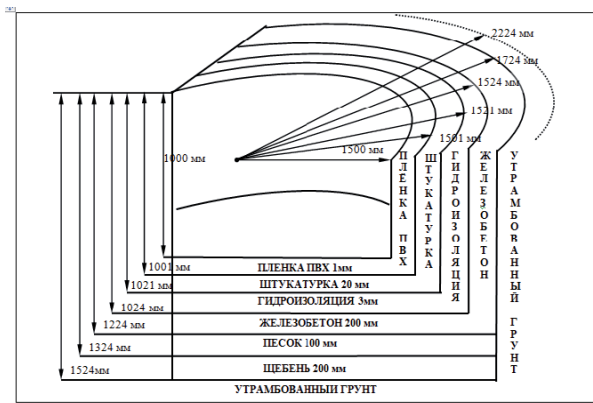

Рис. 3. Схема бассейна (вид в разрезе) с глубинами и радиусами

Для удобства и упорядоченности будем вести расчёты по примерному порядку проведения работ (в некоторых случаях работы проводятся одновременно).

1. *Котлован.* В связи с тем что установка опалубки требует дополнительные 50 см по периметру бассейна, количество извлечённого и вывезенного грунта будет отличаться, поэтому придется делать два отдельных расчёта. Весь извлечённый грунт будем считать по радиусу 2224 мм, а вывезенный — по радиусу 1724 мм.

Так как котлован имеет форму цилиндра, то объём грунта рассчитаем по формуле объёма цилиндра, при этом будем за π брать 3,14:

$$V_{\text{извлечённого грунта}} = \pi R^2 H \approx 3,14 \cdot 2224^2 \cdot 1524 = 23\,669\,232\,787,36 \text{ мм}^3 = 23,66923278736 \text{ м}^3 \approx 23,67 \text{ м}^3.$$

$$V_{\text{вывезенного грунта}} = \pi R^2 H \approx 3,14 \cdot 1724^2 \cdot 1524 = 14\,222\,932\,143,36 \text{ мм}^3 = 14,222932143,36 \text{ м}^3 \approx 14,22 \text{ м}^3.$$

В этом случае за работы, связанные с подготовкой котлована, придется заплатить $23,67 \cdot 1200 \approx 28\,400$ рублей, а для вывоза грунта нужно будет заказать две машины по 8 000 рублей, то есть на вывоз грунта понадобится 16 000 рублей.

2. *Устройство основания для бетонной чаши.* Слой щебёнки имеет форму цилиндра радиусом 1724 мм и высотой 200 мм, его объём равен $V = \pi R^2 H \approx 3,14 \cdot 1724^2 \cdot 200 = 18\,665\,265\,28 \text{ мм}^3 \approx 1,87 \text{ м}^3 \approx 2 \text{ м}^3$. В этом случае за щебень с доставкой надо будет заплатить $1800 \cdot 2 + 2500 = 6\,100$ рублей. Количество песка можно оценить, используя предыдущую информацию: так как слой песка в 2 раза меньше слоя щебёнки при том же радиусе, то и песка надо в два раза меньше, то есть 1 м^3 . Тогда цена за песок с доставкой будет $900 + 2\,500 = 3\,400$ рублей. Для вычисления стоимости работы по устройству основания бетонной чаши надо посчитать площадь дна в метрах:

$$S_{\text{дна}} = \pi R^2 \approx 3,14 \cdot 1724^2 = 9\,332\,632,64 \text{ мм}^2 \approx 9,3 \text{ м}^2.$$

За работу бригаде надо будет заплатить $9,3 \cdot 1000 = 9\,300$ рублей.

3. *Армирование.* Один из способов армирования бетонной чаши бассейна состоит в укладывании двух слоёв армированной сетки и между ними арматуры. Для подсчёта необходимого количества сетки надо определить площадь дна и боковой поверхности (в случае со вторым слоем сетки, укладываемым по боковой стене, площадь

будет чуть меньше, однако мы эту погрешность будем игнорировать).

$S_{\text{внешняя}} = S_{\text{дна}} + S_{\text{боковой поверхности}} = \pi R^2 + 2\pi RH \approx 3,14 \cdot 1724^2 + 2 \cdot 3,14 \cdot 1724 \cdot 1224 = 9\,332\,632,64 + 13\,251\,905,28 = 22\,584\,537,92 \text{ мм}^2 \approx 22,58 \text{ м}^2 \approx 23 \text{ м}^2$. С учётом двух слоёв получаем 46 м^2 , в этом случае Михаилу Михайловичу понадобится купить 2 рулона сетки ($2 \times 25 \text{ м}^2 = 50 \text{ м}^2$) и заплатить за неё $2 \cdot 2800 = 5\,600$ рублей.

Арматуру между слоями сетки решено укладывать шагом 20 см, то есть по пять штук на каждый метр. С боковой поверхностью вычислить количество арматуры несложно: $C_{\text{дна}} = 2\pi R \approx 3,14 \cdot 1724 = 10\,862,72 \text{ мм} \approx 10,9 \text{ м} \approx 11 \text{ м}$ — длина окружности дна. $11 \cdot 5 = 55$ штук арматуры длиной $1224 \text{ мм} \approx 1,2 \text{ м}$. Длина арматуры, которая должна быть куплена, — $2,9 \text{ м}$, то есть на стены бассейна хватит $55 : 2 \approx 28$ штук.

На дно чаши арматуру решено укладывать параллельно диаметру (см. рис. 4) также с шагом 20 см. $d_{\text{дна}} = 2 \cdot 1724 \text{ мм} = 3448 \text{ мм} \approx 3,4 \text{ м}$. В этом случае придётся на дно уложить 31 штуку разной длины.

Михаил Михайлович решил не высчитывать точное количество по длине, так как с помощью сварочного аппарата можно использовать полученные обрезки. Тогда получится $28 + 31 = 59$ штук — необходимое количество арматуры. В этом случае с учётом доставки придётся заплатить $59 \cdot 300 + 1\,500 = 19\,200$ рублей.

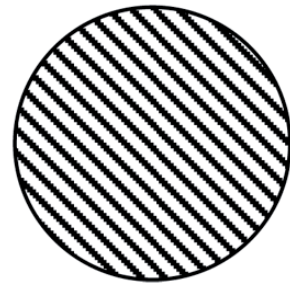

Рис. 4

За работу надо будет заплатить $23 \cdot 1000 = 23\,000$ рублей.

4. *Изготовление опалубки.* Для опалубки на рынке был предложен только один подходящий вариант досок длиной 6 м, шириной 15 см и толщиной 2,5 см. В этом случае доски можно распилить на 4 части по 1,5 м, что идеально подходит под высоту бетонной чаши. Рассчитаем количество досок для внешней и внутренней боковой поверхностей бетонной чаши, для этого нам нужно найти длины соответствующих окружностей:

$C_{\text{внешней чаши}} = 2\pi R \approx 2 \cdot 3,14 \cdot 1724 = 10\,826,72 \text{ мм} = 10,82672 \text{ м} \approx 10,8 \text{ м}$.

$C_{\text{внутренней чаши}} = 2\pi R \approx 2 \cdot 3,14 \cdot 1524 = 9\,570,72 \text{ мм} = 9,57072 \text{ м} \approx 9,6 \text{ м}$.

Тогда $10,8 + 9,6 = 20,4$ м — длина, по которой надо уложить доски шириной 15 см = $0,15$ м. Получаем, что $20,4 : 0,15 = 136$ досок длиной $1,5$ м понадобится для опалубки. Рассчитаем необходимый объём досок в кубометрах: $136 \cdot 1500 \cdot 150 \cdot 25 = 765\,000\,000$ мм³ = $= 0,765$ м³. Данное количество округляем до 1 м³, так как в строительстве такие точные поставки не практикуются. Получаем, что надо купить 1 м³ досок по $13\,500$ рублей. Так как оплата работы за установку и демонтаж опалубки рассчитывается по размерам готового бассейна, вычислим площадь боковой поверхности готового бассейна: $S_{\text{боковой поверхности}} = 2\pi RH \approx 2 \cdot 3,14 \cdot 1,5 \cdot 1 = 9,42$ м² $\approx 9,4$ м². В этом случае за работу надо заплатить $9,4 \cdot 4500 = 42\,300$ рублей.

5. *Бетонирование.* Было принято покупать готовый бетон с доставкой на участок в бетономешалке и сразу заливать в подготовленную форму. Для вычисления необходимого объёма бетона надо из объёма внешнего цилиндра бетонной чаши вычесть объём внутреннего (с учетом дна):

$$V_{\text{внешнего цилиндра}} - V_{\text{внутреннего цилиндра}} \approx 3,14 \cdot 1724^2 \cdot 1224 - 3,14 \cdot 1524^2 \cdot 1024 = 11\,423\,142\,351,36 - 7\,467\,917\,967,36 = 3\,955\,224\,384 \text{ мм}^3 \approx 3,95 \text{ м}^3 \approx 4 \text{ м}^3.$$

За бетон придется заплатить $4 \times 3500 = 14\,000$ рублей, а за доставку — $4\,900$ рублей, так как будет достаточно одной машины.

6. *Гидроизоляция.* Для вычисления количества обмазочной гидроизоляции понадобится нахождение суммы площадей боковой поверхности и дна.

$$S_{\text{гидроизоляции}} = S_{\text{дна}} + S_{\text{боковой поверхности}} = \pi R^2 + 2\pi RH \approx 3,14 \cdot 1524^2 + 2 \cdot 3,14 \cdot 1524 \cdot 1024 = 7\,292\,888,64 + 9\,800\,417,28 = 17\,093\,305,92 \text{ мм}^2 \approx 17 \text{ м}^2.$$

Гидроизоляцию решено сделать двухслойной, тогда рассчитаем расход материала: $17 \cdot 2 \cdot 700 = 23\,800$ г = $23,8$ кг, то есть понадобится купить 8 банок, что будет стоить $2600 \cdot 8 = 20\,800$ рублей. За работу придётся заплатить $17 \cdot 2 \cdot 300 = 4\,200$ рублей.

7. *Выравнивание стен и дна.* Для выравнивания покупается специальная влагостойкая штукатурка и наносится слоем в ≈ 20 мм. Расход выбранной Михаилом Михайловичем штукатурки на такой слой 14 – 16 кг на м². Найдем площадь поверхности, которую надо обработать штукатуркой.

$$S_{\text{обработки}} = S_{\text{дна}} + S_{\text{боковой поверхности}} = \pi R^2 + 2\pi RH \approx 3,14 \cdot 1501^2 + 2 \cdot 3,14 \cdot 1501 \cdot 1001 = 7\,074\,423,14 + 9\,435\,706,28 = 16\,510\,129,42 \text{ мм}^2 \approx 15,5 \text{ м}^2.$$

$M_{\text{штукатурки}} = 15,5 \text{ м}^2 \cdot 16 = 248 \text{ кг}$. Так как вес одного мешка 25 кг, то 10 мешков будет оптимально для данной работы. За это количество надо будет заплатить $10 \cdot 460 = 4\,600$ рублей. Работа обойдется в $15,5 \cdot 600 = 9\,350$ рублей.

8. *Отделка*. Пленка ПВХ продаётся в рулонах заданной толщины, поэтому необходимо посчитать площадь поверхности внутренней чаши. Один рулон имеет площадь 16,5 м². В предыдущем пункте была высчитана площадь поверхности чаши для больших размеров и получилось 15,5 м². Это значит, что одного рулона плёнки будет достаточно. Вычислим стоимость рулона: $16,5 \cdot 3\,400 = 56\,100$ рублей. Работа по отделке плёнкой рассчитывается по размерам готового бассейна. Площадь боковой поверхности была вычислена в пункте 4, рассчитаем площадь дна: $S_{\text{дна}} = \pi R^2 \approx 3,14 \cdot 1,5^2 = 7,065 \text{ м}^2 \approx 7 \text{ м}^2$. Тогда площадь покрытия пленкой будет равна $9,4 + 7 = 16,4 \text{ м}^2$ и в этом случае за работу надо будет отдать $16,4 \cdot 1\,200 = 19\,680$ рублей.

Представим все денежные расходы в табл. 3.

Таблица 3

Общая стоимость обустройства бассейна

№	Вид работы	Стоимость материала (в рублях)	Доставка/вывоз (в рублях)	Стоимость работы бригады (в рублях)
1	Рытьё котлована, вывоз грунта	-	16 000	28 400
2	Устройство основания бетонной чаши	Щебень — 3600 песок — 900	2 500 2 500	9 300
3	Армирование	Сетка — 5600 Арматура — 17 700	1 500 1 500	23 000
4	Опалубка	13 500	1 500	42 300
5	Бетонирование	14 000	4 900	2000
6	Гидроизоляция	20 800	2 000	4200
7	Выравнивание стен и дна чаши бассейна	4 600		7750
8	Отделка ПВХ	56 100		19 680
9	Дополнительные (мелкие) траты	15 000		-
	ИТОГО	151 800	32 400	136 630

Соберём полную информацию о стоимости трёх рассматриваемых Михаилом Михайловичем вариантов строительства бассейна:

Вариант 1: 400 000 рублей.

Вариант 2: $151\,800 + 32\,400 + 200\,000 = 384\,200$ рублей.

Вариант 3: $151\,800 + 32\,400 + 136\,630 = 320\,830$ рублей.

Получили, что третий вариант является самым дешёвым и Михаилу Михайловичу лучше выбрать его.

Ответ: 320 830 рублей.

По итогам решения задачи отметим, что были использованы формулы объёма цилиндра, площади круга, площади боковой поверхности цилиндра; был применен метод прикидки на основе ранее полученных данных (например, в пунктах 2 и 8); проводился контроль использования ранее полученной информации (например, в пункте 8); были проанализированы все полученные данные, включая полную стоимость материалов, доставки и работы строительной бригады. Данная задача может вызвать трудности у некоторых учащихся, а сильным ребятам можно дать усложнённый вариант, поэтому далее предлагаем несколько рекомендаций, которые имеет смысл использовать в таких случаях.

Варианты упрощённых заданий:

- 1) задать стоимость всех работ по размерам готового бассейна;
- 2) игнорировать толщину изоляции и ПВХ-пленки;
- 3) убрать арматуру и оставить только армирующую сетку;
- 4) задать размеры не в миллиметрах, а в метрах;
- 5) провести решение только для некоторых этапов приведённой задачи: например, рассчитать количество машин для вывоза грунта или для доставки бетона;
- 6) рассчитать необходимое для заполнения бассейна количество воды.

Варианты усложнённых заданий:

- 1) найти погрешности в расчётах и их исправить;
- 2) убрать точные подсчёты там, где они не являются необходимыми;
- 3) задать систему скидок от некоторого количества материала на доставку или сам материал;
- 4) предложить рассмотреть альтернативный вариант гидроизоляции боковой поверхности бассейна до установления опалубки;
- 5) посчитать более точно количество арматуры, необходимое для армирования дна;

6) рассмотреть вариант самостоятельного замешивания бетона на участке;

7) продумать систему наполнения и слива воды, внести коррективы и дополнения в процесс строительства;

8) используя различные интернет-источники, обновить цены на материалы, доставку, работу;

9) рассчитать затраты на обслуживание бассейна (очистка воды, подогрев воды, установка фильтрационной системы).

Заключение. В статье представлена практико-ориентированная задача по стереометрии с подробным решением и рекомендациями. Разобранную в работе задачу авторы рекомендуют использовать либо на уроке в качестве закрепления материала, либо на дополнительных внеурочных занятиях. Данный тип задач вызывает интерес к учебному материалу, формирует внимательность, аккуратность, сообразительность, улучшает навыки анализа, сравнения, обобщения; наглядно иллюстрирует представление об эффективности решения поставленной проблемы. Применение задач с экономическим и практическим содержанием повышает качество обучения математическим дисциплинам, математическую грамотность, познавательный интерес, кругозор. Часто на занятиях не хватает времени для включения задач такого типа, однако именно такие задания становятся мотивационными при изучении математических дисциплин и поэтому необходимы в общем образовательном процессе.

Список источников

1. Хрянина И. М., Гаврилова М. А. Использование практико-ориентированных заданий в обучении математике // THEORIA: педагогика, экономика, право. 2021. № 1 (2). С. 36–41.

2. Трунтаева Т. И., Варламкина С. С. Практико-ориентированные задачи в обучении математике // Вестник Калужского университета. 2021. № 1 (50). С. 120–123.

3. Карбачинская Н. Б., Харитонов Е. Е. Приложение Photomath: положительные и отрицательные факторы влияния на обучение математическим дисциплинам // Человек. Культура. Образование. 2022. № 3. С. 173–185. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2022-3-173>.

4. Таранова М. В. Роль и место практико-ориентированных задач в курсе школьной математики // Философия образования. 2020. Т. 20. № 4. С. 185–197.

5. Тарасова Т. А. Практико-ориентированный подход в обучении математике // Kant. 2020. № 3 (36). С. 397–403.

6. Сурикова С. В., Коваленко Е. К. Организация работы с практико-ориентированными задачами в процессе обучения младших школьников математике // Герценовские чтения. Начальное образование. 2023. Т. 14. № 2. С. 48–53.

7. Лешкович Н. Б. Прикладная математика и экономико-математические методы и модели в туристском образовании экономиста-менеджера // Современные проблемы сервиса и туризма. 2008. № 3. С. 81–87.

References

1. Hryanina I. M., Gavrilova M. A. Using practice-oriented tasks in teaching mathematics. *THEORIA: pedagogika, ekonomika, pravo* [THEORIA: Journal of Educational Studies]. 2021. No 1 (2). Pp. 36–41. (In Russ.)

2. Truntaeva T. I., Varlamkina S. S. Practice-oriented tasks in teaching mathematics. *Vestnik Kaluzhskogo universiteta* [Bulletin of the Kaluga University]. 2021. No 1 (50). Pp. 120–123. (In Russ.)

3. Karbachinskaya N. B., Haritonova E. E. Photomath App: Positive and Negative Impact on Mathematical Learning. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie* [Human. Culture. Education]. 2022. No 3. Pp. 173–185. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2022-3-173>. (In Russ.)

4. Taranova M. V. The role and place of practice-oriented tasks in the school mathematics course. *Filosofiya obrazovaniya* [Philosophy of education]. 2020. Vol. 20. No 4. Pp. 185–197. (In Russ.)

5. Tarasova T. A. Practice-oriented approach in teaching mathematics. *Kant* [Kant]. 2020. No 3 (36). Pp. 397–403. (In Russ.)

6. Surikova S. V. Kovalenko E. K. Organization of work with practice-oriented tasks in the process of teaching mathematics to primary school students. *Gerzenovskie chteniya. Nachal'noe obrazovanie* [Herzen readings. Primary education]. 2023. Vol. 14. No. 2. Pp. 48–53. (In Russ.)

7. Leshkovich N. B. Applied Mathematics and Economic-Mathematical Methods and Models in Tourism Education of Economist-Manager. *Sovremennye problemy servisa i turizma* [Service and Tourism: Current Challenges]. 2008. No 3. Pp. 81–87. (In Russ.)

Сведения об авторах

Архипова Ирина Анатольевна, старший преподаватель кафедры общеобразовательных дисциплин, Российский государственный университет правосудия (117418, Россия, Москва, Новочерёмушкинская ул., 69)

Карбачинская Наталия Борисовна, старший преподаватель кафедры общеобразовательных дисциплин, Российский государственный университет правосудия (117418, Россия, Москва, Новочерёмушкинская ул., 69)

Харитоновна Елена Евгеньевна, старший преподаватель кафедры общеобразовательных дисциплин, Российский государственный университет правосудия (117418, Россия, Москва, Новочерёмушкинская ул., 69)

Information about the authors

Irina A. Arkhipova, Senior Lecturer, Department of General Education Disciplines, Russian State University of Justice (69, Novocheremushkinskaya St., Moscow, 117418, Russia)

Natalia B. Karbachinskaya, Senior Lecturer, Department of General Education Disciplines, Russian State University of Justice (69, Novocheremushkinskaya St., Moscow, 117418, Russia)

Elena E. Kharitonova, Senior Lecturer, Department of General Education Disciplines, Russian State University of Justice (69, Novocheremushkinskaya St., Moscow, 117418, Russia)

Статья поступила в редакцию / The article was submitted	05.06.2024
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing	24.08.2024
Принята к публикации / Accepted for publication	10.09.2024

Научная статья / Article

УДК 37.378

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2025-1-131>

Непрерывное профессиональное педагогическое образование учительских кадров в 1917–1940 гг.

Марина Петровна Герасимова¹, Мария Николаевна Герасимова²

¹Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина, Сыктывкар, Россия

²Сыктывкарский гуманитарно-педагогический колледж имени И. А. Куратова, Сыктывкар, Россия,

¹gmarinap@yandex.ru, ²mashen_ka_90@mail.ru

Аннотация. В статье на основе обзора исследований и обобщения документов рассматривается вопрос формирования непрерывного профессионального педагогического образования в 1917–1940 годах. Отмечается, что развитие профессионального педагогического образования в России периода 1917–1940 годов основывается на государственной идеологии. Показаны пути формирования единой системы подготовки квалифицированных педагогических кадров. В заключении статьи указывается, что в ис-

следуемый период система профессионального педагогического образования учительских кадров продолжала развиваться во взаимосвязи различных ее звеньев, однако преемственная организация содержания и методов педагогического образования сложилась лишь частично.

Ключевые слова: непрерывность, преемственность, профессиональное педагогическое образование, учительские кадры, совещания, съезды, конференции

Для цитирования: Герасимова М. П., Герасимова М. Н. Непрерывное профессиональное педагогическое образование учительских кадров в 1917–1940 гг. // Человек. Культура. Образование. 2025. № 1. С. 131–143. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2025-1-131>

Continuous Professional Pedagogical Education of Teachers in 1917–1940

Marina P. Gerasimova¹, Maria N. Gerasimova²

¹ Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar, Russia

² Syktyvkar Humanitarian Pedagogical College named after I. A. Kuratov, Syktyvkar, Russia,

¹ gmarinap@yandex.ru; ² mashen_ka_90@mail.ru

Abstract. *The article based on a review of research and a summary of documents, examines the issue of the formation of continuous professional pedagogical education in 1917–1940, which is an aspect of our research. It is noted that the development of professional pedagogical education in Russia in the period 1917–1940 is based on state ideology. The article shows the ways of forming a unified system of training qualified teaching staff. In conclusion, the article indicates that during the period under study, the system of professional pedagogical education of teaching staff continued to develop in the interrelation of its various elements, but the successive organization of the content and methods of pedagogical education was formed only partially.*

Keywords: continuity, succession, professional pedagogical education, teaching staff, meetings, congresses, conferences

For citation: Gerasimova M. P., Gerasimova M. N. Continuous Professional Pedagogical Education of Teaching Staff in 1917–1940. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education*, 2025; 1: 131–143. (In Russ.) <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2025-1-131>

Введение. Концепция идеи непрерывного образования, по мнению А. И. Пискунова, была заложена Я. А. Коменским, которым и было введено смысловое определение понятия «непрерывность»

образования» [1], предложенное в 1968 году на генеральной конференции ЮНЕСКО и в 1984 году положенное в основу трактовки принципа непрерывности. Сегодня, обобщая исследования по этому вопросу, можно говорить, что основная идея непрерывного педагогического образования состоит в решении задач профессионального развития в комплексе образовательных организаций, обеспечивающих единство и преемственность содержания образования. Таким образом, современное непрерывное профессиональное педагогическое образование включает два основных аспекта: реально функционирующую систему образовательных организаций педагогического профиля и преемственную организацию содержания и методики педагогического образования.

Материалы исследования, теоретическая база. Одна из точек зрения на становление непрерывного образования сводится к тому, что хотя идея непрерывности существует уже давно, но соответствующий вид практики непрерывного образования возник недавно. Особым в этом смысле является послереволюционный период, когда идея непрерывности получила новые возможности в области подготовки педагогических кадров. В материалах съездов, совещаний и конференций была заявлена непрерывность и преемственность ступеней профессионального педагогического образования, что и является целью нашего исследования.

Результаты исследования. К исследуемому нами периоду в России сложились отдельные звенья специальной подготовки учителей (училища, академии, институты, семинарии, классы, гимназии, курсы), обладающие признаками системности. Были созданы условия, способствующие взаимосвязи и преемственности содержания педагогического образования, что формировало единое образовательное пространство. Существовали возможности переподготовки и повышения квалификации учителей, пропагандировалось самообучение и продолжение образования. Нельзя не признать, что разноуровневая структура подготовки учителей придавала этому пространству качество непрерывности.

Рассматриваемый нами период характеризуется рядом реформ, связанных со сменой политической власти, с установлением новых государственных органов власти, реализующих политику в сфере образования (Центральный исполнительный комитет, Совет народных комиссаров, Всероссийский съезд Советов и др.), деятельность которых, по мнению исследователей (И. И. Белицкий, Е. А. Ялозина

и др.), приводила то к разрушению существующей системы образования, то к возвращению к предшествующему опыту и поиску путей развития не только системы общего образования, но и профессионального педагогического образования [2, с. 67].

Новая государственная идеология послереволюционного периода, основанная на пропаганде коммунистических идей, поставила вопрос подготовки учителей как одной из основных политических сил под контроль государства. Решение об организации единого типа института для подготовки новых кадров работников просвещения было принято I Всероссийским съездом работников просвещения. Организация современной на тот период системы профессионального педагогического образования была задачей будущего, учитывая условия молодого государства [3, с. 118].

В августе 1919 года прошло II Всероссийское совещание по педагогическому образованию. На нем было принято решение о сближении с единой трудовой школой. Для решения этой задачи часть учительских семинарий, педагогических курсов и учительских институтов были преобразованы в Институты народного образования [4, с. 43], реализующие единые учебные планы, утвержденные в 1918 году Всероссийским совещанием деятелей по подготовке преподавателей. Однако А. А. Платонова считает, что содержание учебных планов было направлено на изучение в основном общеобразовательных предметов, а профиль подготовки учителей не был четко определен [5].

Просуществовали Институты народного образования до 1921 года. Причины их ликвидации рассматриваются исследователями (С. А. Курасов, Н. Г. Ялозина, Е. А. Кац и др.) с точки зрения хозяйственной разрухи, слабой экономики послереволюционного государства, охваченного гражданской войной. Исследования показывают: для того, чтобы питаться, студенты должны были работать в подсобном хозяйстве института, а размер стипендии позволял купить лишь ведро картошки [6, с. 118]. Причиной стало и то, что правительство страны, не имея опыта создания вузов, в попытках унификации высшего образования и имея небольшие представления об организации высшей школы, не предусмотрело переходного периода для становления и организации жизни института.

Институты народного образования, не успевшие показать результаты своей деятельности, были преобразованы в Практические институты народного образования, принимавшие лиц, не имевших

даже среднего образования, также стали неудачной попыткой реформы высшей школы. Уже к 1922 году Главное управление профессионального образования отказалось от организации практических институтов, признав неудачной попытку подготовки в них учителей, преобразовав их в другие элементы системы педагогического образования (институты политпросвещения, педагогические факультеты университетов, педагогические курсы) [7, с. 81].

Таким образом, институты, прошедшие в рассматриваемый нами период различные преобразования, оставались основным звеном системы профессионального педагогического образования, обеспечивали профессиональное образование и готовили верных советской власти педагогов.

Охват начальным образованием всех детей требовали все больше педагогов. Поэтому в рассматриваемый нами период в школах работало много учителей, не имеющих специальной педагогической и политической подготовки. В связи с этим власти опасались тех педагогов, кто не был подготовлен к решению задач коммунистического воспитания подрастающего поколения. Основной задачей отдела переподготовки педагогического персонала Главного управления социального воспитания и политехнического образования Народного комиссариата просвещения органов народного образования было создание государственной системы непрерывной переподготовки педагогов. Для решения этого вопроса было задействовано одно из уже сложившихся звеньев системы профессионального педагогического образования — курсы подготовки учителей (курсы повышения квалификации и курсы переподготовки), обеспечивающие непрерывность и преемственность профессионального педагогического образования.

Мероприятия, направленные на подготовку учителей, были организованы Большой государственной комиссией по просвещению еще в 1918 году. Так, протоколом от 8 января 1918 года обсуждался вопрос о создании культурно-просветительской комиссии, которая, по словам М. И. Калинина, должна «приноровить свою работу к профессиональному образованию» [8, с. 127]. В нем зафиксировано, что в вопросе «О съезде по внешкольному образованию» обсуждалось содержание программы шестинедельных курсов для учителей, имеющих образование не ниже семинарии, и для лиц, закончивших школы любого типа, не имеющих образовательного ценза.

Л. Р. Менжинская высказала мнение, что «в программе курсов слишком много внимания уделено педагогике, в то время как в нее не вошли совершенно общественные науки: политическая экономия, история в новом понимании» [8, с. 129]. В. Р. Мрочек полагал, что «преподавание на курсах педагогики необходимо, работающие на местах должны быть энциклопедистами. Им необходимо знать методы, лежащие в основе преподавания различных предметов». По его мнению, «1 отдел программы “История народа” включает общественные науки» [8, с. 129]. Таким образом, содержание курсов решало задачу подготовки педагогических кадров как для уже подготовленных в семинариях учителей на курсах повышения квалификации, обеспечивая движение вперед в профессиональном развитии, а содержание курсов переподготовки для лиц, не имеющих педагогического образования, позволяло совершать движение по горизонтали, обеспечивая первоначальную педагогическую подготовку.

С началом новой экономической политики, сутью которой была экономическая либерализация при строгом политическом контроле, вопросу подготовки учительства большое внимание было уделено на IV Всероссийском съезде работников просвещения (декабрь 1922 г.), где отмечалось, что отделы народного образования (далее — ОНО) должны были разработать программы, методы и формы проведения «широкой кампании по политическому просвещению и педагогической квалификации учительства, в первую очередь сельских и городских школах 1-й ступени» [9, с. 152].

Исследования Н. Г. Каца [10, с. 3] показывают, что содержательную непрерывность и преемственность профессионального педагогического образования в исследуемый период обеспечивали 150-часовые (75 часов из которых составлял педагогический цикл) уездные курсы повышения квалификации и переподготовки кадров. Целью их было «помочь рядовому педагогу разобраться в современной экономической и политической действительности, осветить и проработать с ними наиболее значительные в его повседневной педагогической практике вопросы, вызвать интерес к дальнейшей самообразовательной работе и указать ее пути» [11, с. 166].

В мае 1924 года на I Всероссийской конференции по переподготовке работников социального воспитания Н. К. Крупская «определила основные задачи учительства, среди которых было умение разбираться в явлениях экономической, политической жизни и явлениях природы, владеть методом изучения действительно-

сти и разбираться в общественных явлениях», а также было предложено совершенствовать и использовать различные методы переподготовки учителей: заочное обучение, опорные пункты, районные школы, дома работников просвещения, кружки педагогического объединения [3, с. 67]. Поэтому ОНО начали разработку семинедельной программы переподготовки учителей, которую предполагалось реализовать на летних курсах. Исследования Е. А. Ялосиной показали, что учителя проявили большой интерес к курсам, поскольку проводились они на высоком организационном уровне [3, с. 68], знакомили педагогов с новыми для того времени методами и формами работы, включали вопросы школьного образования.

С одной стороны, курсы повышения квалификации и переподготовки учительских кадров выступали в этот период отдельным звеном системы профессионального педагогического образования, с другой — обеспечивали перманентное образование учителей, с третьей — решали задачи специальной педагогической и политической подготовки. Непрерывное профессиональное педагогическое образование здесь рассматривается как образование взрослых, компенсирующих недостатки в знаниях в связи с новыми требованиями жизни и профессии.

К 1921 году была упорядочена и созданная на базе учительских семинарий система среднего профессионального педагогического образования, которая является одним из звеньев непрерывного профессионального педагогического образования. К этому времени в России действовало 197 педагогических техникумов [12, с. 131–148]. Обучение в техникумах длилось в зависимости от образования, полученного до 1917 года, от 6 месяцев до 2 лет.

Постановлением Совнаркома СССР от 13 января 1934 г. «О подготовке научных и научно-педагогических работников» открывалась аспирантура — еще одна ступень педагогического профессионального образования. Руководство страны утвердилось во мнении, что «без научно-исследовательской работы не может осуществляться подготовка специалистов на уровне требований современной науки. Без этого немислимо повышение квалификации научно-педагогических кадров» [13, с. 229–235].

Таким образом, непрерывное профессиональное педагогическое образование в рассматриваемый нами период сохранило совокупность различных образовательных форм: высшего и среднего образования, повышения квалификации и переподготовки, после-

вузовского образования, однако в ответ на запросы социума перепелю изменения в содержательном плане.

Об организации содержательной и методической преемственной профессиональной подготовки педагогических кадров говорила Н. К. Крупская. В докладах «О реорганизации подготовки учителя» (1923 г.) и «О подготовке педагога» (1930 г.) она высказала идею о взаимной связи педагогических техникумов, пединститутов, школ II ступени с педагогическим уклоном, курсов при педфаках и курсов переподготовки, отметив, что «педвуз должен группировать вокруг себя все ценные педагогические силы, и тогда он будет той производственной могучей единицей, которая будет влиять на все дело народного образования, и тогда уже не будет разговоров о том, что делать, как составлять программу: живая жизнь будет вливаться в педвузы. Педтехникумы не могут быть предоставлены сами себе. ... Необходимо, чтобы на краевые педвузы была возложена помощь педтехникумам. ... Своих лучших студентов, наиболее талантливых организаторов, наиболее талантливых педагогов, выбираемых на общих собраниях старших курсов, самых лучших аспирантов надо посылать в помощь педтехникумам» (Опорные пункты педобразования, 1931 г.) [14].

В середине 1930-х годов руководством страны была проанализирована деятельность высшей школы и выявлены «недочеты» в подготовке кадров (необеспеченность вузов кадрами, библиотеками, лабораториями, отсутствие учебников, «параллелизм» в подготовке кадров и др.). Поэтому в сентябре 1932 года Постановлением ЦИК СССР «Об учебных программах и режиме в высшей школе и техникумах» были определены пути улучшения высшего образования. В нем планировалось повысить уровень теоретического образования, укрепить связь вузов с производством, повысить качество учебы [15]. Основным документом организации работы вузов стало Постановление Совнаркома и ЦК ВКП(б) СССР от 23 июня 1936 г. «О работе высших учебных заведений и руководстве высшей школы», которое регламентировало правила приема в вузы, формы работы со студентами (лекции, практические занятия и практика), были введены экзамены в конце каждого курса, изменена процедура защиты дипломных работ и др. [16, с. 351]. «Положение о производственной практике студентов высших учебных заведений Союза ССР», утвержденное 26 марта 1938 г., определило непрерывность производственной практики для закрепления теоретических зна-

ний, которые получают студенты при изучении специальных дисциплин [13, с. 229].

Заключение. Таким образом, вопрос подготовки учителей периода 1917–1940 годов контролировался государством, был нацелен на закрепление позиций Коммунистической партии в подготовке специалистов и определялся задачами политического и педагогического характера, что приводило к изменению содержания образования. Осознавалась необходимость сохранения лучших форм и методов педагогического образования. Надо признать, что непрерывное профессиональное педагогическое образование несло идею единства реально функционирующих образовательных организаций педагогического профиля и рассматривалось как система взаимосвязи всех ее звеньев, внутри которых делались попытки преемственной организации содержания и методов педагогического образования, лежащие в основе современного непрерывного педагогического образования. Однако непрерывность как процесс, который не имеет перерывов в организации содержания педагогического образования, не получил возможности развития, многократно изменялся и остановился лишь на некоторых звеньях системы. Содержательный аспект преемственной организации между звеньями этой системы как движение в профессиональном образовательном пространстве вверх в исследуемый нами период сложился только между двумя звеньями: институтом / педтехникумом и курсами переподготовки / повышения квалификации, обеспечивающим компенсацию профессионального образования в связи с требованиями современного общества. Однако даже такая разнородная структура подготовки педагогических кадров давала возможность реализации непрерывного профессионального педагогического образования, что представляет результат практического его использования в современный период.

Список источников

1. История педагогики и образования. От зарождения воспитания в первобытном обществе до конца XX века : учебное пособие для педагогических учебных заведений / под общ. ред. акад. А. И. Пискунова. 3-е изд., испр. и доп. М.: Сфера, 2007. 496 с.
2. Белицкий И. И. Образовательная политика России в конце 1917–1929 гг. // Социально-гуманитарные знания. 2013. № 1. С. 215–227. URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/obrazovatel'naya-politika-rossii-v-kon-1917-1920> (дата обращения: 12.02.2024).

3. Ялозина Е. А. Подготовка кадров советских учителей в 1920–1930-х годах: организационно-методические поиски и проблемы: курсы подгот. и переподгот. учителей // Наука и школа: науч.-метод. журнал. 2009. № 6. С. 66–69. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/podgotovka-kadrov-sovetskih-uchiteley-v-1920-1930-h-godah-organizatsionno-metodicheskie-poiski-i-problemy> (дата обращения: 14.02.2024).

4. Васильев К. И. Очерки по истории высшего педагогического образования в РСФСР (1919–1932). Воронеж: Центр.-Черноземное кн. изд-во, 1966. 294 с.

5. Платонова А. А. Развитие профессионально-педагогического интереса у студентов высших педагогических заведений в 20-е годы XX века: на примере подготовки учителя I ступени : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Елецк, 2006. URL: <https://www.dissercat.com/content> (дата обращения: 19.12.2023).

6. Курасов С. А. Институты народного образования — первый советский эксперимент в сфере высшего образования // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 5. Ч. 2. С. 116–119.

7. Широкова М. П., Кочурина С. А. Томский государственный университет — исторический преемник Томского учительского института // Вестник ТГПУ, 2000. № 7 (23). С. 80–81. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tomskiy-gosudarstvennyu-universitet-istoricheskiy-preemnik-tomskogo-uchitelskogo-instituta> (дата обращения: 02.03.2024).

8. Архив новейшей истории России. Т. XII: Культура, наука и образование. Октябрь 1917–1920 г. Протоколы и постановления Наркомпроса РСФСР: в 3-х кн. Книга 1. Октябрь 1917–1918 г. / отв. ред. Л. А. Роговая; отв. сост. Б. Ф. Додонов; сост.: Г. Н. Иофис, О. Н. Копылова, Т. Н. Котлова, В. И. Широков. М.: Российская политическая энциклопедия. 2012. 1175 с. (Публикации).

9. Вторая сессия Пленума Цекпроса // Народное просвещение: Ежемесячный журнал Наркомпроса. 1923. № 6. С. 152.

10. Кац Н. Г. Советизация российского учительства в годы НЭПа // Новый исторический вестник. 2001. № 3. С. 1–9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovietizatsiya-rossiyskogo-uchitelstva-v-gody-nepa> (дата обращения: 27.03.2024).

11. Схема работ на уездных 4-х недельных педагогических курсах-конференциях // Народное просвещение: Ежемесячный журнал Наркомпроса. 1923. № 6. С. 166.

12. Войтеховская М. П., Кочурина С. А. Формирование сети педагогических учебных заведений в Сибири и на Дальнем Востоке в условиях со-

ветской модернизации образования и введения всеобщего обучения в 1917 — начале 1930-х гг. // Научно-педагогическое обозрение. 2022. Вып. 6 (46). С. 131–148.

13. Донченко А. С., Самоловова Т. Н. Реформирование высшей школы Советского государства в декретах и постановлениях партии и правительства (1917–1938 гг.) // Вестник КрасГАУ. 2014. № 10. С. 229–235.

14. Крупская Н. К. Реорганизация подготовки учительства. Педагогические сочинения. Том 03: Обучение и воспитание в школе / под ред. Н. К. Гончарова, Н. А. Каирова, Н. А. Константинова. М: Академия педагогических наук, 1959. URL: <http://www.detskiysad.ru/ped/ped311.html> (дата обращения: 11.012024).

15. Об учебных программах и режиме в высшей школе и техникумах : постановление ЦИК СССР // Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа : сб. док. 1917–1973 гг. М.: Педагогика, 1974. URL: <https://istmat.org/node/57484> (дата обращения: 23.03.2024).

16. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898–1988) / под общ. ред. А. Г. Егорова, К. М. Боголюбова // КПСС, Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. 1985. Т. 6. 431 с. URL: <http://elibr.shpl.ru/ru/nodes/8618-t-6-1933-1937-1985> (дата обращения: 22.03.2024).

References

1. *Istoriya pedagogiki i obrazovaniya. Ot zarozhdeniya vospitaniya v pervobytnom obshchestve do konca XX veka* [History of pedagogy and education. From the origins of education in primitive society to the end of the 20th century]. Under the general editorship of academician A. I. Piskunov. 3rd ed., corrected. and add. Moscow: TC Sfera, 2007. 496 p. (In Russ.)

2. Belitsky I. I. Educational policy of Russia in late 1917–1929. *Social'no-gumanitarnye znaniya* [Social and humanitarian knowledge]. 2013. No 1. Pp. 215–227. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/obrazovatel'naya-politika-rossii-v-kontse-1917-1920> (accessed 12.02.2024). (In Russ.)

3. Yalozina E. A. Training of Soviet teachers in the 1920–1930s: organizational and methodological searches and problems: courses for training and retraining of teachers. *Nauka i shkola: nauch.-metod. zhurnal* [Science and School: scientific and methodological journal]. 2009. No 6. Pp. 66–69. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/podgotovka-kadrov-sovetskih-uchiteley-v-1920-1930-h-godah-organizatsionno-metodicheskie-poiski-i-problemy> (accessed 14.02. 2024). (In Russ.)

4. Vasiliev K. I. *Ocherki po istorii vysshego pedagogicheskogo obrazovaniya v RSFSR (1919–1932)* [Essays on the history of higher pedagogical education in the RSFSR (1919–1932)]. Voronezh: Center. Chernozemnoe kn. publ., 1966. 294 p. (In Russ.)

5. Platonova A. A. *Razvitie professional'no-pedagogicheskogo interesa u studentov vysshih pedagogicheskikh zavedenij v 20-e gody XX veka: na primere podgotovki uchitelya I stupeni : avtoreferat dis. ... kand. ped. nauk* [Development of professional and pedagogical interest among students of higher pedagogical institutions in the 1920s: on the example of training a first-level teacher : abstract of dissertation for the academic degree of Cand. Ped. Sciences]. Yelets, 2006. Available at: <https://www.dissercat.com/content> (accessed 19.12.2023). (In Russ.)

6. Kurasov S. A. Institutes of public education — the first Soviet experiment in the field of higher education. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice]. Tambov: Gramota, 2014. No 5. Part 2. Pp. 116–119. (In Russ.)

7. Shirokova M. P., Kochurina S. A. Tomsk State University — the historical successor of Tomsk Teachers' Institute. *Vestnik TGPU* [Bulletin of TSPU]. 2000. No 7 (23). Pp. 80–81. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/tomskiy-gosudarstvennyy-universitet-istoricheskij-preemnik-tomskogo-uchitelskogo-instituta> (accessed 02.03.2024). (In Russ.)

8. *Arhiv novejshej istorii Rossii. Seriya «Publikacii». T. XII: Kul'tura, nauka i obrazovanie. Oktjabr' 1917–1920 g. Protokoly i postanovleniya Narkomprosa RSFSR : v 3 kn. Kn. 1. Octjabr' 1917–1920 g.* [Archive of the modern history of Russia. Series “Publications”. Vol. XII: Culture, science and education. October 1917–1920. Protocols and resolutions of the People's Commissariat of Education of the RSFSR : in 3 books. Book 1. October 1917–1918]. Ed. L. A. Rogovaya; ed. comp. B. F. Dodonov; comp.: G. N. Iofis, O. N. Kopylova, T. N. Kotlova, V. I. Shirokov. Moscow: Russian political encyclopedia. 2012. 1175 p. (In Russ.)

9. The second session of the Plenum of the Central Committee of Education. *Narodnoe prosveshchenie. Ezhemesyachnyj zhurnal Narkomprosa* [Public education. Monthly journal of the People's Commissariat of Education]. Moscow: Petrograd: State Publishing House, 1923. No 6. P. 152. (In Russ.)

10. Katz N. G. Sovietization of Russian teachers during the NEP years. *Novyj istoricheskij vestnik* [New Historical Bulletin]. 2001. No 3. Pp. 1–9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovietizatsiya-rossijskogo-uchitelstva-v-gody-nepa> (accessed: 27.03.2024). (In Russ.)

11. Scheme of work at district 4-week pedagogical courses-conferences. *Narodnoe prosveshchenie. Ezhemesyachnyj zhurnal Narkomprosa* [Public education. Monthly journal of the People's Commissariat of Education]. Moscow: Petrograd, State Publishing House, 1923. No 6. P. 166. (In Russ.)

12. Voitekhovskaya M. P., Kochurina S. A. Formation of a network of pedagogical educational institutions in Siberia and the Far East in the context of Soviet modernization of education and the introduction of universal education in 1917 — early 1930s. *Nauchno-pedagogicheskoe obozrenie* [Scientific and pedagogical review]. 2022. Issue. 6 (46). Pp. 131–148. (In Russ.)

13. Donchenko A. S., Samolovova T. N. Reform of higher education of the Soviet state in decrees and resolutions of the party and government (1917–1938). *Vestnik KrasGAU* [Bulletin of KrasSAU]. 2014. No 10. Pp. 229–235. (In Russ.)

14. Krupskaya N. K. *Reorganizaciya podgotovki uchitel'stva. Pedagogicheskie sochineniya. Tom 03: Obuchenie i vospitanie v shkole* [Reorganization of teacher training. Pedagogical Works. Volume 03: Education and Upbringing at School]. Edited by N. K. Goncharov, N. A. Kairov, N. A. Konstantinov. Moscow: Academy of Pedagogical Sciences, 1959. Available at: <http://www.detskiysad.ru/ped/ped311.html> (accessed 11.01.2024). (In Russ.)

15. Resolution of the Central Executive Committee of the USSR. On Curricula and Regime in Higher Schools and Technical Schools. *Narodnoe obrazovanie v SSSR. Obshcheobrazovatel'naya shkola: sb. dok. 1917–1973 gg.* [Public Education in the USSR. Comprehensive School: Coll. Doc. 1917–1973]. Moscow: Pedagogy, 1974. Available at: <https://istmat.org/node/57484> (accessed 23.03.2024). (In Russ.)

16. *Kommunisticheskaya partiya Sovetskogo Soyuza v rezolyuciyah i resheniyah s"ezdov, konferencij i Plenumov CK (1898–1988)* [The Communist Party of the Soviet Union in resolutions and decisions of congresses, conferences and Plenums of the Central Committee (1898–1988)]. Under the general. ed. A. G. Egorov, K. M. Bogolyubov. CPSU, Institute of Marxism-Leninism under the Central Committee of the CPSU. 1985. Vol. 6. 431 p. Available at: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/8618-t-6-1933-1937-1985> (accessed 22.03.2024). (In Russ.)

Сведения об авторах

Герасимова Марина Петровна, канд. пед. наук, доцент, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина (167001, Россия, Сыктывкар, Октябрьский пр., 55)

Герасимова Мария Николаевна, преподаватель, Сыктывкарский гуманитарно-педагогический колледж имени И. А. Куратова (167001, Россия, Сыктывкар, Октябрьский пр., 24)

Information about the authors

Marina P. Gerasimova, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (55, Oktyabrsky Prosp., Syktyvkar, 167001, Russia)

Maria N. Gerasimova, teacher, Syktyvkar Humanitarian and Pedagogical College named after I. A. Kurastov (24, Oktyabrsky Prosp., Syktyvkar, 167001, Russia)

Статья поступила в редакцию / The article was submitted	30.07.2024
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing	05.09.2024
Принята к публикации / Accepted for publication	13.01.2025

Научная статья / Article

УДК [811.124 + 811.111 + 811.112.2 + 811.161.1], 811.11-112, [372.881.111.1 + 372.881.111.22]

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2025-1-144>

Установление закономерностей в области консонантизма латинского, русского, английского и немецкого языков как способ развития полиязыковой личности будущего учителя иностранных языков

Жанна Кимовна Гух¹, Екатерина Владимировна Власкина²

Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина,
Сыктывкар, Россия,

¹zhanna_guh@mail.ru, ²vlaskina29012004@icloud.com

Аннотация. Грамотный специалист в области обучения иностранным языкам, в частности английскому и немецкому, наряду с практическими иноязычно-речевыми навыками должен обладать научным подходом к преподаваемым языкам. Данная статья продолжает исследование, начатое в рамках учебной дисциплины «Латинский язык и античная культура» на начальном этапе обучения в Институте иностранных языков Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина. Латинский язык в условиях актуальной методической действительности (отсутствие курсов по истории изучаемых языков) становится связующим звеном на пути получения теоретических знаний о сходстве и различиях в области консонантизма четырёх языков: латинского, русского как исходного у обучающихся и двух изучаемых германских языков. Цель исследования — выявление закономерностей в области консонантизма латинского, русского, английского и немецкого языков на основе авторской таблицы родственных слов, отобранных методом сплошной выборки из лексического минимума учебника «Латинский язык» под редакцией В. Н. Ярхо и В. И. Лободы и дополненных данными из этимологических словарей. В работе используются метод сплошной выборки из лексического минимума учебника «Латинский язык», анализ словарных статей этимологических словарей, сравнительно-исторический метод. Исследование закономерных звуковых соответствий в 155 этимологических параллелях показывает действие первого и второго передвижений согласных, закона Вернера, перехода германского *r* в немецкий *d*. Так, выявлено 79 случаев на действие первого передвижения согласных в английском и немецком языках. Большая часть закономерностей выпала на соответствие индоевропей-

ским глухим смычным *p, t, k* (в латинских и русских словах) германских глухих щелевых *f, þ, x*. В материале исследования встретился 41 случай действия второго передвижения согласных и перехода германского *þ* в немецкий *d* — эта особенность существенно ограничивает консонантизм немецкого языка от системы согласных английского языка и других германских языков. Также выявлены более частные специфические черты английского и немецкого языков: а) соответствие немецкому *d* английского *u* в результате вокализации [*g*] в сочетаниях *ad, eg*; б) выпадение согласной *h* в сочетаниях *hl-, hr-, hn-, hw-* в обоих германских языках; в) удвоение согласного после *j* в английском и немецком языках; г) отсутствие носового перед щелевыми в английском языке. Умелое использование установленных фонетических соответствий способствует более осознанному и успешному овладению английским и немецким языками, а также непрерывному накоплению нового знания, не только декларативного и прикладного, но и научно обоснованного.

Ключевые слова: полиязыковая личность, учитель иностранных языков, слова индоевропейского происхождения в латинском, русском, английском и немецком языках, консонантизм, закономерные звуковые соответствия

Для цитирования: Гух Ж. К., Власкина Е. В. Установление закономерностей в области консонантизма латинского, русского, английского и немецкого языков как способ развития полиязыковой личности будущего учителя иностранных языков // Человек. Культура. Образование. 2025. № 1. С. 144–162. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2025-1-144>

Establishment of Regularities in the Consonant Systems of Latin, Russian, English and German as a Way of Form-ing a Multilingual Personality of a Future Foreign Language Teacher

Zh.K. Gukh¹, E.V. Vlaskina²

Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar, Russia,

¹zhanna_guh@mail.ru

²vlaskina29012004@icloud.com

Abstract. A proficient expert in the field of foreign language teaching, particularly in the fields of English and German, should possess practical linguistic and communicative skills as well as a scientific approach towards the languages they teach. This article continues the research initiated within the academic discipline «Latin Language and Ancient Culture» in the first year of studying in the Institute of foreign languages in the Pitirim Sorokin Syktyvkar State University. Latin, in the context of the current methodological environment

*(the absence of courses on the history of the languages studied), serves as a bridge towards acquiring theoretical knowledge about similarities and differences in consonant systems among four languages: Latin, Russian as the source language of students, and two Germanic languages studied. The aim of the research is to identify patterns / regularities in the consonantalism within the Latin, Russian, English and German languages, based on a table of related words compiled by the authors through a process of continuous sampling from the lexical minimum in the text-book «Latin Language» edited by V. N. Yarkho and V. I. Loboda, and supplemented with data from etymological dictionaries. The paper uses the method of continuous sampling from the lexical minimum of the textbook «Latin Language», analysis of dictionary entries of etymological dictionaries and the comparative-historical approach. The analysis of 155 etymological parallelisms reveals the effects of the first and second consonant shifts, Verner's Law and the transformation of the German *p* into the German *d*. Thus, 79 instances of the first consonant shift in English and German. The majority of patterns demonstrate the correspondence between the Indo-European voiceless consonants *p*, *t*, and *k* (in Latin and Russian) and the German voiceless fricatives *f*, *þ*, and *x*. In the research of German *p* into *d* were identified — this feature significantly distinguishes German consonantism from the consonantal system of English and other Germanic languages. Moreover, specific characteristics of English and German are also evident: a) the correspondence of German *g* with English *y*, resulting from the vocalization of [g] in combinations such as *ag* and *eg*; b) the loss of the *h* sound in combinations like *hl-*, *hr-*, and *hn-* in both languages; c) the doubling of consonants after *j* in both English and German; d) the absence of nasal sounds preceding fricatives in English. The skillful application of the identified phonetic regularities contributes to a deeper and more effective understanding and learning of English and German, as well as the continued acquisition of new knowledge, not only in terms of declarative and practical aspects, but also with a scientific foundation.*

Keywords: *a multilingual personality, a teacher of foreign languages, words of Indo-European origin in Latin, Russian, English and German, consonantal system, regular sound correspondences*

For citation: Gukh Zh. K., Vlaskina E. V. Establishment of Regularities in the Consonant Systems of Latin, Russian, English and German as a Way of Forming a Multilingual Personality of a Future Foreign Language Teacher. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education*, 2025; 1: 144–162. (In Russ.) <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2025-1-144>

Введение. Настоящая статья представляет собой продолжение исследования, начатого в рамках учебной дисциплины «Латинский язык и античная культура», которая изучается на первом

курсе на направлении подготовки «44.03.05. Педагогическое образование с двумя профилями: Английский язык. Немецкий язык» в Сыктывкарском государственном университете имени Питири-ма Сорокина [1]. В основе исследования лежит функционально-познавательный подход к обучению иностранным языкам, исходным для которого является положение о достижении единства лингвовербальных актов и познавательных процессов [2, с. 8]. Данный подход ориентируется на развитие «языковой полилингвистической личности» (Б. П. Годунов). Одна из закономерностей учебного процесса заключается в «комплексном иноязычно-речевом и страноведческо-филологическом образовании студентов», а вытекающий отсюда принцип предполагает «развитие способности делать переносы в теоретические знания фактов из речевой практики, с одной стороны, и «оречевлять» иноязычными средствами получаемые теоретические сведения, с другой» [там же, с. 25].

В ходе проведенного исследования [1] мы показали на примере тематических групп слов индоевропейского происхождения в четырех заявленных языках, какой вклад в формирование лингвистического мышления и полилингвистической личности может внести дисциплина «Латинский язык и античная культура». Работая с материалом лексического минимума учебника по латинскому языку под редакцией В. Н. Ярхо и В. И. Лободы [3], студенты учатся делать переносы из языковой практики в теоретические знания о языке и языках и прокладывать мостик к теоретическим знаниям по изучаемым иностранным языкам. На основе материала лексического минимума, дополненного данными этимологических словарей, слова индоевропейского происхождения в латинском, русском, английском и немецком языках были оформлены в таблицу родственных слов. Наша таблица насчитывает 155 этимологических параллелей, подсчет происходит от латинского слова. При анализе данных таблицы мы заметили, что многие слова в этимологических рядах фонетически отличались друг от друга. Покажем это на примере.

Таблица 1

Латинское слово и родственные ему слова в русском, английском и немецком языках (пример оформления материала)

Латинское слово	Родственное слово		
	в русском языке	в английском языке	в немецком языке
fides 'вера'	бедить	bid просить да. bǣdan	bitten просить двн. bitten

Пояснение: В начале латинского слова *fides* стоит звук *f*, в то время как его родственники в русском, английском и немецком начинаются на *b*. В середине латинского слова *fides*, русского *бедить* и в конце английского *bid* стоит звонкий согласный звук *d*, однако в немецком *bitten* мы видим глухой *t*.

Мы задались вопросом, почему слова, образованные от одного индоевропейского корня, имеют разный фонетический вид. Решающим в ответе на этот вопрос является доказательство материального родства языковых фактов на основе регулярности и системности соответствий: «...этимологические сближения имеют значение лишь тогда, когда они основаны не на звуковом сходстве, а исключительно на закономерных звуковых соответствиях» (цит. по: [4, с. 35]). Закономерные фонетические соответствия находят объяснение в истории германских языков в целом и немецкого и английского языков в частности. Заметим, что в настоящее время дисциплины по истории изучаемых языков учебными планами не предусмотрены, и проведённая на первом курсе работа по систематизации родственных слов в таблицу позволяет в некоторой степени восполнить данный пробел, становясь эмпирической основой для теоретического осмысления фонетических явлений четырёх рассматриваемых языков в их исторической обусловленности. Если при освоении дисциплин по истории языков обучающийся знакомится с теорией, подкрепляемой примерами, то в данном случае в условиях актуальной методической действительности фактический языковой материал, самостоятельно собранный и систематизированный студентом, становится стимулом для самообразования и для развития полилингвистической личности будущего учителя иностранных языков.

Настоящая статья ставит **целью** выявить закономерности в области консонантизма латинского, русского, английского и немецкого языков на основе авторской таблицы родственных слов, отобранных методом сплошной выборки из лексического минимума учебника «Латинский язык» под редакцией В.Н. Ярхо и В.И. Лободы и дополненных данными из этимологических словарей. Задачи исследования заключаются в следующем:

- 1) рассмотреть основные особенности консонантизма германских языков и их отличительные черты от других индоевропейских языков;
- 2) проследить действие выявленных закономерностей в области консонантизма на родственных словах в латинском, русском, английском и немецком языках;

3) сопоставить консонантную структуру английского и немецкого языков и выявить закономерные соответствия согласных.

Методология исследования. Поставленная цель предусматривает индуктивно-дедуктивный путь познания объекта и определяет комбинацию эмпирических и теоретических методов исследования. Метод сплошной выборки из лексического минимума учебника «Латинский язык» подкреплён целенаправленным наблюдением, количественным анализом, сравнением. Теоретический уровень познания включает в себя анализ лингвистической литературы, словарных статей этимологических словарей, систематизацию и интерпретацию полученных результатов в рамках сравнительно-исторического метода.

При исследовании фонетических закономерностей родственных слов из четырёх языков мы обратились к работам известных отечественных лингвистов в области германских языков: Н. И. Филичевой, В. М. Жирмунского, О. И. Москальской, авторского коллектива учебника «Введение в германскую филологию». Для пополнения списка индоевропейских параллелей использовались этимологические словари: словарь немецкого языка Вольфганга Пфайфера¹, словарь современного немецкого языка М. М. Маковского [5], онлайн-словарь русского языка Г. А. Крылова², онлайн-словарь русского языка Макса Фасмера³.

Ход, результаты исследования и их обсуждение. Мы изучаем два современных германских языка, поэтому сначала обратились к научной литературе, в которой раскрывалась история развития согласных фонем германских языков и их отличительные черты. Основные особенности консонантизма германских языков определяются передвижениями согласных. Выделяют два передвижения согласных. Первое (общегерманское) передвижение согласных (*нем.* die erste Lautverschiebung, *англ.* the First Consonant Shift) относится к периоду обособления общегерманского от индоевропейского языкового единства (2–1 тысячелетие до н. э.) и отличает германский язык-основу от других индоевропейских языков. Вто-

¹ Wolfgang Pfeifer et al., Etymologisches Wörterbuch des Deutschen (1993), digitalisierte und von Wolfgang Pfeifer überarbeitete Version im Digitalen Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: <https://www.dwds.de/d/wb-etymwb> (дата обращения 10.04.2024).

² Этимологический онлайн-словарь русского языка Г. А. Крылова. URL: <https://lexicography.online/etymology/krylov/> (дата обращения: 02.05.2024).

³ Этимологический онлайн-словарь русского языка Макса Фасмера. URL: <https://lexicography.online/etymology/vasmer/> (дата обращения: 02.05.2024).

рое передвижение согласных (*нем.* die zweite Lautverschiebung) является особенностью верхненемецкого (*hochdeutsch*) и отличает его от нижненемецкого и от прочих германских языков, в том числе английского. Германские языки, за исключением верхненемецкого, сохранили старый общегерманский консонантизм, т. е. консонантизм, характерный для германского праязыка [6]¹.

Таблица 2

**Соответствие некоторых согласных
в индоевропейском, германском и древневерхненемецком**

и.-е.	p t k	b d g	bh dh gh
герм.	f þ x>h	p t k	þ d g
двн.	f th>d h	pf z kch f z h (hh)	p t k

Как показывает табл. 2, основные изменения в согласных звуках коснулись трех групп звуков, о чем говорят три столбца в таблице. Первая строка показывает индоевропейский консонантизм, вторая строка — германский (в отличие от других индоевропейских языков), и третья строка — верхненемецкий консонантизм (в отличие от системы согласных остальных германских языков). Полужирным начертанием выделены звуки, затронутые передвижениями. Так, мы видим, что индоевропейскому *p* по первому передвижению согласных в германских языках соответствует *f*, который сохранился в этом виде и в немецком языке (*лат.* *pes*, *рус.* *пеший*, *англ.* *foot*, *нем.* *Fuß*), а индоевропейский *t* перешел в германских языках в *þ*, но в древневерхненемецком и современном немецком языке этот старый германский звук не сохранился, а перешел в *d* (*герм.* **erþō*, *гот.* *airþa*, *англ.* *earth* — *нем.* *Erde*).

Остановимся подробно на фонетических соответствиях и выявленных закономерностях.

Первое передвижение согласных было открыто Расмусом Раском (1818) и представлено как система взаимосвязанных фактов Якобом Гриммом (1822, «Немецкая грамматика»), вследствие чего его также называют законом Гримма. Мы рассмотрели передвижение согласных по актам и нашли соответствия в нашей таблице родственных слов.

¹ Список сокращений названий языков: и.-е. — индоевропейский, герм. — германский, лат. — латинский, рус. — русский, англ. — английский, нем. — немецкий, да. — древнеанглийский, двн. — древневерхненемецкий, гот. — готский, нидерл. — нидерландский, дфриз. — древнефризский, дс. — древнесаксонский.

1-й акт. Сравнение шумных согласных в индоевропейских и древнегерманских языках показывает, что индоевропейским глухим смычным p, t, k соответствуют германские глухие щелевые f, þ, x.

p > f	<p>лат. pes 'нога', рус. пеший</p> <p>лат. plenus, рус. полный</p> <p>лат. pater 'отец'</p>	<p>гот. fōtus, да. fōt, англ. foot, двн. fuoz, нем. Fuß</p> <p>гот. fulls, да. full, англ. full, двн. fol, нем. voll</p> <p>гот. fadar, да. fæder, англ. father, двн. fater, нем. Vater</p>
t > þ	<p>лат. talis 'такой', рус. тот</p> <p>лат. frater, рус. брат</p> <p>лат. dentis</p>	<p>гот. þata, англ. the, that, this</p> <p>гот. brōþar, да. brōþor</p> <p>гот. tunþus, да. tōþ, англ. tooth</p>
k > x	<p>лат. cor, рус. сердце</p> <p>лат. cantare 'петь'</p> <p>лат. canis 'собака', рус. диал. кунеть</p> <p>лат. quod 'что'</p>	<p>гот. haírtō, да. heorte, англ. heart, двн. herza, нем. Herz</p> <p>гот. hana, англ. hen 'курица', двн. hano, нем. Hahn 'петух'</p> <p>гот. hunds, да. hund, англ. hound 'охотничья собака', двн. hunt, нем. Hund</p> <p>гот. hwa, да. hwæt, двн. (h)waz</p>

Давно было замечено, что иногда вместо ожидаемых по первому акту первого передвижения глухих щелевых f, þ, x наблюдаются звонкие щелевые b, ð, g. Это явление получило название «закон Вернера» в честь лингвиста Карла Вернера. Германские щелевые озвончались или оставались глухими в зависимости от ударения в соответствующем индоевропейском слове. Если предшествующий гласный был ударный, то согласная оставалась глухой, если слог был безударный, согласная озвончалась [4, с. 64; 7, с. 136].

p > b	<p>лат. capere 'брать, захватывать'</p>	<p>гот. haban, да. habban, двн. habēn, нем. haben 'иметь'</p>
t > d	<p>лат. ventus 'ветер', рус. веять</p> <p>лат. centum, рус. сто</p> <p>лат. trahere 'тащить'</p>	<p>гот. winds, да. weder, англ. wind, нем. Wind</p> <p>гот. hunda, англ. hundred, нем. hundert</p> <p>гот. dragan, англ. draw</p>
k > g	<p>лат. oculus, рус. око</p> <p>лат. ducere 'вести'</p>	<p>гот. augō, да. ēage, двн. ouga, нем. Auge</p> <p>да. tyge, англ. tug, нем. Zug 'поезд'</p>

В целом на основе анализа языкового материала было выявлено следующее количество этимологических параллелей с действием 1-го акта первого передвижения согласных: 10 на переход $p > f$, 9 на переход $t > ʃ$ и 16 на переход $k > x$, всего 35 этимологических рядов слов. Действие закона Вернера установлено в одном примере на $p > b$, в шести примерах на $t > d$ и в двух на $k > g$, итого в девяти этимологических параллелях.

2-й акт. Индоевропейским звонким смычным b, d, g соответствуют германские глухие смычные p, t, k .

b > p	<i>лат. scribere, рус. скребу</i> <i>лат. sub 'под'</i>	<i>англ. scrape</i> <i>англ. up, upon 'на'</i>
d > t	<i>лат. videre, рус. видеть</i> <i>лат. dicere 'говорить'</i> <i>лат. edere, рус. еда</i> <i>лат. pedis</i>	<i>гот. witan, англ. wit «ум»</i> <i>гот. taikn, да. tǫc(e)n,</i> <i>англ. token 'знак'</i> <i>да. etan, англ. eat 'есть'</i> <i>гот. fōtus, да. fōt, англ. foot</i> <i>'нога'</i>
g > k	<i>лат. ager</i> <i>лат. gens 'род'</i> <i>лат. frangere 'ломать'</i> <i>лат. augere</i>	<i>гот. akrs, англ. acre, нем. Acker</i> <i>'поле'</i> <i>англ. kind, нем. Kind 'ребенок'</i> <i>гот. brikan, да. brecan,</i> <i>англ. break</i> <i>да. weaxan, англ. wax, нем. wachsen</i> <i>'расти'</i>

Действие 2-го акта первого передвижения согласных можно было наблюдать в 21 случае: в двух случаях на переход $b > p$, в одиннадцати — на переход $d > t$ и в восьми на переход $g > k$.

3-й акт. Индоевропейским звонким смычным придыхательным bh, dh, gh соответствуют германские звонкие щелевые b, d, g .

Следует отметить, что из всех индоевропейских языков только в санскрите зафиксированы bh, dh , в прочих древних индоевропейских языках им соответствуют в зависимости от окружения звука другие согласные, gh не отражено ни в одном индоевропейском языке [4, с. 62, ср.: 7, с. 135]:

<i>санскрит</i>	<i>латинский</i>	<i>греческий</i>	<i>славянский</i>
<i>bh</i>	<i>f/b</i>	<i>ph/b</i>	<i>b</i>
<i>dh</i>	<i>f/d</i>	<i>th/d</i>	<i>d</i>
<i>h</i>	<i>h</i>	<i>ch</i>	<i>g</i>

Отметим также, что полученные в ходе 3-го акта звонкие щелевые b , d , g обнаруживают в западногерманских языках тенденцию полностью или частично переходить в звонкие взрывные b , d , g , ср.: *гот.* *beidan* [*bi:ðan*], *да.* [*bīdan*].

bh > b	<i>и.-е.</i> * <i>bhrāter</i> , <i>лат.</i> <i>frater</i> , <i>рус.</i> брат	<i>гот.</i> <i>brōþar</i> , <i>да.</i> <i>brōþog</i> , <i>англ.</i> <i>brother</i> , <i>двн.</i> <i>bruoeder</i> , <i>нем.</i> <i>Bruder</i>
	<i>и.-е.</i> * <i>bhrēu-</i> , * <i>bhrǔ-</i> , <i>лат.</i> <i>fructus</i> ‘плод’	<i>гот.</i> <i>brūkjan</i> , <i>да.</i> <i>brūcan</i> , <i>англ.</i> <i>to brook</i> ‘терпеть’, <i>двн.</i> <i>brūhhan</i> , <i>brūh</i> , <i>нем.</i> <i>brauchen</i> ‘нуждаться’, <i>Brauch</i> ‘обычай’
	<i>и.-е.</i> * <i>bhlē-</i> * <i>bhlō</i> , <i>лат.</i> <i>florere</i> ‘цвести’	<i>гот.</i> <i>blōma</i> , <i>англ.</i> <i>to blow</i> , <i>bloom</i> , <i>двн.</i> <i>bluoen</i> , <i>нем.</i> <i>blühen</i> ‘цве- сти’, <i>Blume</i> ‘цветок’
dh > d	<i>и.-е.</i> * <i>dhūġ</i> , <i>лат.</i> <i>forum</i> ‘площадь’, <i>рус.</i> дверь <i>и.-е.</i> * <i>dhreugh</i> , <i>лат.</i> <i>dor-</i> <i>mire</i> , спать’ <i>и.-е.</i> * <i>bhedh</i> , <i>лат.</i> <i>fides</i> ‘вера’, <i>рус.</i> бедить	<i>гот.</i> <i>daúr</i> ‘ворота’, <i>да.</i> <i>duru</i> , <i>англ.</i> <i>door</i> <i>англ.</i> <i>dream</i>
gh > g	<i>и.-е.</i> * <i>gh(ə)mon</i> , <i>лат.</i> <i>homo</i> ‘человек’ <i>и.-е.</i> * <i>ghostis</i> , <i>лат.</i> <i>hostis</i> , <i>рус.</i> гость <i>и.-е.</i> * <i>dherāgh</i> , <i>лат.</i> <i>trahere</i> ‘тянуть’	<i>гот.</i> <i>guma</i> , <i>да.</i> <i>brȳd(i)guma</i> , <i>двн.</i> <i>brūtigomo</i> , <i>нем.</i> <i>Bräutigam</i> ‘же- них’ <i>гот.</i> <i>gasts</i> , <i>да.</i> <i>giest</i> , <i>англ.</i> <i>guest</i> , <i>двн.</i> <i>gast</i> , <i>нем.</i> <i>Gast</i> <i>гот.</i> <i>dragan</i> , <i>да.</i> <i>dragan</i> , <i>двн.</i> <i>tra-</i> <i>gan</i> , <i>нем.</i> <i>tragen</i> ‘нести’

Но некоторые германские языки сохранили древние звонкие щелевые без изменения. Так, английский язык сохранил старый звонкий спирант в словах *to give*, *wives*, *to live* и т. п. (ср. с *нем.* *geben*, *Weib*, *leben*) [8, с. 63].

На первый взгляд нарушены звуковые соответствия в родственных словах *лат.* *verbum*, *рус.* врать, *гот.* *waúrd*, *англ.* *word*, *нем.* *Wort*. Согласно словарю В. Пфайфера, все эти формы восходят к и.-е. праформе **ġerdho-* и латинский *b* в слове *verbum* является рефлексом индоевропейского *dh*¹.

¹ „Wort“, in: Wolfgang Pfeifer et al., Etymologisches Wörterbuch des Deutschen (1993), digitalisierte und von Wolfgang Pfeifer überarbeitete Version im Digitalen

Из 14 установленных этимологических рядов с действием 3-го акта первого передвижения согласных шесть приходится на фонетическое соответствие $bh > \text{b}$, пять — на переход $dh > \text{d}$ и три — на $gh > \text{g}$.

Полученные в результате первого передвижения германские звонкие b и g сохранились и в современном немецком языке, о чем говорят приведенные выше примеры, а звук d перешёл в ходе второго передвижения в глухой t (ср. *гот.* *beidan* [bi:ðan], *да.* [bīdan], но *нем.* *bitten*, см. об этом ниже), чем объясняется отсутствие примеров из современного немецкого языка на $dh > \text{d}$.

Таблица 3

**Количество этимологических параллелей с действием
первого передвижения согласных в английском и немецком языках**

Закономерности передвижения	Количество
1-й акт	35
2-й акт	21
3-й акт	14
Закон Вернера	9
Итого	79

Итак, в результате первого (общегерманского) передвижения согласных, выделившего германский в самостоятельный язык из индоевропейских, все индоевропейские шумные согласные (кроме s) подверглись передвижению в другие разряды.

Мы можем наблюдать, что в таблице из 155 этимологических параллелей встретилось 79 случаев на действие первого передвижения согласных в английском и немецком языках. На основании этого можно утверждать, что при изучении английского и немецкого языков можно встретить много слов с выявленными закономерностями.

Большая часть закономерностей выпала на первый акт, т. е. на соответствие индоевропейским глухим смычным p, t, k германских глухих щелевых $f, \text{þ}, x$. Звуки f, x и их звонкие варианты b, g встречаются и в современных английском и немецком языках, следовательно, современные родственные слова в этих языках будут иметь очень похожий фонетический облик в аспекте указанных согласных.

Следующим этапом нашего исследования было рассмотрение действия второго передвижения согласных, которое характеризу-

ется основным изменением германского консонантизма. Это фонетическое явление распространялось сначала в южно-немецких диалектах (баварском, алеманском) предположительно в VI–VII веках, отчего оно и носит название *верхнемецкого передвижения согласных*. В последующие века оно постепенно переходило и на север, однако охватило не все диалекты. Так нижнемецкие диалекты не подверглись второму передвижению и сохранили общегерманский консонантизм, роднящий их с германскими языками, например с английским [8, с. 68].

Таблица 4

Германские согласные, подвергшиеся второму передвижению согласных

и.-е.	p t k	b d g	bh dh gh
герм.	f þ x>h	p t k	b d g
двн.	f th>d h	pf z kch	f z h (hh)
			p t k

Передвижение коснулось шести германских взрывных (глухих p, t, k и звонких b, d, g), являющихся, в свою очередь, результатом первого передвижения согласных (в таб. 4 даны полужирным начертанием). «Изменения глухих смычных придают немецкому языку его специфический фонетический облик, только они охватывают большую часть его диалектов. Изменения звонких смычных проводятся менее последовательно» [9, с. 15].

В современный немецкий литературный язык второе передвижение вошло в следующем виде:

1-й акт — переход германских глухих смычных p, t, k в аффрикаты **pf, z, kch** проведен за исключением k > kch (k > kch только в баварском и алеманском: южнее линии Страсбург — Штутгарт — Регенсбург). Первый акт проходил в начале слова, после согласных или при наличии удвоения (которое, в частности, вызывал j после p, t, k, ср. *гот. satjan, да. settan* и *двн. sezzen*).

t > z	<i>герм. *tungōn, гот. tuggō, да. tunge, англ. tongue</i>	<i>двн. zunga, нем. Zunge 'язык'</i>
	<i>герм. *salta, гот. salt, да. s(e)alt, англ. salt</i>	<i>двн. salz, нем. Salz 'соль'</i>
	<i>герм. *taikna, гот. taikn, да. tāc(e)n, англ. token 'знак', teach 'учить'</i>	<i>двн. zeigōn, zeihhan, нем. zeigen 'показывать', Zeichen 'знак'</i>

Установлено 9 случаев на фонетическое соответствие t > z. Примеров на переход p > pf в нашей таблице не обнаружилось. В литературе отмечается, что аффриката pf встречается в большом числе

слов латинского происхождения, заимствованных в период, предшествовавший второму передвижению согласных [4, с. 250]: ср. примеры из лексического минимума: *лат. porta* — *двн. phorta* — *нем. Pforte*, *лат. campus* — *двн. kamph* — *нем. Kampf*.

2-й акт — переход тех же германских глухих смычных *p, t, k* после гласных в спиранты *f, z, h* проведен полностью и обнаруживается в середине слов между гласными и в конце после гласных:

t > s	<i>гот. witan, англ. wit</i> ‘ум’ <i>герм. *fōt-, гот. fōtus, да. fōt,</i> <i>англ. foot</i> <i>герм. *etan, гот. itan, да. etan,</i> <i>англ. eat</i>	<i>нем. wissen</i> ‘знать’ <i>двн. fuoz, нем. Fuß</i> ‘нога’ <i>двн. ezsan, нем. essen</i> ‘есть, кушать’
k > h	<i>герм. *rīkja, гот. reiki, да. rīce,</i> <i>англ. bishopric</i> ‘епископство’ <i>герм. brekan, гот. brīkan, да.</i> <i>brečan, англ. break</i> <i>герм. *brūk, гот. brūkjan,</i> <i>да. brūčan,</i> <i>англ. brook</i> ‘терпеть’	<i>двн. rīhhi, нем. Reich</i> ‘царство’ <i>двн. brehhhan</i> (VIII в.), <i>нем. bre-</i> <i>chen</i> ‘ломать’ <i>двн. brūhhhan, двн. brūh,</i> <i>нем. brauchen</i> ‘нуждаться’, <i>Brauch</i> ‘обычай’

Анализ слов таблицы выявил три случая на переход *t > s* и шесть случаев на переход *k > h*. Примеров на переход *p > ff* в нашей таблице не обнаружилось.

3-й акт — звонкие смычные *b, d, g* перешли в соответствующие глухие *p, t, k*. Это явление также захватывает не всю территорию древневерхненемецкого, образуя ряд ступеней; новонемецкий только при удвоении имеет *gg > ck* (*дс. hruggi, двн. rucki, нем. Rücken*) [4, с. 250]. В современном немецком языке действует только переход **d > t**. Нами выявлено 14 таких случаев.

d > t	<i>герм. *drauma, англ. dream</i> <i>герм. *medjōn, гот. midjis, да.</i> <i>midde, англ. middle</i> <i>герм. *duri, гот. daūr, да. duru,</i> <i>англ. door</i>	<i>двн. troum, нем. Traum</i> ‘сон, мечта’ <i>двн. mitti, нем. Mitte</i> ‘середина’ <i>двн. tor, turi, нем. Tor</i> ‘ворота’ <i>Tür</i> ‘дверь’
-----------------	--	---

Ко второму передвижению согласных примыкает переход древнегерманского глухого спиранта *ɸ* в звонкий смычный *d* через промежуточную ступень *ḍ* (см. первый столбец в таб. 4). Переход **p > d** осуществлялся в более поздний период, в VIII–XI веках. Поэтому новый звук *d* не подвергся второму передвижению и занял место ста-

рого германского *d*, превратившегося согласно передвижению в *t* [9, с. 22]. Переход **þ > d** охватил все диалекты немецкого языка. Английский язык не был затронут этим изменением.

þ > d	<i>гот. brōþar, да. brōþor,</i>	<i>англ. brother</i>	<i>двн. brueder, нем. Bruder</i> 'брат'
	<i>гот. þata, англ. the, that, this</i>		<i>двн. ther, thiu, thaz, нем. der, die, das</i>
	<i>гот. þreis, да. þrī, англ. three</i>		<i>двн. thrī, нем. drei</i> 'три'
	<i>герм. *þakjan да. þeccan,</i>		<i>двн. thecken, theckī,</i>
	<i>англ. thatch</i> 'соломенная крыша'		<i>нем. decken</i> 'покрывать', <i>Decke</i> 'потолок'

Таблица 5

**Количество этимологических параллелей с действием
 второго передвижения согласных**

Закономерности передвижения	Количество
1-й акт	9
2-й акт	9
3-й акт	14
þ > d	9
Итого	41

Итак, мы можем наблюдать, что в таблице из 155 этимологических параллелей встретился 41 случай действия второго передвижения согласных и перехода германского *þ* в немецкий *d*.

При изучении материала о сопоставлении английского и немецкого языков мы проследили также следующие закономерности:

1) соответствие немецкому *g* английского *u* в результате вокализации [g] в сочетаниях *ag, eg* в среднеанглийском. В среднеанглийский период возникают дифтонги нового типа из сочетаний монофтонгов со среднеязычным щелевым *з* [j] и заднеязычным щелевым *з* [ɣ] [4, с. 194]: *Tag* — *day* (да. *dæz*), *sagen* — *say* (да. *secgan*), *eigen* — *own* (да. *āgen*). В нашей таблице встретилось четыре случая на данную закономерность:

<i>да. dæg, англ. day</i>	<i>двн. tag, нем. Tag</i> 'день'
<i>да. weg, англ. way</i>	<i>двн. weg, нем. Weg</i> 'путь'
<i>да. dragan, англ. draw</i>	<i>двн. tragan, нем. tragen</i> 'тащить'
<i>да. ēage, англ. eye</i>	<i>двн. ouga, нем. Auge</i> 'глаз'

2) выпадение согласной *h* (и в произнесении, и в написании) (*hl-, hr-, hn-, hw-*) в обоих языках. В начале IX века в древневерхне-немецком перестает произноситься начальное *h* в словосочетани-

яч hl-, hr-, hn-, hw- [7, с. 139]. В нашей таблице встретилось только три случая:

да. h ors, англ. horse	двн. (h)ros, нем. Ross ‘лошадь’
да. hw ā, англ. what	двн. (h)waz, нем. was ‘что’
да. hw æt, англ. who	двн. (h)wer, нем. wer ‘кто’

3) звонкий щелевой **ḥ** (полученный в результате перехода $p > b$ по закону Вернера) сохранился в английском как звук **v**, а в немецком перешел в **b**:

да. hebb an, англ. heave	нем. heben ‘поднимать’
да. habb an, англ. have	нем. haben ‘иметь’

4) удвоение согласного после **j** затронуло западногерманские языки и, следовательно, встречается и в английском, и в немецком языках.

Любой согласный, кроме [г], удваивался, если он стоял после краткого гласного и в позиции перед звуком [j]. В результате появились удвоенные согласные (V–VI вв.) [8, с. 64]. В готском языке удвоения не было. В исследуемом материале встретилось пять случаев.

герм. * ḥakjan	да. ḥeccan , двн. thecken , нем. decken ‘покрывать’
гот. bidjan	да. biddian , двн. bitten , нем. bitten ‘просить’
герм. * setjan	да sittan , двн. sizzan , нем. sitzen ‘сидеть’
гот. midjis	да. midde , англ. middle двн. mitti , нем. Mitte ‘середина’
герм. * ḥranjan	да. ḥennan , двн. then(n)en ‘растягивать’

5) отсутствие носового перед щелевыми в английском языке: **fūnf** — five, **ander** — other, **Gans** — goose, **uns** — us, **unser** — our. Это явление произошло перед щелевыми **s**, **f**, **ḥ** в древнеанглийский период и затронуло ингвеонский ареал, т. е. древнеанглийский, древнефризский и древнесаксонский, отделив их от остальных западногерманских языков, ср.: гот. **uns**, двн. **uns**, нидерл. **ons** || да. **ūs**, дфриз. **ūs**, дс. **ūs** ‘нам’; гот. **fimf**, двн. **fimf** || да. **fiſ**, дфриз. **fiſ**, дс. **fiſ** ‘пять’ [4, с. 38]. Таблица родственных слов содержит один пример на данный случай: англ. **us**, нем. **uns**, **unser** (ср. также наличие **n** в латинском **nos**, **noster** и в русском **нас**).

Закключение. В ходе исследования на основе таблицы этимологических параллелей мы выявили основные закономерности в области консонантизма латинского, русского, английского и немецкого языков: первое и второе передвижение согласных, закон Вернера и переход $p > d$.

В большинстве слов индоевропейского происхождения из авторской таблицы (79 этимологических рядов) можно проследить действие первого передвижения согласных, которое характеризуется отделением германской консонантной системы от других индоевропейских языков и обнаруживается в соответствующих словах английского и немецкого языков.

Установлен 41 случай действия второго передвижения согласных и перехода германского *þ* в немецкий *d* — эта особенность существенно отграничивает консонантизм немецкого языка от системы согласных английского языка. При сопоставлении консонантной структуры английского и немецкого языков были выявлены основные тенденции изменения согласных, которые определяют отличия двух германских языков.

Английский и немецкий обладают своими особенностями в системе консонантов, что влияет на произношение и восприятие речи на этих языках. Изучение исторически обусловленных закономерностей консонантизма в английском и немецком языках помогает лучше понять особенности фонологии этих языков.

Сравнение фонетического облика этимологических рядов слов индоевропейского происхождения на примере латинского, русского, английского и немецкого языков вскрывает определенные закономерные звуковые соответствия между этими языками, ярко выявляя фонетические особенности, отличающие, во-первых, германские языки от других индоевропейских языков (в частности, русского и латинского), во-вторых, немецкий язык от других германских языков, как, например, готского и изучаемого в качестве первого иностранного языка английского.

Практическое значение выявленных фонетических соответствий вытекает из их закономерного характера и состоит в том, что умелое их использование помогает более осознанному и успешному процессу познания и овладения английским и немецким языками. В частности, в рамках работы над устными темами на занятиях по практике речи английского и немецкого языков (таких, как «Семья», «Дом», «Человек», «Времена года» и т. д.) можно самостоятельно находить фонетические закономерности в лексике индоевропейского и германского происхождения.

Практическая ценность таких изысканий состоит также в том, что факты русского языка как исходного находят научное объяснение, что приобретённые в первом семестре знания по латинскому языку не теряются по окончании дисциплины, а постоянно вызываются из памяти. Всё это способствует непрерывному накоплению

нового знания, не только декларативного и прикладного, но и теоретически объяснимого.

Список литературы

1. Гух Ж. К., Власкина Е. В. Систематизация слов индоевропейского происхождения в латинском, русском, английском и немецком языках по тематическому принципу как способ формирования полиязыковой личности на начальном этапе подготовки учителей иностранных языков // Человек. Культура. Образование. 2024. № 2. С. 128–145. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2024-2-128>.

2. Годунов Б. П. Функционально-познавательный подход к обучению иностранным языкам как педагогической специальности : статьи и доклады. Сыктывкар: Коми пединститут, 2010. 130 с.

3. Ярхо В. Н., Кацман Н. Л. и др. Латинский язык : учеб. для студентов пед. вузов / под ред. В. Н. Ярхо, В. И. Лободы. 8-е изд., испр. М.: Высш. шк., 2010. 399 с.

4. Введение в германистику : учебник для филологических факультетов / М. Г. Арсеньева, С. П. Балашова, В. П. Берков, Л. Н. Соловьева. М.: ГИС, 2000. 314 с.

5. Маковский М. М. Этимологический словарь современного немецкого языка. М.: Азбуковник, 2004. 630 с.

6. Гух Ж. К., Петунин В. С. Теоретические аспекты немецкого языка : учебное пособие : мультимедийное электронное издание на компакт-диске. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2017.

7. Жирмунский В. М. История немецкого языка : учебник для институтов и факультетов иностранных языков. М.: Высш. шк., 1965. 408 с.

8. Москальская О. И. История немецкого языка : учеб. пособие для студентов педагогических факультетов и институтов иностранных языков. Л.: Учпедгиз, 1959. 390 с.

9. Филичева Н. И. История немецкого языка : курс лекций. М.: Изд-во Московского университета, 1958. 280 с.

References

1. Gukh Zh. K., Vlaskina E. V. Systematization of words of Indo-European origin in Latin, Russian, English and German on a thematic basis as a way of forming a multilingual personality at the initial stage of training teachers of foreign languages. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie* [Human. Culture. Education]. 2024. No 2. Pp. 128–145. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2024-2-128>. (In Russ.)

2. Godunov B. P. *Funkcional'no-poznavatel'nyj podhod k obucheniyu inostrannym yazykam kak pedagogicheskoy special'nosti. Statyi i doklady* [Functional-cognitive approach to teaching foreign languages as a pedagogical specialty. Articles and reports]. Syktyvkar: Komi Pedagogical Institute Press. 2010. 130 p. (In Russ.)

3. Yarho V. N., Kaczman N. L. et al. *Latinskij yazyk : ucheb. dlya studentov ped. vuzov* [Latin language : Textbook for students of pedagogical university]. Edited by V. N. Yarkho, V. I. Loboda. 8th ed., corr. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 2010. 399 p. (In Russ.)

4. *Vvedeniye v germanskuyu filologiyu : uchebnik dlya filologicheskikh fakul'tetov* [Introduction to Germanic Philology : Textbook for philological faculties]. M. G. Arsenyeva, S. P. Balashova, V. P. Berkov, L. N. Solovyova. Moscow: GIS Publ., 2000. 314 p. (In Russ.)

5. Makovskiy M. M. *Etimologicheskij slovar' sovremennogo nemeckogo yazyka* [Etymological dictionary of the modern German]. Moscow: Azbukovnik Publ., 2004. 630 p. (In Russ.)

6. Gukh Zh. K., Petunin V. S. *Teoreticheskiye aspekty nemeckogo yazyka* [Elektronnyj resurs] : uchebnoye posobie : mul'timedijnoe elektronnoe izdanie na kompakt-diske. [Theoretical aspects of the German language [Electronic resource] : textbook : multimedia electronic edition on CD]. Syktyvkar: SyktSU Press, 2017. (In Russ.)

7. Zhirmunskiy V. M. *Istoriya nemeckogo yazyka : uchebnik dlya institutov i fakul'tetov inostrannykh yazykov* [History of the German language : Textbook for institutes and faculties of foreign languages]. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 1965. 408 p. (In Russ.)

8. Moskal'skaya O. I. *Istoriya nemeckogo yazyka : uchebnoye posobiye dlya studentov pedagogicheskikh fakul'tetov i institutov inostrannykh yazykov* [History of the German language : Textbook for students of pedagogical faculties and institutes of foreign languages]. Leningrad: State Educational and Pedagogical House of the Ministry of Education of the RSFSR Leningrad Branch, 1959. 391 p. (In Russ.)

9. Filicheva N. I. *Istoriya nemeckogo yazyka : kurs lekcij* [History of the German language : lectures]. Moscow: Moscow University Press, 1958. 280 p. (In Russ.)

Сведения об авторах

Гух Жанна Кимовна, канд. филол. наук, доцент, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина (167001, Россия, Сыктывкар, Октябрьский пр., 55)

Власкина Екатерина Владимировна, студент 3-го курса направления подготовки 44.03.05 «Педагогическое направление (с двумя профилями подготовки): Английский язык. Немецкий язык», Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина (167001, Россия, Сыктывкар, Октябрьский пр., 55)

Information about the authors

Zhanna K. Gukh, PhD in Philology, Associate Professor, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (55, Oktyabrski prosp., Syktyvkar, 167001, Russia)

Ekaterina V. Vlaskina, Third year bachelor-student Pedagogic with two profiles: English. German; Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (55, Oktyabrski prosp., Syktyvkar, 167001, Russia)

Статья поступила в редакцию / The article was submitted	20.09.2024
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing	01.12. 2024
Принята к публикации / Accepted for publication	13.01.2025

Научная статья / Article

УДК 372.881.161.1

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2025-1-162>

**Применение чат-ботов при изучении русского языка
как родного: проблемы и перспективы**

Ольга Николаевна Иванищева

Мурманский арктический университет, Мурманск, Россия,
oivanishcheva@gmail.com; <http://orcid.org/0000-0001-8495-0502>

Аннотация. *Статья посвящена выявлению потенциала искусственного интеллекта как ресурса при обучении русскому языку как родному. Если при изучении английского языка и русского языка как иностранного применение искусственного интеллекта обосновано и описано в работах зарубежных и российских исследователей, то рассмотрение аспектов обучения русскому языку как родному с помощью искусственного интеллекта является не только актуальным, но и новым аспектом научных исследований. Цель работы — проанализировать возможности чат-ботов при изучении русского языка как родного. В исследовании применяются методы анкетирования и эксперимента. Анкетирование школьников и студентов-филологов показало, что, используя чат-боты при подготовке к занятиям по русскому языку, обучающиеся обнаруживают как преимущества использования искусственного интеллекта, так и его недостатки. Выявлено, что обучающихся не устраивает в первую очередь качество информации, получаемой в ответ на запросы. Отмечается ее некорректность и неконкретность, а зачастую и ошибочность. Методом эксперимента были обнаруже-*

ны факты, свидетельствующие об ошибках в грамматике русского языка в ответах на запросы — аналоги заданий к упражнениям в школьных учебниках по русскому языку. Анализ выполнения чат-ботами заданий по морфологии и синтаксису русского языка показал, что чат-боты делают большое количество ошибок в определении грамматических категорий частей речи, не могут установить синтаксические отношения и связи слов в русском предложении, правильно сделать разбор русских слов по составу. Рассмотрен пример с глаголом роняет, который чат-ботами определяется как глагол совершенного вида. Использование чат-ботов при выполнении творческих заданий оценивается более позитивно. Исследование показало, что у обучающихся в целом не сформирован навык использования искусственного интеллекта при изучении русского языка как родного и отсутствует критическое отношение к материалам, представленным чат-ботами. Поэтому выявление актуальных способов оптимизации учебного процесса с помощью искусственного интеллекта видится перспективной задачей.

Ключевые слова: искусственный интеллект, чат-бот, русский язык как родной

Для цитирования: Иванищева О. Н. Применение чат-ботов при изучении русского языка как родного: проблемы и перспективы // Человек. Культура. Образование. 2025. № 1. С. 162–177. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2025-1-162>

Using Chatbots in Learning Russian as a Native Language: Problems and Prospects

Olga N. Ivanishcheva

Murmansk Arctic University, Murmansk, Russia,
oivanishcheva@gmail.com; <http://orcid.org/ORCID:0000-0001-8495-0502>

Abstract. *The article is devoted to identifying the potential of artificial intelligence as a resource in teaching Russian as a native language. If the use of artificial intelligence in studying English and Russian as a foreign language is justified and described in the works of foreign and Russian researchers, then considering the aspects of teaching Russian as a native language using artificial intelligence is not only relevant, but also a new aspect of scientific research. The purpose of the work is to analyze the capabilities of chatbots in studying Russian as a native language. The study uses questionnaire and experimental methods. A survey of schoolchildren and philology students showed that, using chatbots in preparation for Russian language classes, students discover both the advantages of using artificial intelligence and its disadvantages. It was revealed that students are primarily dissatisfied with the quality of information received in response to requests. Its incorrectness and vagueness, and often erroneousness, are noted. The experiment revealed facts in-*

*dicating errors in Russian grammar in responses to queries — analogs of tasks for exercises in school textbooks on the Russian language. Analysis of the execution of tasks on the morphology and syntax of the Russian language by chatbots showed that chatbots «make» a large number of errors in determining grammatical categories of parts of speech, cannot determine syntactic relations and word connections in a Russian sentence, and correctly parse Russian words by composition. An example with the verb *поняемis* considered, which is defined by chatbots as a perfective verb. The use of chatbots in performing creative tasks is assessed more positively. The study showed that students in general have not developed the skill of using artificial intelligence in learning Russian as a native language and lack a critical attitude to the materials presented by chatbots. Therefore, identifying relevant ways to optimize the educational process using artificial intelligence seems like a promising task.*

Keywords: *artificial intelligence, chatbot, Russian as a native language*

For citation: Ivanishcheva O. N. Using Chatbots in Learning Russian as a Native Language: Problems and Prospects. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education*, 2025; 1: 162–177. (In Russ.) <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2025-1-162>

Введение

Актуальность исследования. Современной тенденцией в образовании, связанной с его цифровизацией, является внедрение технологий искусственного интеллекта (далее — ИИ) для облегчения доступа к информации. Использование технологий ИИ в образовании, безусловно, открывает новые возможности и перспективы как для обучающихся, так и для преподающих. Наряду с преимуществами, распространение технологий ИИ имеет и негативные последствия, вызывающие серьезные опасения в академическом сообществе. Одним из них является рост академической нечестности [1].

Степень разработанности темы. В современных работах зарубежных и российских ученых исследуются методики применения ИИ, например использование синтетических текстов [2], система оценивания, этические аспекты в образовании и науке.

Особое внимание сосредоточено на использовании чат-ботов. Так, показано, что, например, ChatGPT способен оказывать изучающим языки постоянную помощь, базируясь на аутентичных образцах устной и письменной речи [3–5]. Отмечается, что важным изменением трансформации высшего образования под влиянием ChatGPT должны стать изменения системы оценивания [6–9], но набор стандартных показателей оценки для чат-ботов еще не создан [10].

Значительное количество публикаций, связанных с чат-ботами в образовании, посвящено этическим аспектам [11–16].

В литературе обсуждаются вопросы эволюции проектирования и генерации запросов в области обработки естественного языка (NLP) [17–19]. В работах обращается внимание на неоднозначность терминологии и недостаточное онтологическое понимание того, что такое запрос, представляется структурированное понимание запросов, создается таксономия техник запросов и анализируется их использование [20]. В работах ученых описываются способы внедрения технологий ИИ, в том числе промпт-инжиниринга, в учебный и исследовательский процесс и для проведения исследований [10; 21–24].

Ученые подчеркивают, что преподавателям необходимо адаптироваться к новым технологиям, развивать способность сотрудничать с людьми и машинами, а также играть более творческую роль в преподавании и обучении [25].

У российских ученых вызывает научный и методический интерес применение технологий ИИ в процессе обучения английскому языку российских студентов и школьников, а также методы и приемы обучения русскому языку как иностранному студентов других национальностей.

В работах исследователей и методистов гуманитарного профиля при обсуждении возможностей использования нейросетей в преподавании и обучении английскому языку указываются на такие аспекты использования ИИ, как подготовка тестов, конспектов уроков, проверка выполненных заданий, создание творческих работ.

В работах, посвященных преподаванию русского языка как иностранного, выделяются такие аспекты преподавания русского языка для иностранцев с помощью наиболее распространенных и доступных для широкого круга обучающихся ИИ-инструментов (чат-ботов и голосовых помощников, корпусных технологий, нейросети ChatGPT), как развитие видов речевой деятельности, изучение культуры России и ее регионов, участие в иноязычной практике речевого общения во внеаудиторное время, выстраивание индивидуальной траектории в зависимости от профессиональных и личностных интересов, потребностей и способностей [26]. Использование нейросетей в исследовательской деятельности студентов оценивается в литературе только как ресурс для подготовки эссе, курсовых и выпускных квалификационных работ (см., например, [27]).

Отмечается, что растущая популярность чат-ботов в повседневной жизни крайне редко находит конкретное воплощение в педагогических практиках, связанных с изучением иностранных языков [28].

Умения и навыки использования такой передовой технологии, как чат-боты, по нашему мнению, необходимо и для обучающихся, и для учителей и преподавателей. Но при обучении русскому языку как родному проблема использования Интернета и ИИ (в частности, чат-ботов) замалчивается, хотя и школьники, и студенты ими пользуются. Рассмотрение аспектов обучения русскому языку как родному с помощью ИИ является не только **актуальным**, но и **новым аспектом** научных исследований.

Цель настоящей работы — проанализировать возможности чат-ботов при изучении русского языка как родного.

Методы исследования: метод анкетирования, аналитический и количественный методы, метод эксперимента.

Для достижения целей исследования было проведено онлайн-анкетирование, позволяющее оценить уровень знаний, умений, мотивации и ответственности при использовании обучающимися ресурсов ИИ.

В опросе приняли участие 66 студентов 1–5 курсов бакалавриата, обучающихся по специальности «Педагогическое образование. Русский язык. Литература» и «Педагогическое образование. Русский язык как иностранный» в Мурманском арктическом университете. Возраст анкетироваемых от 17 до 27 лет, 25 % из них — 19 лет. Онлайн-анкетирование, проведенное в школах Мурманска и Мурманской области, охватило 90 школьников, в основном 5-х и 9-х классов. Возраст анкетироваемых: 55,6 % — от 11 до 13 лет, 40 % — от 14 до 15 лет. Студентам было предложено ответить на 22 вопроса с выбором и без выбора ответа, а школьникам — на 10 вопросов с выбором ответа.

Основная часть

Мотивация использования обучающимися нейросети (чат-ботов) при изучении русского языка как родного

На вопрос о том, как часто студенты и школьники используют ИИ в целом и нейросети в частности, 33 % студентов, обучающихся по профилю «Русский язык. Литература» и «Русский язык как иностранный», ответили, что используют редко, 21 % — ежедневно, 27 % — раз в неделю, 9 % — никогда. Среди школьников данные другие: 32 % используют редко, 11 % — раз в неделю, а 26 % не

используют вообще. Ответ «никогда» не представляется нам объективным. В таком случае можно предположить нежелание отвечать на вопрос или незнание предмета (что такое ИИ, нейросеть). При личном общении выяснилось, что школьники часто используют для написания сочинений Интернет, а студенты считают, что вопрос касается подготовки к занятиям по современному русскому языку, а для этой цели не имеет смысла обращаться за ответами к нейросетям, так как преподаватель (автор настоящей статьи) дает четкие установки, откуда брать материал для выполнения заданий.

Проведенное исследование выявило мотивацию использования чат-ботов в целом и при изучении русского языка в частности.

Отвечая на вопрос, какие задачи побуждают обучающихся использовать чат-боты, 28 % студентов отметили, что это удобно, 53 % — снижает время на выполнение задачи и позволяет получать быстрый ответ. Доступность круглосутки привлекает 53 % студентов наряду с экономией денег (30 %). Студенты используют чат-боты для того, чтобы получить информацию о нормах русского литературного языка (15 %), о значении слов современного русского языка (28 %) и об их происхождении (2 %), а также чтобы «смотреть под другим углом на те или иные явления в языке» (2 %).

Удобство использования нейросетей при изучении русского языка или при написании работ (сочинений, изложений и т. п.) положительно оценивают 19 % школьников, такой же процент опрошенных школьников оценивают его отрицательно. Школьники пользуются чат-ботами для изучения правил современного русского языка (36 %), при написании сочинений и изложений (22,5 %), при составлении устных рассказов (16 %) и при выполнении упражнений по русскому языку (13 %).

Из недостатков использования чат-ботов в анкетах студентов названы такие, как «выдает неверные ответы или вообще ничего не выдает», «некорректно распознает вопросы», «собирает слишком общую информацию», «допускает ошибки в именах ученых при поиске информации для доклада», «бесплатный чат-бот плохо обучен русскому языку».

В качестве негативного эффекта использования чат-ботов школьники назвали невозможность получить точный ответ. Хотя думается, что этот способ поиска информации пока не стал у школьников распространенным. Поэтому при изучении русского языка как родного пользуются чат-ботами лишь 15 % опрошенных, а остальные считают, что при изучении русского языка как родного

не требуется использование ИИ (27 %), в том числе потому, что им неудобно пользоваться (4 %) или просто они не умеют им пользоваться (3 %).

Таким образом, как показало анкетирование, у обучающихся в целом не сформирован навык использования ИИ (нейросети) при изучении русского языка как родного. Тогда встает вопрос, а насколько необходим этот навык?

Возможность и необходимость использования обучающимися нейросети (чат-ботов) при изучении русского языка как родного

Исследованию преимуществ и недостатков ChatGPT в процессе изучения школьниками английского языка в числе прочих посвящена работа О. В. Дониной и В. А. Рафаэльян. Ученые выбрали особый ракурс: они проанализировали качество выполнения чат-ботом ChatGPT заданий по грамматике, лексике, фонетике английского языка из учебных пособий, сборников упражнений, сайта «Решу ЕГЭ» и интернет-ресурсов для учителей [29].

Мы в свою очередь предложили своим студентам проанализировать качество выполнения чат-ботами заданий по грамматике русского языка и творческих заданий из учебника по русскому языку для 8 класса [30].

Анализ выполнения чат-ботами заданий по морфологии и синтаксису русского языка показал, что чат-боты делают большое количество ошибок в определении грамматических категорий разных частей речи, не могут установить синтаксические отношения и связи слов в русском предложении, правильно сделать разбор русских слов по составу.

Так, например, выполняя упр. 12 из учебника русского языка для 8 класса: *Спишите предложение. Выполните указанные виды лингвистического анализа: Роняет (3) лес багряный (2) свой убор, сребрит мороз (1) увянувшее поле(4) (А. С. Пушкин)* — ChatGPT определяет вид глагола *роняет* как совершенный: *вид совершенный, поскольку «ронять» — это действие, которое происходит в данный момент и не завершено.*

Несовершенство технологии ИИ обнаруживается при сопоставлении ответов на запросы чата TalkAI. Формулировка запроса к чат-боту подчас противоположным образом влияет на ответ. Поэтому исследователи отмечают, что успех использования данных технологий во многом зависит от умения формулировать качественные запросы. Релевантность предоставляемой информации напрямую связана с качеством исходного запроса, т. е. некорректно сформу-

лированный тезис может привести к получению избыточных или даже ошибочных данных, что вводит обучающихся в заблуждение.

Эффективным педагогическим средством формирования процессуального компонента информационной культуры является технология промпт-инжиниринга, позволяющая оптимизировать процесс поиска данных таким образом, чтобы он максимально соответствовал информационным нуждам пользователя. Промпт-инжиниринг как педагогическая технология представляет собой процесс целенаправленного конструирования текстовых запросов-подсказок («промтов»). Определяющим подходом в решении этих проблем следует считать методики формирования промптов (см., например, [31]).

В ходе нашего эксперимента мы сформулировали сначала свой запрос к чат-боту TalkAI так, как сформулировано в школьном учебнике: *Укажите виды лингвистического анализа: Роняет (3) лес багряный (2) свой убор, сребрит мороз (1) увянувшее поле (4) (А. С. Пушкин)* — и получили следующий ответ по поводу глагола *роняет*: *глагол, 3-е лицо, единственное число, настоящее время, изъявительное наклонение, действие в процессе*. Запрос к этому же чат-боту: *Выполни морфологический анализ глагола роняет* — обнаружил следующий ответ: *вид перфективный (совершенный)*. Интересно, что замена слова *анализ* на слово *разбор* (изменение терминологии со школьной на вузовскую — морфологический анализ / морфологический разбор) меняет ответ чат-бота: *роняет* — *вид совершенный (переходный)*.

Ошибки в ответе чат-бота TalkAI отмечены и при выполнении разбора по членам предложения: дополнением в первой части предложения *Роняет лес багряный свой убор* чат-бот считает *свой убор*, а не *убор*, а подлежащим — *лес багряный*, а не *лес*, хотя прилагательное *багряный* является согласованным определением к существительному *убор*.

Таким образом, гипотеза о том, что грамматика не является проблемой для чат-бота, представленная на примере английского языка, не подтвердилась по отношению к русскому языку. В отношении английского языка мнение ученых противоположное по причине изначальной разработки ChatGPT для английского языка.

Посмотрим, как можно использовать обучающемуся чат-боты при написании творческих работ (эссе, сочинение, изложение, исследовательские задания).

Рекомендации по методике обучения школьников и студентов написанию творческих работ на иностранном языке с использованием ИИ, при которой полностью реализуется триада «обучающийся — преподаватель — ИИ», представлены в работе П. В. Сысоева и Е. М. Филатова. Исследователи разработали вариант методики обучения написанию эссе на английском языке [25].

Мы «оценили» уровень чат-ботов на примере русского языка. По запросу *Выполните задание к упр. 225 из учебника по русскому языку для 8 класса: Подготовьте мини-проект на тему «Роль эпитета в поэме М. Лермонтова «Мцыри». В ходе работы над проектом выпишите эпитеты из текста поэмы и определите, чем они выражены*, ChatGPT сгенерировал следующий текст: *В поэме Михаила Лермонтова «Мцыри» множество ярких эпитетов, которые помогают создать образный мир произведения и передать эмоции героя. Вот несколько примеров эпитетов и их выражение: «тихие сны» — эпитет, выделяющий спокойствие и умиротворение, выраженный прилагательным «тихие»; «белое облако» — эпитет, создающий образ невесомости и чистоты, выраженный прилагательным «белое»; «зеленая долина» — эпитет, описывающий живописный ландшафт, выраженный прилагательным «зеленая», «мрачные думы» — эпитет, передающий тяжесть, и *gloom* [мрак], выраженный прилагательным «мрачные». Эпитеты в поэме Лермонтова характеризуются своей выразительностью и эмоциональной насыщенностью, они являются средством создания уникального поэтического языка, приносящего глубину и многозначность в описание природы и внутреннего мира героя. Эти эпитеты разнообразны и могут быть выражены как обычными прилагательными, так и чрезмерно метафорическими оборотами, которые усиливают эмоциональное воздействие на читателя.*

Анализ сгенерированного чат-ботом текста показал, что ИИ создал текст достаточно качественный, хотя язык текста обнаруживает его создание нечеловеком. Но в качестве выполненного задания текст, скорее всего, будет одобрен учителем (кроме, конечно, использования английского слова *gloom*). Этические проблемы в данном случае не являются предметом нашего исследования.

Заключение. Вопросы использования ИИ начали активно обсуждаться в педагогике в последние 3–4 года. В работах в первую очередь подчеркиваются достоинства и недостатки использования ИИ в целом и нейросетей в частности: акцентируются такие преимущества использования ИИ, как адаптивное, персонализирован-

ное, интервальное обучение, модерирование группового обучения, «программы-симулянты» поведения учителя и автоматизированный контроль [32]. Одновременно подчеркивается, что чат-бот не может заменить учителя, а наоборот, его влияние может иметь отрицательные последствия, как-то: отсутствие навыков критического мышления и отбора фактов, снижение навыков самопроверки и перепроверки текстов, трудность формирования навыка самостоятельного высказывания, снижение эффективности творческих работ (особенно в качестве домашнего задания) [33, с. 29].

Объектом исследования процесса использования ИИ в образовательном процессе традиционно выступают английский язык и русский язык как иностранный, а проблема использования ИИ при изучении русского языка как родного остается неизученной и актуальной.

Определение возможностей чат-ботов при изучении русского языка как родного логично, с нашей точки зрения, начинать с исследования причин использования/неиспользования нейросетей. Анкетирование показало, что значительная часть обучающихся видит такие преимущества использования ИИ при подготовке к занятиям по русскому языку, как скорость получения ответов и круглосуточная доступность нейросетей, но осознает и недостатки этого способа получения информации. В первую очередь обучающихся не устраивает качество сгенерированной чат-ботом информации, что объясняется несовершенством ИИ, изначально функционирующего на основе английского языка.

Методом эксперимента были обнаружены факты, свидетельствующие об ошибках в грамматике русского языка в ответах на запросы — аналоги заданий к упражнениям в школьных учебниках по русскому языку.

Исследование показало, что оба участника процесса (обучающийся — ИИ) еще не готовы к полноценной коммуникации: у обучающихся в целом не сформирован навык использования ИИ (нейросети) при изучении русского языка как родного и не отработано критическое отношение к материалам, представленным в текстах ИИ, а у ИИ «не хватает» знаний в области русского языка.

При таком положении дел видится перспективным описание потенциала ИИ для школьного обучения в целом и при обучении русскому языку как родному в частности. Для этого, с нашей точки зрения, должны быть рассмотрены актуальные способы оптимизации учебного процесса с помощью ИИ. Кроме того, использова-

ние ИИ в образовательной деятельности обучающихся может быть представлено в ином ракурсе — в рамках научно-исследовательской работы студентов — будущих учителей русского языка, а именно: не как помогает (мешает) студенту использование чат-бота в написании научных работ, а как, оценив недостатки и достоинства такого использования, определить стратегию своей образовательной и педагогической деятельности.

Список источников

1. Тихонова Н. В., Ильдуганова Г. М. «Меня пугает то, с какой скоростью развивается искусственный интеллект»: восприятие студентами искусственного интеллекта в обучении иностранным языкам // Высшее образование в России. 2024. Т. 33. № 4. С. 63–83.
2. Ive J. Leveraging the potential of synthetic text for AL in mental health-care // *Frontiers in Digital Health*. 2022. No 4. DOI:10.3389/fdgh.2022.1010202
3. Kohnke L., Moorhouse B. L., Zou D. ChatGPT for Language Teaching and Learning // *RELC Journal*. 2023. No 54 (2). Pp. 537–550.
4. Barrot J.S. Using ChatGPT for Second Language Writing: Pitfalls and Potentials // *Assessing Writing*. 2023. No 57. DOI:10.1016/j.asw.2023.100745.
5. Liu G., Ma C. Measuring EFL Learners' Use of ChatGPT in Informal Digital Learning of English Based on the Technology Acceptance Model // *Innovation in Language Learning and Teaching*. 2023. DOI:10.1080/17501229.2023.2240316.
6. Rudolph J., Tan S. ChatGPT: Bullshit Spewer or the End of Traditional Assessments in Higher Education? // *Journal of Applied Learning & Teaching*. 2023. No 6 (1). Pp. 342–363.
7. Farazouli A., Cerratto-Pargman T., Bolander-Laksov K., McGrath C. Hello GPT! Goodbye Home Examination? An Exploratory Study of AI Chatbots Impact on University Teachers' Assessment Practices // *Assessment & Evaluation in Higher Education*. 2023. DOI: 10.1080/02602938.2023.2241676.
8. Mizumoto A., Eguchi M. Exploring the Potential of Using an AI Language Model for Automated Essay Scoring // *Research Methods in Applied Linguistics*. 2023. No 2 (2). DOI: 10.1016/j.rmal.2023.100050.
9. Паскова А. А. Возможности интеграции технологий генеративного искусственного интеллекта в процессы формирующего оценивания в высшем образовании // *Вестник Майкопского государственного технологического университета*. 2024. Т. 16. № 2. С. 98–109.
10. 任牡丹, 耿睿, 吴义熔. 聊天机器人评估研究综述: 指标、方法与应用领域[J]. *图书情报工作* 2023, 67 (22) : 140–148 (Рен Мудан, Генг Кван, Ву Йиронг. Обзор исследований по оценке чат-ботов: показатели, методы и области применения // *Библиотечная и интеллектуальная работа*. 2023. № 67 (22). С. 140–148.

11. King M. R. ChatGPT: A Conversation on Artificial Intelligence, Chatbots, and Plagiarism in Higher Education // *Cellular and Molecular Bioengineering*. 2023. No 16: 1–2. DOI:10.1007/s12195-022-00754-8.
12. Cotton D. R. E., Cotton P. A., Shipway J. R. Chatting and Cheating: Ensuring Academic Integrity in the Era of ChatGPT // *Innovations in Education and Teaching International*. 2023. DOI:10.1080/14703297.2023.2190148.
13. Fyfe P. How to Cheat on Your Final Paper: Assigning AI for Student Writing // *AI and Society*. 2023. No 38. Pp. 1395–1405.
14. Illia L., Colleoni E., Zyglidopoulos S. Ethical Implications of Text Generation in the Age of Artificial Intelligence // *Business Ethics, Environment and Responsibility*. 2023. No 32 (1). Pp. 201–210.
15. Yeo M. A. Academic Integrity in the Age of Artificial Intelligence (AI) Authoring Apps // *TESOL Journal*. 2023. No 14 (3). Pp. 716.
16. Seredkina E., Liu Y. Chat GPT and the Voices of Reason, Responsibility, and Regulation // *Technology and Language*. 2024. No 5 (2). Pp. 1–10.
17. Mukhtadir G. M. A Brief History of Prompt: Leveraging Language Models. (Through Advanced Prompting). 2023. arXiv:2310.04438.
18. Sahoo P. et al. A Systematic Survey of Prompt Engineering in Large Language Models: Techniques and Applications. 2024. arXiv:2402.07927v1.
19. White J. et al. A Prompt Pattern Catalog to Enhance Prompt Engineering with ChatGPT. 2023. arXiv:2302.11382.
20. Schulhoff S. et al. The Prompt Report: A Systematic Survey of Prompting Techniques. 2024. arXiv:2406.06608v3.
21. Алферьева-Термсикос В. Б. Промт-инжиниринг как стратегия формирования информационной культуры обучающихся // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2024. № 9–1 (96). С. 10–15.
22. Zagher J. et al. Prompt Engineering Paradigms for Medical Applications: Scoping Review // *Journal of Medical Internet Research*. 2024. Vol. 26. DOI:10.2196/60501.
23. Сойлен К. С. Возможности и ограничения искусственного интеллекта в социальном анализе и прогнозировании будущего // *Форсайт*. 2024. Т. 18. № 2. С. 6–20.
24. Бахтизин А. Р., Брагин А. В., Макаров В. Л. Большие языковые модели четвёртого поколения как новый инструмент в научной работе // *Искусственные общества*. 2023. Т. 18. Вып. 1. URL: <https://artsoc.jes.su/s207751800025046-9-1/> (дата обращения: 01.12.2024).
25. Сысоев П. В., Филатов Е. М. Методика обучения учащихся и студентов написанию эссе в триаде «обучающийся — преподаватель — искусственный интеллект» // *Вестник Московского университета. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2024. Т. 27. № 2. С. 38–54.
26. Сысоев П. В., Филатов Е. М. Технологии искусственного интеллекта в обучении русскому языку как иностранному // *Русистика*. 2024. Т. 22. № 2. С. 300–317.

27. Осипенко Л. Е., Коротков А. В. Текстовые генеративные нейросети в исследовательской деятельности студентов // Мир науки, культуры, образования. 2024. № 4 (107). С. 90–93.

28. Fryer L.K., Nakao K., Thompson A. Chatbot learning partners: Connecting learning experiences, interest and competence // Computers in Human Behavior. 2019. Vol. 93. Pp. 279–289.

29. Донина О. В., Рафаэльян В. А. Вызовы и перспективы использования ChatGPT в процессе изучения английского языка // Artium magister. 2023. Vol. 23. № 2. С. 26–32.

30. Русский язык: 8 класс : учебник / С. Г. Бархударов, С. Е. Крючков, Л. Ю. Максимов [и др.]. 5-е изд., перераб. М.: Просвещение, 2023. 287 с.

31. Дудихин В. В., Кондрашов П. Е. Методология использования больших языковых моделей для решения задач государственного и муниципального управления по интеллектуальному реферированию и автоматическому формированию текстового контента // Государственное управление. Электронный вестник. 2024. № 105. С. 169–179.

32. Свердлова Н. А., Орлова Е. С. Анализ возможностей искусственно-го интеллекта применительно к обучению в школе // Международный научно-исследовательский журнал. 2024. № 1 (139). URL: <https://research-journal.org/archive/1-139-2024-january/10.23670/IRJ.2024.139.161> (дата обращения: 28.11.2024).

33. Козловцева Н. А. Искусственный интеллект в обучении русскому языку как иностранному: опыт Финансового университета // Мир науки, культуры, образования. 2023. № 6 (103). С. 28–31.

References

1. Tihonova N. V., Il'duganova G. M. "I'm scared by how fast AI is developing": Students' perceptions of AI in foreign language teaching. *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher education in Russia]. 2024. Vol. 33. No 4. Pp. 63–83. (In Russ.)

2. Ive J. Leveraging the potential of synthetic text for AL in mental health-care. *Frontiers in Digital Health*. 2022. No 4. DOI:10.3389/fdgth.2022.1010202.

3. Kohnke L., Moorhouse B.L., Zou D. ChatGPT for Language Teaching and Learning. *RELC Journal*. 2023. No 54 (2). Pp. 537–550.

4. Barrot J.S. Using ChatGPT for Second Language Writing: Pitfalls and Potentials. *Assessing Writing*. 2023. No 57. DOI:10.1016/j.asw.2023.100745.

5. Liu G., Ma C. Measuring EFL Learners' Use of ChatGPT in Informal Digital Learning of English Based on the Technology Acceptance Model. *Innovation in Language Learning and Teaching*. 2023. DOI:10.1080/17501229.2023.2240316.

6. Rudolph J., Tan S. ChatGPT: Bullshit Spewer or the End of Traditional Assessments in Higher Education? *Journal of Applied Learning & Teaching*. 2023. No 6 (1). Pp. 342–363.

7. Farazouli A., Cerratto-Pargman T., Bolander-Laksov K., McGrath C. Hello GPT! Goodbye Home Examination? An Exploratory Study of AI Chatbots Impact

on University Teachers' Assessment Practices. *Assessment & Evaluation in Higher Education*. 2023. DOI: 10.1080/02602938.2023.2241676.

8. Mizumoto A., Eguchi M. Exploring the Potential of Using an AI Language Model for Automated Essay Scoring. *Research Methods in Applied Linguistics*. 2023. No 2 (2). DOI: 10.1016/j.rmal.2023.100050.

9. Paskova A. A. Possibilities of integrating generative artificial intelligence technologies into formative assessment processes in higher education. *Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologicheskogo universiteta* [Bulletin of the Maikop State Technological University]. 2024. Vol. 16. No 2. Pp. 98–109. (In Russ.)

10. 任牡丹, 耿葵, 吴义焯. 聊天机器人评估研究综述: 指标、方法与应用领域[J]. *图书情报工作* 2023, 67 (22) : 140–148 (Ren Mudan, Geng Kvan, Vu Jirong. A Review of Chatbot Evaluation Research: Metrics, Methods, and Applications. *Bibliotekhnaja i intellektual'naja rabota* [Library and Intellectual Work]. 2023. No 67 (22). Pp. 140–148. (In Chin.)

11. King M. R. ChatGPT. A Conversation on Artificial Intelligence, Chatbots, and Plagiarism in Higher Education. *Cellular and Molecular Bioengineering*. 2023. No 16: 1–2. DOI:10.1007/s12195-022-00754-8.

12. Cotton D. R. E., Cotton P. A., Shipway J. R. Chatting and Cheating: Ensuring Academic Integrity in the Era of ChatGPT. *Innovations in Education and Teaching International*. 2023. DOI:10.1080/14703297.2023.2190148.

13. Fyfe P. How to Cheat on Your Final Paper: Assigning AI for Student Writing. *AI and Society*. 2023. No 38. Pp. 1395–1405.

14. Illia L., Colleoni E., Zyglidopoulos S. Ethical Implications of Text Generation in the Age of Artificial Intelligence. *Business Ethics, Environment and Responsibility*. 2023. No 32 (1). Pp. 201–210.

15. Yeo M. A. Academic Integrity in the Age of Artificial Intelligence (AI) Authoring Apps. *TESOL Journal*. 2023. No 14 (3). P. 716.

16. Seredkina E., Liu Y. Chat GPT and the Voices of Reason, Responsibility, and Regulation. *Technology and Language*. 2024. No 5 (2). Pp. 1–10.

17. Mukhtadir G. M. A Brief History of Prompt: Leveraging Language Models. (*Through Advanced Prompting*). 2023. arXiv:2310.04438.

18. Sahoo P. et al. A Systematic Survey of Prompt Engineering in Large Language Models: Techniques and Applications. 2024. arXiv:2402.07927v1.

19. White J. et al. A Prompt Pattern Catalog to Enhance Prompt Engineering with ChatGPT. 2023. arXiv:2302.11382.

20. Schulhoff S. et al. *The Prompt Report: A Systematic Survey of Prompting Techniques*. 2024. arXiv:2406.06608v3.

21. Alfer'eva-Termsikos V. B. Industrial engineering as a strategy for the formation of information culture of students. *Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk* [International Journal of Humanities and Natural Sciences]. 2024. No 9–1 (96). Pp. 10–15. (In Russ.)

22. Zahir J. et al. Prompt Engineering Paradigms for Medical Applications: Scoping Review. *Journal of Medical Internet Research*. 2024. Vol. 26. DOI:10.2196/60501.

23. Soilen K. S. Capabilities and Limitations of Artificial Intelligence in Social Analysis and Predicting the Future. *Forsajt* [Forsythe]. 2024. Vol. 18. No 2. Pp. 6–20. (In Russ.)

24. Bahtizin A. R., Bragin A. V., Makarov V. L. Large language models of the fourth generation as a new tool in scientific work. *Iskusstvennye obshchestva* [Artificial societies]. 2023. Vol. 18. Issue 1. Available at: <https://artsoc.jes.su/s207751800025046-9-1/> (accessed: 01.12.2024). (In Russ.)

25. Sysoev P. V., Filatov E. M. Methodology of teaching pupils and students to write essays in the triad «student — teacher — artificial intelligence». *Vestnik Moskovskogo universiteta Ser. 19. Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija* [Moscow University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication]. 2024. Vol. 27. No 2. Pp. 38–54. (In Russ.)

26. Sysoev P. V., Filatov E. M. Artificial Intelligence Technologies in Teaching Russian as a Foreign Language. *Rusistika* [Russian Language Studies]. 2024. Vol. 22. No 2. Pp. 300–317. (In Russ.)

27. Osipenko L. E., Korotkov A. V. Text generative neural networks in students' research activities. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [The world of science, culture and education]. 2024. No 4 (107). Pp. 90–93. (In Russ.)

28. Fryer L. K., Nakao K., Thompson A. Chatbot learning partners: Connecting learning experiences, interest and competence. *Computers in Human Behavior*. 2019. Vol. 93. Pp. 279–289.

29. Donina O. V., Rafajel'jan V. A. Challenges and Prospects of Using Chat-GPT in the Process of Learning English. *Artium magister*. 2023. Vol. 23. No 2. Pp. 26–32. (In Russ.)

30. *Russkij jazyk: 8 klass : uchebnik* [Russian language: 8th grade : textbook]. S. G. Barhudarov, S. E. Krjuchkov, L. Ju. Maksimov [i dr.]. 5th ed., revised. Moscow: Prosveshhenie, 2023. 287 p. (In Russ.)

31. Dudihin V. V., Kondrashov P. E. Methodology of using large language models to solve problems of state and municipal administration on intelligent abstracting and automatic generation of text content. *Gosudarstvennoe upravlenie. Jelektronnyj vestnik* [Public administration. Electronic Bulletin]. 2024. No 105. Pp. 169–179. (In Russ.)

32. Sverdlova N. A., Orlova E. S. Analysis of the capabilities of artificial intelligence in relation to school education [Electronic resource]. *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal* [International research journal]. 2024. No 1 (139). Available at: <https://research-journal.org/archive/1-139-2024-january/10.23670/IRJ.2024.139.161> (accessed: 28.11.2024). (In Russ.)

33. Kozlovceva N. A. Artificial Intelligence in Teaching Russian as a Foreign Language: Experience of the Financial University. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [The world of science, culture and education]. 2023. No 6 (103). Pp. 28–31. (In Russ.)

Сведения об авторе

Иванищева Ольга Николаевна

доктор филологических наук, профессор, Мурманский арктический университет (183038, Россия, Мурманск, ул. Кап. Егорова, 15)

Information about the author

Olga N. Ivanishcheva

Doctor of Philology, Professor, Murmansk Arctic University (15, Cap. Egorova, Murmansk, 183038, Russia)

Статья поступила в редакцию / The article was submitted	03.12.2024
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing	20.01.2025
Принята к публикации / Accepted for publication	14.02.2025